

В рабстве у Лейфа Счастливого. История о днях викингов

Оттилия А. Лильенкранц

The Thrall of Leif the Lucky: A Story of Viking Days

Ottilie A. Liljencrantz

Электронная книга проекта Гутенберга "В рабстве у Лейфа Счастливого: история дней викингов"

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и в большинстве других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: В рабстве у Лейфа Счастливого: История дней викингов

Автор: Оттилия А. Лильенкранц

Дата выхода: 1 октября 2003 г. [Электронная книга №4581]

Последнее обновление: 28 декабря 2020 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсер А. Элизабет Уоррен. HTML-версия Эла Хейнса.

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ПОРАБОЩЕНИЕ ЛЕЙФА СЧАСТЛИВЧИКА: ИСТОРИЯ ДНЕЙ ВИКИНГОВ" ***

В РАБСТВЕ У ЛЕЙФА СЧАСТЛИВОГО

История времен викингов

Оттилия А. Лильенкранц

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ

ГЛАВЕ I

Где волкам живется лучше, чем ягнятам

ГЛАВА II

Девушка в серебряном шлеме

ГЛАВА III

Доблестный разбойник

ГЛАВА IV

В логове викингов

ГЛАВА V

Гнев Девы-воительницы

ГЛАВА VI

Песнь разящей стали

ГЛАВА VII

Королевский гвардеец

ГЛАВА VIII

Лист Крестоносец

ГЛАВА IX

Перед вождем

ГЛАВА X

Королевская кровь Альфреда

ГЛАВА XI

Исчезновение шрама

ГЛАВА XII

Сквозь прутья льда

ГЛАВА XIII

Эрик Рыжий в Своих Владениях

ГЛАВА XIV

Ради креста

ГЛАВА XV

Волчья стая на привязи

ГЛАВА XVI

Придворный короля

Глава XVII

Ухаживание за Хельгой

ГЛАВА XVIII

Логово ведьмы

ГЛАВА XIX

Рассказы о неведомом Западе

ГЛАВА XX

Проклятие Элвина

ГЛАВА XXI

Сердце воительницы

ГЛАВА XXII

В тени Меча

ГЛАВА XXIII

Знакомый клинок в странных ножнах

ГЛАВА XXIV

Ради Дорогой любви

ГЛАВА XXV

"Там, где никогда не ступала нога человека"

ГЛАВА XXVI

Винланд Добрый

ГЛАВА XXVII

Сильнее меча

ГЛАВА XXVIII

"То, чему суждено случиться"

ГЛАВА XXIX

Битва за сильного

ГЛАВА XXX

Из - за моря

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Англосаксонская раса находилась в период своего отрочества во времена, когда жили викинги. Свежий огонь юности горел в крови людей; необузданная буйность юности побуждала их к преступлениям, а их добрые дела были вдохновлены чистотой, беззаветностью и божественной простотой юности. На каждый героический порок викинги клали на противоположную чашу весов героическую добродетель. Если они и грабили, как поступало большинство людей в те времена, когда Сила творила Добро, то ниспосланный небом инстинкт гостеприимства был у них до мозга костей. Ни один нищий не выходил из их дверей без подаяния; ни один путник напрасно не просил приюта; ни один гость не был встречен праздничным приветствием и не поспешил продолжить свой путь с подарком. Какими бы искусно лживыми они ни были по отношению к своим врагам, столь же великолепно правдивыми они были и по отношению к своим друзьям. Человек, который с безжалостной ненавистью отнял у своего врага последнюю каплю крови, столь же беспощадно отдавал свою собственную кровь, если тем самым мог помочь делу какого-нибудь названного брата. Прежде всего, они были расой завоевателей, которые преклоняли колени только перед своим доказанным превосходством. Они были преданы не просто человеку, рожденному королем, но человеку, который показал себя их лидером в храбрости и мастером в мастерстве. Так было и с их выбором религии, когда, наконец, наступил день смерти Одина. Не Богу, который прощает, и не Богу, который страдает,

они отдали свою веру; но они дали свои обеты Богу, который делает людей сильными, Богу, Который является никогда не умирающим и всемогущим Господом тех, кто следует за Ним.

В рабстве у Лейфа Счастливого

ГЛАВА I

ГДЕ ВОЛКАМ ЖИВЕТСЯ ЛУЧШЕ, ЧЕМ ЯГНЯТАМ

Пороки и добродетели
Сыновья смертных носят
В своей груди вперемешку;
Никто не настолько хорош, Чтобы его не сопровождали неудачи,
И не настолько плох, чтобы ни на что не годиться.
Хавама'л (Высокая песнь Одина).

Это было в далеком десятом веке, когда могучие светловолосые воины Норвегии, Швеции и Дании, которых жители Южной Европы называли норманнами, стали известны во всем мире и внушали страх. Исландия и Гренландия были колонизированы их бесстрашной предприимчивостью. Греция и Африка оказались недостаточно отдаленными, чтобы избежать их опустошительных действий. Потомки викинга Ролло правили Францией как герцоги Нормандии; а саксонская Англия, введенная в заблуждение Этельредом Неготовым и преследуемая датскими пиратами, быстро и уверенно переходила под власть Севера. Это было время, когда священники Франции добавили к своей литании такую мольбу: "От ярости норманнов избавь нас, добрый Господь".

Старый-престарый норвежский город Тронхjem, расположенный на Тронхjem-фjорде, опоясанном рекой Нид, был тогда новым городом короля Олафа Трюгвассона Нидаросом, и хотя это была не более чем торговая станция, деревушка без улиц, в ней царили процветание и ликующая жизнь. Берег был окаймлен кораблями, чьи позолоченные драконьи головы, пурпурно-желтые корпуса и лазурно-алые паруса отражались в волнах так, что казалось, будто в них расплавились радуги. Склоны холмов и берега реки пестрели яркими шатрами вождей, которые съехались со всего Севера навестить могущественного норвежского короля. Торговцы разбросали по равнине прилавки с заманчивыми товарами, так что все выглядело как на ярмарке. Широкие дороги между поместьями, сгрудившимися вокруг королевской резиденции, были запружены бряцающими всадниками, богато одетыми торговцами, за которыми следовали крытые повозки с драгоценными товарами, красивыми светловолосыми

женщинами, восседавшими в позолоченных седлах, похожих на кресла, монахами и рабами, белобородами служителями закона и напыщенными землевладельцами.

Одним ясным майским утром по одной из тех дорог, что пересекали город с запада, ехал верхом датский воин с привязанным к луке седла молодым пленным англичанином.

Северянин был большим, неповоротливым парнем с дикой гривой и грубым лицом, увенчанным железным шлемом и закутанным в грубую серую мантию, из складок которой вызывающе выглядывала рукоять боевого топора; но мальчик принадлежал к самому красивому саксонскому типу. Хотя ему едва исполнилось семнадцать, он был взрослым мужчиной, гибким и хорошо сложенным; и держался он благородно, несмотря на свою неуклюжую одежду из белой шерсти. Его золотисто-каштановые волосы были коротко подстрижены в знак рабства, а на руках и ногах были кандалы; но цепи не могли сдержать взгляда его гордых серых глаз, в каждом взгляде которых вспыхивал вызов.

Пересекая город в северном направлении, они подошли к торговой палатке на его окраине - странного вида сооружению с аккуратно сложенными бревенчатыми стенами, обтянутыми пестрым полотном. За ними равнина переходила в пологие холмы, над которыми, в свою очередь, возвышались покрытые соснами заснеженные вершины гор. С одной стороны река неслась бурными порогами, с другой виднелся широкий изгиб фиорда, сверкающий на солнце. При виде будки саксонец мрачно нахмурился, а датчанин вздохнул с облегчением. Натянув поводья перед дверью, воин спешил и спустил своего пленника на землю.

Яркая крыша прикрывала это зрелище варварского великолепия. На стенах висело оружие изысканной работы и редкие ткани, переплетенные сверкающими золотыми и серебряными нитями. Груды богатых мехов были свалены в кучу по углам, среди множества позолоченных рогов для питья, бронзовых сосудов и изящных серебряных урн. В задней части кабинки тянулась скамья, полная угрюмого вида существ - военнопленных, которых собирались продать в рабство, туземных невольников и двух северян, поработанных за долги. В центре зала, восседавая на одном из своих массивных, окованных сталью сундуков, великолепно украшенный бархатом и золотыми цепями, торговец руководил продажами, как принц на своем троне.

Датчанин приветствовал его угрюмым кивком, и тот ответил такими мягкими словами, какие советуют соблюдать каждому мужчине бережливые древнескандинавские пословицы.

"Приветствую тебя, Горм Арнорссон! Вот тебе и трудолюбие, если уже этой весной ты отправился в путешествие викингов и приобрел такую хорошую собственность! Как он к тебе попал?"

Горм грубо подтолкнул свою "собственность" вперед, и его резкий голос вырвался из его бычьей шеи, как рев. "Я поймал его в Англии прошлым летом. Мы разорили замок его отца, я и двадцать товарищей по кораблю, и перебили всех его родственников. Он происходит из хорошей крови; Мне точно сказали, что он сын ярла. И я клянусь, что он здоров духом и телом. Сколько ты заплатишь мне за него, Карл Гримссон?"

Хозяин будки погладил свою длинную белую бороду и критически оглядел пленника. Ему показалось, что он никогда не видел королевича с более надменным видом. Мальчик носил свои письма так, словно это были браслеты с рук Этельреда.

"Это потому, что ты так высоко ценишь его, что держишь в цепях?" спросил он.

- В этом я вас не обману, - сказал датчанин после минутного колебания. "Хотя он здоров духом и телом, он не здоров характером. Вскоре после того, как я заполучил его, я продал его Джилли Богатому в качестве пастуха; но поскольку ему было не по душе работать на молочной ферме, он потерял половину своего стада и позволил волкам растерзать остальное, а когда староста хотел выпороть его за это, он убил его. У него характер черного эльфа.

"Он не похож на воркующего голубя", - согласился торговец. "Но как получилось, что его не убили за это?" Я слышал, что Джилли - раздражительный человек.

Датчанин фыркнул. "Больше всего на свете он жаден до собственности, и его жена Берта посоветовала ему не терять цену, которую он заплатил. Я полагаю, что ей нравится этот детеныш; она была английской пленницей до того, как Богатый Человек женился на ней. Он последовал ее совету, как и следовало ожидать, и оседлал мне щенка, когда я вчера проезжал через округ. Я должен был сам отправить его к Тору, - добавил он, многозначительно взмахнув топором, - но это серебро пригодится и мне. Я отправляюсь к своим товарищам по кораблю в Висби. И я спешу, Карл Гримссон. Возьми его и дай мне то, что ты считаешь справедливым.

Казалось, торговец никогда не закончит задумчиво поглаживать свою бороду, но наконец он встал и потребовал свои весы. Датчанин взял небольшую горку серебряных колец, которую ему протянули, и вышел из палатки. В то же время он ушел из жизни английского мальчика. Как жаль, что результат их короткого знакомства не мог исчезнуть вместе с ним!

Торговец оглядел свою новую собственность, стоящую перед ним прямую и стройную. - Как тебя зовут? - спросил он. - И откуда ты? - спросил он. - Откуда ты? И из какого рода?

- Меня зовут Элвин, - ответил раб, - и я родом из Нортумбрии. Он заколебался, и кровь прилила к его лицу. "Но я не назову вам имени моего отца, - гордо закончил он, - чтобы вы могли пристыдить его за то, что он опозорил меня".

Терпение торговца слегка лопнуло. В те дни мирные торговцы были еще и воинами в межвременье.

Внезапно он обнажил меч, висевший у него на боку, и приставил его острие к груди раба.

- Я снова спрашиваю тебя, из какого ты рода. Если вы не ответите сейчас, маловероятно, что вы доживете до того, чтобы ответить на третий вопрос".

Возможно, бронзовые щеки юного Элвина немного утратили свой румянец, но его губы презрительно скривились. Так они стояли минуту за минутой, острие протыкало ткань насквозь, пока мальчик не почувствовал его прикосновение к своей коже.

Постепенно лицо торговца расплылось в мрачной улыбке. - Ты молодой волк, - сказал он наконец, убирая оружие в ножны. - Но все же иди и сядь с остальными. Возможно, на Севере волки процветают лучше, чем ягнята.

ГЛАВА II

ДЕВУШКА В СЕРЕБРЯНОМ ШЛЕМЕ

Словам девушки
Никто не должен верить,
Равно как и тому, что говорит женщина;
Ибо на вращающемся колесе
Сформировались их сердца,
И в их груди было заложено коварство.
Хавама'л

День за днем, неделя за неделей Элвин сидел и ждал, куда приведет его следующий поворот колеса несчастья. Стенд постоянно посещали интересные люди. Теперь это был отряд королевских гвардейцев за оружием — великолепные гиганты в кольчугах, которые ели за столом короля Олафа, спали в его зале и сражались насмерть рядом с ним. И снова это был менестрель с арфой за спиной, который остановился передохнуть и обменять песню на рог медовухи. Однажды сама королева, ехавшая в сверкающей позолоченной повозке, приехала и купила несколько изящных спиральных браслетов. Она сказала, что глаза Элвина блестели, как у молодой змеи, но она не купилась на него.

Дверной проем обрамлял постоянно меняющуюся картину— распускающиеся березы на берегу реки; мужчины, пашущие в долине; пастухи, пасущие стада, которые казались точками ваты на зеленых склонах холмов. Иногда группы веселых людей из королевского дома проезжали мимо на охоту, звеня шпорами, трубя рогами, с соколами на запястьях. Иногда мускулистые последователи приезжих вождей группами с важным видом проходили мимо, и мальчик слышал их крики и смех, когда они устраивали попойки в гостинице неподалеку. Иногда их грубые голоса становились еще грубее, и мимо двери пролетала стрела; или раздавался лязг оружия, сопровождаемый стоном.

Однажды, когда Элвин сидел и смотрел вдаль, подперев подбородок рукой, опершись локтем о колено, его внимание привлекли два всадника, быстро спускавшихся по тропинке с холма справа. Сначала один был всего лишь размытым серым пятном, а другой - алым пламенем; они исчезли за осиновой рощей, затем снова появились ближе, и он смог разглядеть белую бороду на серой фигуре и завесу золотистых волос над алой юбкой. Какие волосы для мальчика, даже самого благородного происхождения! У всех свободных людей был обычай носить свои локоны нестриженными; но эта золотая мантия! Но могла ли это быть девочка? Носила ли когда-нибудь

девушка шлем, похожий на серебряную чашу, и юбку, доходящую до колен? Если это была девушка, то она, должно быть, одна из тех воительниц, о которых пели менестрели. Элвин с любопытством наблюдал за парой, пока они галопом спускались по последнему склону и сворачивали на тропинку у реки. Они должны миновать будку, и тогда...

В голове у него все закружилось, и он встал, охваченный сильным интересом. Что-то испугало белого скакуна в алой юбке; он вильнул в сторону и поднялся на дыбы с такой внезапностью, что чуть не сбросил своего всадника; затем он зажал зубами бронзовые удила и прыгнул вперед. Белоус и его гнедая кобыла остались позади. Желтые волосы развевались, как знамя; подойдя ближе, Элвин увидел, что это действительно девочка. Она вцепилась в поводья и удержалась в седле, как кентавр. Но внезапно что-то подалось. Она рванулась вбок, и лошадь, схватив ее за запястье, запутавшееся в поводьях, потащила ее по каменистой дороге.

Забыв о своих скованных конечностях, Элвин рванулся вперед, но в одно мгновение все было кончено. Один из слуг торговца налетел на голову животного и остановил его почти у дверей палатки. В следующий момент вокруг упавшей девушки собралась толпа и закрыла ее от него. Элвин смотрел на удаляющиеся спины с ужасным видением разорванных золотых волос, забрызганных кровью. Должно быть, она мертва, потому что ни разу не вскрикнула. В голове у него все еще звенели крики служанок его матери, когда датчане выносили их из горящего замка.

Белоус прискакал галопом, отдуваясь. Это был щедедушный маленький немец с лицом таким же маленьким и сморщенным, как зимнее яблоко, но телом, закутанным в отороченные мехом туники, до такой степени, что оно казалось толстым, как у белого медведя. Он скатился с лошади; толпа расступилась перед ним. Затем английский юноша испытал еще одно потрясение.

Покрытая синяками и грязью, но не мертвая и не теряющая сознание, девушка стояла, рассматривая свое запястье с предельным спокойствием. Хотя ее лицо было белым и искаженным болью, она посмотрела на старика с легкой кривой улыбкой.

- Ничего страшного, Тайркер, - быстро сказала она, - просто порвалась подпруга, и, похоже, у меня вывихнуто запястье. Мы войдем сюда, и ты установишь его.

Тиркер мгновение смотрел на нее, моргая, со смешанным выражением привязанности и удивления; затем глубоко вздохнул. "Доннерветтер, но ты настоящая воительница!" - сказал он дрожащим дискантом.

Торговец принял их с истинно норвежским гостеприимством; и Элвин в безмолвном изумлении наблюдал, как старик разорвал алый рукав и вправил вывихнутые кости на место, при этом пациент не проронил ни слова. Несмотря на ее странный наряд и общую растрепанность, теперь он мог разглядеть, что она была красивой девушкой, на год или два моложе его. Ее лицо было нежно-розово-жемчужным, как морская раковина, а цветы кукурузы среди пшеницы были не синее, чем глаза, выглядывавшие из-под ее колышущихся золотистых локонов.

Когда запястье было вправлено и перевязано, торговец подарил им шелковый шарф, из которого можно было сделать перевязь, и велел подать с рогами искрящегося меда. Это дало поворот делу, которое представляло особый интерес для Элвина. Есть древнескандинавская

пословица, которая гласит: "Ложь за ложь, смех за смех, подарок за подарок"; итак, принимая эти одолжения, Тюркер начал искать какой-нибудь способ отплатить за них.

Его взгляд блуждал по тканям, мехам и оружию, пока, наконец, не упал на скамью рабов. - Доннерветтер! - сказал он, опуская свой рог. - Мне только что пришло в голову, что теперь, когда Хорд утонул, Лейф нужен мальчику-повару.

Девушка поняла, к чему он клонит, и быстро кивнула. - Вряд ли вы где-нибудь сможете заключить более выгодную сделку.

Она повернулась, чтобы осмотреть рабов, и ее глаза сразу же встретились с глазами Элвина. Она не покраснела; она критически оглядела его с ног до головы, как будто он был частью доспехов или лошадью. Это он покраснел от внезапного стыда и гнева, когда понял, что в глазах этой прекрасной норвежской девушки он был всего лишь животным, выставленным на продажу.

- Вон тот красивый раб, - сказала она. - он выглядит так, словно его сила такова, что он может что-то выдержать.

"Верно то, что тот, кто бежит со стаей из Гренландии, не может быть хромым волком", - согласился Тайркер. - Так оно и было, что для Хорда было помехой. Исключительно ради развлечения Эгиль Олафсон под водой схватил его и удерживал там; а поскольку вырваться у него не хватило сил, он утонул. Но мне кажется, что этот мог бы укусить. Насколько дорог был бы этот раб?

"Вам придется заплатить за него три марки серебром", - сказал торговец. "Это английский раб, очень сильный и хорошо сложенный". Он подошел к тому месту, где сидел Элвин, и поставил его, и развернул, и согнул его конечности, Элвин подчинился, как тигр в клетке подчиняется удару кнута, и почти с таким же выражением лица.

Тайркер поймал этот взгляд и долго сидел, с сомнением моргая. Но он был проницательным стариком и в конце концов вытащил из-за пояса свой мешочек с деньгами и протянул его торговцу, чтобы тот взвесил. Пока это делалось, он приказал одному из слуг снять с мальчика оковы.

Торговец остановился с весами в руках, чтобы возразить. "Мой совет, не снимайте их до отплытия. Не стану скрывать от вас, что у него неуправляемый нрав. Вам не хватит ни вашего человека, ни ваших денег".

Старик спокойно улыбнулся. "Ах, друг мой, - сказал он, - неужели ты не можешь лучше читать по лицам? Хорошо уметь читать руны, но еще лучше знать, что Господь написал в глазах людей". Он сделал знак слуге продолжать, и через мгновение цепи с грохотом упали на землю.

Элвин изумленно посмотрел на него; затем внезапно он понял, какое это доброе старое лицо, несмотря на всю его проницательность и тщедушное уродство. Хмурый взгляд спал с него, как еще одна цепь.

- Я благодарю тебя, - сказал он.

Морщинистая, дрожащая старческая рука ласково коснулась его плеча. - Хорошо, что мы понимаем друг друга. *Nun!* Пойдем. Сначала пойдешь ты и поведешь лошадь Хельги, поскольку, возможно, одной рукой она не справится с ним. Почему у тебя лицо такое красное становится?"

Элвин покраснел еще сильнее; но он не мог сказать доброму старику, что предпочел бы весь день следовать за стадом необъезженных бычков, чем пройти милю перед красивой молодой амазонкой, которая смотрела на него, как на собаку. Он что-то невнятно пробормотал и поспешил вслед за лошадьми.

Хельга с трудом поднялась с груды мехов; было очевидно, что каждое новое движение обнажает перед ней новый синяк, но она стиснула белые зубы и высоко подняла подбородок. Попрощавшись с торговцем, она вышла, почти не хромя, и без посторонней помощи вскочила в седло. Солнечный свет, отражавшийся от ее серебряного шлема, падал на ее развевающиеся волосы и превращал их в золотое сияние, скрывавшее прорехи и пятна и спасавшее даже юбку, доходившую до колен.

Помогая старику взобраться в седло, Элвин смотрел на нее с невольным восхищением. Возможно, когда-нибудь он докажет ей, что не настолько презренен, как...

Она сделала ему повелительный жест; он надменно прошествовал вперед, занял свое место у ее уздечки, и все трое тронулись в путь.

ГЛАВА III

ДОБЛЕСТНЫЙ ПРЕСТУПНИК

Двое - враги;
Язык - бич головы;
Под каждым плащом
я жду протянутой руки.
Хавама'л

Некоторое время дорога маленького отряда пролежала рядом с шумным Нидом, берега которого были полны активности и жизни. Здесь была школа пловцов-брызгунов; там - флотилия рыболовецких судов; судно с провизией, загружающееся для похода в качестве помощника одного из больших военных кораблей. Они миновали корабельные мастерские короля Олафа,

где строились прекрасные новые лодки, и один блестяще раскрашенный крейсер стоял на катках, полностью готовый к спуску на воду. Вдоль противоположного берега раскинулись лагеря приезжих викингов, а перед ними плыли их длинные корабельные лодки.

Дорога повернула направо и вилась между высокими заборами, окружавшими старые усадьбы, похожие на фермы. Все дома были обращены фронтонами вперед, как солдаты на учениях, и среди деревьев виднелись лишь их просмоленные крыши. Большая часть общего пространства между поместьями была оживлена группами ярко разукрашенных кабинок. Многие из них были лавками торговцев; но в одной, над головами смеющейся толпы, Элвин мельком увидел акробата и неуклюжего танцующего медведя; в то время как в другой менестрель пел жалобные любовные баллады толпе, которая слушала, затаив дыхание, как листья слушают ветер. Дикая сладостная музыка арфы донеслась до них и разнеслась далеко по равнине.

Дорога еще дальше свернула вправо, въезжая в лес с пряными вечнозелеными растениями и березами с серебристыми стволами. В его зеленых глубинах певчие птицы устраивали настоящий карнавал, и случайный кролик перебежал с пригорка в укрытие. С юга вверх бежала дорога, пересекавшая их, направляясь к фиорду.

Когда они добрались до перекрестка, по нему галопом пронесся всадник. Он только взглянул в их сторону; и все, что Элвин успел разглядеть, это то, что он был молод и богато одет. Но Хельга с криком вскочила.

- Сигурд! Тюркер, это был Сигурд!

Медленно натянув поводья, старик недоуменно уставился на нее. - Сигурд? Где? Какой Сигурд?

- Приемный сын нашего Сигурда-Лейфа! О, скачи за ним! Кричи! Она вытянула белую шею, призывая, но ветер был против нее.

"Теперь невозможно, чтобы это был сын ярла Харальда", - успокаивающе сказал Тюркер. "В путешествии викингов он отсутствует. Кроме того, я запыхался и из-за этого быстро езжу верхом. Ты ошибся в ком-то другом. Прошло три года с тех пор, как ты видел...

- Тогда я поеду сама! Она выхватила поводья у Элвина, но Тайркер поймал ее за руку.

- Уверен, что ты будешь ранен. Если ты настаиваешь, раб должен уйти. Похоже, он будет хорошо бегать.

- Но какое сообщение? Начал Элвин.

Хельга попыталась приподняться в стремях. - Ты так и будешь стоять здесь и разговаривать? Иди!

Судя по всему, в те дни они были быстрыми бегунами. Говорят, что в Ирландии и на Севере были люди, настолько быстроногие, что ни одна лошадь не могла их догнать. Через десять минут Элвин стоял рядом со всадником, красный, мокрый и разъяренный.

Незнакомец был галантным молодым кавалером с развевающимися желтыми локонами и красивым лицом благородного происхождения. Его бархатный плащ был подбит горностаем, шелковая туника расшита золотом; перчатки были расшиты золотом, на каблуках - серебряные

шпоры, а на шее - золотая цепь. Элвин свирепо посмотрел на него снизу вверх и возненавидел за его великолепие, и возненавидел за его длинные шелковистые волосы.

Всадник удивленно посмотрел на тяжело дышащего раба с бритой головой.

- Какое у тебя ко мне поручение? - спросил он.

Это было нелегко объяснить, но Элвин сформулировал это кратко: "Если ты Сигурд Харальдссон, девушка по имени Хельга желает, чтобы ты вернулся".

"Я Сигурд Харальдссон, - подтвердил юноша, - но я не знаю в Норвегии девушки по имени Хельга".

Элвину пришло в голову, что эта Хельга, возможно, принадлежит к "стае из Гренландии", но он хранил угрюмое молчание.

- А как ее зовут дальше?

- Если и есть что-то еще, то я этого не слышал.

- Где она живет? - спросил я.

- Черт его знает!

- Ты раб ее отца? - спросил я.

"Мне не повезло оказаться пленницей какого-то норвежского разбойника".

Прямые брови молодого аристократа нахмурились. Элвин встретил это мрачным взглядом. Внезапно, пока они сердито смотрели друг на друга, стрела вылетела из чащи чуть дальше по дороге и просвистела между ними. Вторая стрела лишь слегка задела голову Элвина; третья снесла прядь светлых волос Сигурда. Мгновенно после этого из подлеска выскочил человек и побежал к ним, на бегу отбрасывая лук и обнажая меч.

Забыв, что теперь на нем не висело оружия, рука Элвина метнулась к боку. Молодой Харальдссон, уловив только этот жест, безапелляционно остановил его.

- Отойдите, они были нацелены на меня! Это моя ссора. Он выпрыгнул из седла, и его клинок сверкнул, как солнечный луч.

Очевидно, между этими двумя не было необходимости в объяснениях. В тот момент, когда они встретились, в этот момент их мечи скрестились; и с первого столкновения клинки метались взад-вперед, вверх-вниз, как управляемые молнии. Элвин успокаивающе обнял испуганную лошадь за шею и приготовился наблюдать.

Через несколько минут он забыл, что был на грани ссоры с Сигурдом Харальдссоном. Он никогда не представлял себе ничего более ловкого или грациозного, чем быстрота и легкость, с которыми молодой дворянин обращался со своим оружием. Восхищение вытеснило все остальные чувства.

"Я надеюсь, что он победит!" - пробормотал он наконец. "Клянусь Святым Георгием, я надеюсь, что он победит!" - и его успокаивающие похлопывания по шее лошади превратились в отчаянные пощечины от возбуждения.

Лучник был неплохим бойцом, а сейчас он был отчаянным бойцом. Круг за кругом шли двое. Дюжину раз они меняли позицию; дюжину раз они меняли способы атаки и защиты. Наконец, само оружие Сигурда начало переходить из одной руки в другую. Ни на йоту не снижая своей стремительности, в самый разгар схватки он сделал ложный выпад левой. Прежде чем противник успел оправиться от парирования удара, оружие отскочило вправо, шипящей змеей метнулось в проход и пронзило плечо лучника.

Он упал, рыча, и остался лежать, острие Сигурда упиралось ему в горло, а нога Сигурда давила ему на грудь.

"Я думаю, теперь ты понимаешь, что не будешь стоять над моим скальпом", - сурово сказал молодой Харальдссон. "Теперь ты получил то, что заслужил. Тебе удалось добиться моего изгнания, и ты выпустил в меня три стрелы, чтобы убить меня; и все из-за чего? Потому что в играх прошлой осени я стрелял лучше тебя! У меня было в голове, что если я когда-нибудь поймаю тебя, то воткну в тебя нож.

Он презрительно пнул его, когда тот убрал ногу.

"Подлый сын волка, - закончил он, - я презираю себя за то, что не могу найти в себе силы сделать это теперь, когда ты в моей власти; но я не привык делать такие вещи, и ты не стоишь того, чтобы начинать. Ползи своим жалким путем".

Пока лучник, пошатываясь, удалялся, схватившись за плечо, Сигурд вернулся к своему коню, невозмутимо вытирая меч. - С вашей стороны было очень любезно остаться и поддержать "хайфлайер", - сказал он, садясь в седло. "Если бы его спугнули, мне бы сильно помешали, потому что у меня впереди много миль".

Это внезапно вернуло их к их первой теме; но теперь Элвин обратился к ней с безукоризненной вежливостью.

"Позвольте мне еще раз призвать вас вернуться вместе со мной. Мне нелегко отвечать на ваши вопросы, потому что сегодня утром я впервые увидел девушку; но она ждет вас на перекрестке со стариком, которого она называет Тиркер, и...

- Тюркер! - воскликнул Сигурд Харальдссон. - У приемного отца Лейфа было такое имя. Не может быть, чтобы это была моя маленькая приемная сестра из Гренландии!"

"Я слышал, как они упоминали Гренландию, а также имя Лейфа", - заверил его Элвин.

Сигурд громко хлопнул себя по колену. - Самое странное из чудес - это время, когда приходят эти новости! Я только что спрашивал о Лейфе в караульном помещении королевского дома; и поскольку мне сказали, что он уехал по королевским делам, я решил уехать прямо из города. Держись за ремень на моей седельной подпруге, и мы поторопимся.

Он развернул Летуна и пришпорил его. Элвин не воспользовался ремнем, но без особого труда удержался на холке лошади. Только темп не оставлял ему сил для вопросов, и он хотел задать несколько.

Однако прошло совсем немного времени, прежде чем он получил ответы на большинство своих вопросов. Обогнув поворот, они столкнулись лицом к лицу со всадниками, которым, очевидно, надоело ждать на перекрестке. Тайкер, с тревогой вглядывавшийся вперед, издал возглас облегчения при виде Элвина, которого он, очевидно, считал беглецом. Хельга приветствовала Сигурда радостным возгласом.

Молодой северянин приветствовал ее с искренней привязанностью и почти так же нежно поприветствовал Тайкера.

"Эта встреча радует меня больше, чем можно выразить словами. Не понимаю, как могло случиться, что я не узнал тебя, проходя мимо. И все же эта одежда, Хельга! Клянусь Святым Михаилом, ты выглядишь вполне подходящей на роль Брюнхильды, о которой мы привыкли слышать!

Прекрасное лицо Хельги вспыхнуло, и Элвин мысленно улыбнулся. Ему было любопытно узнать, что сделает юный викинг, если юная амазонка надерет ему уши, что, по его мнению, вполне вероятно. Но, похоже, Хельга была неджентлинистой только по отношению к тем, кого считала недостойными своего дружелюбия. Повелительным жестом приказав Элвину передать ей поводья, которые она уронила, она добродушно ответила Сигурду: "Нет, теперь, мой товарищ, ты не будешь настолько подл, чтобы ругаться из-за моей короткой юбки, когда именно ты научил меня делать то, что делает короткую юбку необходимой! Ты забыл, как ты отрывал меня от вышивания, чтобы я поохотилась с тобой?

"Ни в коем случае", - засмеялся Сигурд. "И не то, как ругалась Торхильд, когда мы вернулись! Я бы позвонил, чтобы узнать, что бы она сказала, будь она сейчас здесь. Я уверен, что ты получил бы пощечину, несмотря на весь твой воинственный вид".

Удар шпоры Хельги заставил ее лошадь гарцевать и дерзко вставать на дыбы. - Торхильд здесь нет, и я не надеюсь, что она когда-нибудь снова будет править мной. Она била меня слишком часто, и я убежала к Лейфу. Вот уже два года я живу почти как девы-воительницы, о которых мы привыкли говорить. О, Сигурд, я была так счастлива! Она запрокинула голову и подняла свое прекрасное лицо к залитому солнцем небу и свежему ветру. "Такая свободная и такая счастливая!"

Элвин затрепетал от внезапного сочувствия. Тогда он понял, что не смелость и не просто своеобразие сделали ее такой, какая она есть. Это была норвежская кровь, вызывающая к приключениям, открытому воздуху и свободе. Когда он подумал об этом, это не показалось ему странным. Ему вдруг пришло в голову, как ни странно, что не все девушки чувствуют себя так, — что есть такие, кого держат за прялкой, как пленниц, закованных в волочащиеся платья.

Тюркер кивнул в ответ на изумленный взгляд Сигурда. - Ребенок говорит правду. Зимой она остается в королевском доме с одной из женщин королевы, которая является другом Лейфа; а летом она совершает путешествия со мной. Но мне кажется, что о ней мы говорили достаточно. Расскажите нам, как получилось, что вы оказались в Норвегии, и — ого! Спокойно!—Ч—о—о!"

- И скажи нам также, что ты сейчас поедешь с нами в лагерь, - вставила Хельга, когда Тайркеру пришлось переключить внимание на свою беспокойную лошадь. - Там находятся Рольф Эрлингссон и Эгиль Олафссон, которых вы знали в Гренландии, и вся команда "Морского оленя".

- "Морской олень"! - воскликнул Сигурд. - Теперь, когда он в гвардии короля Олафа, Лейф наверняка избавился от своего корабля.

Попятившийся, крадущийся и гарцующий конь Тюркера вынудил его предоставить и это Хельге.

- Конечно, он не избавился от своего корабля. Когда он не следует за королем Олавом, чтобы сразиться с ней, Тайркер берет ее с собой в торговые походы, и она остается на зимовку в королевском корабельном сарае. В команде сорок человек, считая меня, — вам незачем улыбаться, я могу встать у штурвала и нести вахту не хуже любого другого. Разве я не могу, Тайркер?"

Старик ослабил бдительность достаточно надолго, чтобы кивнуть в знак согласия; после чего его лошадь мгновенно воспользовалась ослабленным поводом и помчалась домой, несмотря на все покачивания всадника.

Это снова привело всю вечеринку в движение.

- Ты пойдешь со мной в лагерь, Сигурд, мой товарищ? - Настаивала Хельга. - Это недалеко, на берегу за рекой. Приезжай, хотя бы ненадолго.

Сигурд подобрал поводья, одновременно улыбнувшись и вздохнув. "Я дам тебе благоприятный ответ на это. Похоже, вы не слышали о несчастье, постигшем меня. Представитель закона изгнал меня из округа".

Элвину было приятно услышать, что он, вероятно, еще увидится с молодым норвежцем. Хельгу охватило изумление. Уже собираясь тронуться в путь, она остановила лошадь, чтобы пристально посмотреть на него.

- Должно быть, ты шутишь, - сказала она наконец. "Вы, самый любезный человек в мире, не может быть, чтобы вы нарушили закон!"

Сигурд печально рассмеялся. - В моем округе сейчас обо мне не говорят как о дружелюбном человеке. И все же нет необходимости принимать это близко к сердцу, моя молочная сестра. Я не сделала ничего бесчестного, — осмелилась бы я предстать перед лицом Лейфа, если бы сделала? Со временем все пройдет".

Хельга наклонилась с седла, чтобы дружески пожать ему руку. - Ты приехал по адресу, потому что нигде в мире тебе не могли бы быть так рады. Только подожди и увидишь, как тебя примут Рольф и Эгил!"

Она коротко покачала головой, когда раб взял ее под уздцы, и они поехали прочь.

Как и сказала Хельга, лагерь был недалеко. Переправившись через реку, они повернули налево и по лесистым берегам направились к фиорду. Войдя в заросли орешника на гребне пологого склона, они были встречены слабыми звуками криков и смеха. Выйдя в маленькую зеленую долину, перед ними раскинулся лагерь.

Полдюжины деревянных будок, покрытых пестрым полотном и украшенных развевающимися флагами, пляшущий костер, груда убитых оленей, вереница пасущихся лошадей и толпа мускулистых мужчин, освежевывающих оленей, гоняющихся за лошадьми, чистящих доспехи, пьющих, борющихся и бездельничающих, — таковы были первые смутные впечатления Элвина.

- Вот оно! - воскликнула Хельга. - Видел ты когда-нибудь местечко красивее? Вон под тем ясенем сидит Тюркер. А вон там, — ты помнишь эту черную гриву? Вон там, склонившийся над щитом? Это Эгиль Олафссон. Теперь это снова приходит мне на ум! Сегодня вечером мы идем на пир в дом короля; вот почему он так занят. А вон там! Вон Рольф Рестлинг. Он самый сильный человек в Гренландии; вы знали это? Даже Вальбранд не может противостоять ему. Свистни теперь, как ты привык, для "ястребов", и посмотрим, не запомнят ли они.

Они покатались вниз по склону, высокие сладкие ноты отчетливо перекрывали грохот. Один человек удивленно поднял глаза, потом другой и еще один; затем внезапно каждый бросил то, что делал, и вскочил с криками приветствия. Сигурд исчез за живой изгородью из желтых голов и машущих рук.

Элвин почувствовал, что его нетерпеливо обнимают. "Доннерветтер, но я так долго ждал тебя!" - сказал старый немец, задыхаясь. - Это чудовище было похоже на то, как если бы я вытряхнул все внутренности наружу. Принеси мне рог эля, но сначала подставь плечо вон той будке.

ГЛАВА IV

В ЛОГОВЕ ВИКИНГОВ

Оставляя в поле боя свое оружие,
Не позволяйте ни одному человеку идти
далеко вперед:
Ибо трудно предугадать,
когда в пути
человеку может понадобиться его оружие.
Хавама'л

Лагерь казался красным в лучах заката, и на него опустилась сумеречная тишина, так что можно было слышать сонные птичьи крики в окрестных лесах и сонное журчание реки. Сигурд лежал

на спине под деревом, вглядываясь в шелестящую зелень. Из отведенной для нее кабинки вышла Хельга, одетая по-праздничному. Она сменила свою алую юбку и чулки на одежды из лазурно-голубого шелка, а серебряный шлем сменила на золотую диадему, какие высокородные девицы надевали по торжественным случаям; но это было ее единственное украшение, а юбка была не длиннее, чем раньше. Сигурд критически оглядел ее.

- Мне кажется, ты не слишком хорошо одет для пира, - сказал он. - Где браслеты и золотые шнурки, соответствующие твоему званию? Это плохо отразится на щедрости Лейфа, если это самая лучшая одежда, которая у тебя есть.

- Это несправедливо сказано, - быстро ответила Хельга. - Он одел бы меня в золото, если бы я этого захотела; но я не хочу, чтобы это было так. Ты забыл мою ненависть к такой изысканной одежде, что с ней нужно быть осторожным? Но этого следовало ожидать, - добавила она, покраснев от неудовольствия. - поскольку сын ярла жил в Нормандии, девушка с гренландской фермы должна казаться ему отвратительной.

Она было отвернулась, но он вскочил, схватил ее за плечи и добродушно встряхнул. - Теперь ты такая же женственная, как твоя рабыня. Ты же знаешь, что все золото на всех женщинах Нормандии не так красиво, как одна прядь твоих волос.

По крайней мере, Хельге хватило женственности улыбнуться этому. - Теперь я понимаю, почему мужчины называют тебя Сигурдом Среброязыким, - рассмеялась она. Внезапно она снова стала такой серьезной. "Нет, но, Сигурд, скажи мне вот что, — мне все равно, как ты ругаешь мое платье, — скажи мне, что ты не презираешь меня за это или за то, что я не похожа на других девушек".

Хватка Сигурда скользнула с ее плеч вниз, к рукам, и он тепло пожал их. - Презирать тебя, Хельга, сестра моя? Презирать тебя за то, что ты был самым храбрым товарищем и самым верным другом, который когда-либо был у человека?

Она залилась румянцем от удовольствия. - Если ты так считаешь, я вполне удовлетворен.

Она сделала шаг к тому месту, где была привязана ее лошадь, и с сожалением оглянулась. - Мне кажется негостеприимным оставлять тебя вот так. В конце концов, ты не пойдешь с нами?

Сигурд снова бросился на землю с решительным жестом отказа. "Мне больше нравится, когда меня оставляют таким, чем оставлять в кургане с отрубленной головой, что произошло бы, если бы преступник без приглашения навестил короля".

- Не стану отрицать, что это было бы неприятно, - согласилась Хельга. - Но не позволяй своему несчастью помешать тебе радоваться. Лейф пользуется большим расположением короля Олафа; я не сомневаюсь, что он сможет ходатайствовать за тебя.

- Я надеюсь на это всем сердцем, - пробормотал Сигурд. "Когда все храбрецы сражаются за границей или служат королю дома, мне очень стыдно бездельничать здесь". И он тяжело вздохнул, когда Хельга скрылась из виду.

Когда она проходила мимо самой большой из кабинок, служившей спальней рулевому Вальбранду и более чем половине экипажа, Элвин вышел из дверей и остановился, безучастно оглядываясь по сторонам. Он провел вторую половину дня, протирая шлемы под бормотание

указаний и поиск неисправностей, сопровождаемое ударами. Хельга его не видела, но он смотрел ей вслед, лениво гадая, какой любовницей она была для юной рабыни, которая бежала за ней с плащом, который забыла, - гадая также, что такого было в каштановых косах девушки, что напомнило ему маленькую служанку—саксонку Эдиту, служанку его матери.

Звук глубокого вздоха заставил его обернуться и оказаться лицом к лицу с молодым викингом в кольчуге, в чьих лохматых черных кудрях он узнал Эгиля Олафссона, на которого Хельга указала тем утром. Но не неожиданность встречи заставила Элвина внезапно отскочить в укрытие дверного проема; это был взгляд, который он уловил на смуглом лице собеседника, — взгляд, настолько полный ненависти и угрозы, что вместо того, чтобы считать их незнакомцами, встретившимися впервые, можно было подумать, что они враги на всю жизнь.

Все еще не сводя с него глаз, Эгиль медленно произнес дрожащим от страсти голосом: "Так ты английский раб - и уже ухаживаешь за ней!" Похоже, что Скроппа сказал часть правды— - Он резко замолчал и стоял, сверкая глазами, его рука потянулась к поясу.

На этот раз Элвин был совершенно ошеломлен. — Либо этот парень выжил из ума, - пробормотал он, перекрестившись, - либо он принял меня за какого-то...

У него не было времени закончить фразу. Пальцы Юного Олафссона сомкнулись на рукояти ножа; он выхватил его с яростным криком: "Но все остальное я сделаю ложью!" Бросившись на Элвина, он перенес его спиной вперед через порог.

Вполне вероятно, что в этот момент Элвину пришел бы конец, если бы не случилось так, что рулевой Вальбранд находился в будке, готовясь к пиршеству. Это был гигантский воин с лицом, покрытым шрамами, и таким же твердым, как боевой топор у него на боку. Он поймал поднятую руку Эгиля и вырвал клинок у него из рук.

- Вряд ли я позволю повредить собственность Лейфа, Эгиль Черный. Ты бы задушил его? Освободи его, или я отправлю тебя к Троллю, тело и кости!

Эгил неохотно поднялся. Элвин подскочил, как пружина, сброшенная с плеч.

- Что он такого сделал, - спросил Вальбранн, - что ты настолько забыл закон, что напал на чужого раба?

Вместо того чтобы разразиться тирадой, которую ожидал Элвин, Эгил покраснел и отвел взгляд. "Достаточно того, что мне не нравится его внешность", - угрюмо сказал он.

Вальбранд с презрительным ворчанием бросил ему нож. - Иди и образумься! Он твой, чтобы ты мог убить его, потому что тебе не нравится наклон его носа? Иди одевайся. А ты, - добавил он, кивнув через плечо на Элвина, - убери себя куда-нибудь с его глаз долой. Неразумно соблазнять голодную собаку мясом, которое можно было бы оставить себе".

- Если бы у меня был хотя бы охотничий нож, — яростно закричал Элвин, - клянусь всеми святыми Англии, я бы и пальцем не пошевелил...

Вальбранд не стал тратить время на споры. Он схватил Элвина и вышвырнул его за дверь с достаточной энергией, чтобы скатить далеко вниз по склону.

Сила, с которой он нанес удар, заставила Элвина некоторое время оставаться на месте; и постепенно прохлада и тишина вокруг привели его в более благоразумное расположение духа. Эгиль Олафссон был сумасшедшим, об этом не могло быть и речи. Несомненно, лучше всего было последовать совету Вальбрана и держаться от него подальше — по крайней мере, до тех пор, пока он не раздобудет оружие, с помощью которого сможет защищаться. Он удобно растянулся на мягкой, покрытой росой траве и подождал, пока пирующие, великолепные в сверкающих кольчугах и пестрых плащах, с лязгом оседлали своих лошадей и ускакали прочь. Когда последний из них крикнул Сигурду на прощание и скрылся в тени лесной тропы, Олвин встал и медленно побрел обратно к опустевшему лагерю.

Теперь даже свет заката покинул его; мягкая серость закрыла его от всего мира. Воздух был полон ночных звуков, и высоко в соснах тихо шелестел ветерок. Очень тихо и сладостно откуда-то из кабинок донесся голос девушки бонда, исполняющей жалобную английскую балладу.

Элвин узнал мелодию по трепету, который был наполовину от удовольствия, наполовину от боли. В старые времена Эдита пела эту песню. Бедная маленькая добросердечная Эдита! В последний раз, когда он видел ее, ее, бледную и без сознания, пронесли мимо него на руках одного из мародерствующих датчан. Он яростно встряхнулся, чтобы отогнать воспоминание. Завернув за угол кабинки Хельги, он внезапно наткнулся на певицу - стройную фигуру в белом, стоявшую в тени дверного проема. Сигурд все еще бездельничал под деревьями, наполовину дремля, наполовину прислушиваясь.

Когда рабыня вышла из тени на лунный свет, певица вскочила на ноги, и песня слилась в громкий крик.

- Милорд Олвин! - воскликнул я.

Это была сама Эдита. Подбежав к нему, она упала перед ним на колени и начала целовать его руки и плакать над ними. "О, мой дорогой господь, - рыдала она, - ты так изменился! И твои волосы — твои прекрасные волосы! О, хорошо, что граф Эдмунд и твоя леди-мать мертвы, это разбило бы их сердца, как и мое! Забыв о собственном бедственном положении, она горько плакала над ним, хотя он пытался каждым нежным словом успокоить ее.

Это была печальная встреча; иначе и быть не могло. Воспоминание об их последнем ужасном расставании, о рабстве, в котором они нашли друг друга, о позорном, безнадежном будущем, которое простиралось перед ними, — все это было полно горечи. Когда Эдита наконец вошла, ее бедное маленькое горлышко разрывалось от рыданий. Элвин опустился на ствол упавшего дерева и обхватил голову руками, и первый стон, который вырвали у него невзгоды, сорвался с его мужественных губ.

Он совсем забыл о присутствии Сигурда. Поглощенный своими мыслями, ни один из них не заметил, что молодой викинг с любопытством наблюдает за ними. Теперь Элвин вздрогнул, как жеребенок, когда чья-то рука легонько опустилась ему на плечо. "Мне кажется, - послышался голос Сигурда, - что человек должен быть весел, когда он только что нашел друга".

Элвин посмотрел на него глазами, полными дикого отчаяния.

- Мерри! Ты был бы весел, если бы нашел Хельгу работницей в английском лагере? Он яростным движением стряхнул руку собеседника.

Но Сигурд тут же ответил: "Нет, я выглядел бы еще чернее тебя, если бы это было возможно", - и раб наполовину успокоился.

Молодой викинг опустился рядом с ним, и некоторое время они сидели молча, глядя вдаль, туда, где между деревьями виднелась залитая лунным светом река. Наконец Сигурд мечтательно произнес: "Пока вы двое разговаривали, мне пришло в голову, как неравномерно Судьба распорядилась вещами. Из того, что сказала девушка, следует, что ты сын английского ярла, который часто сражался с норманнами. Теперь я сын норвежского ярла, который не раз встречался с англичанами в бою. Это было бы не более маловероятно, чем то, что произошло, если бы я был пленником, а ты победителем.

- Это правда, - медленно произнес Элвин. Больше он ничего не сказал, но каким-то странным образом эта мысль утешила и смягчила его. Ни один из молодых людей не перевел глаз с реки на другого, но в их молчании было что-то дружелюбное.

Через некоторое время Сигурд сказал, по-прежнему не оглядываясь по сторонам: "Мне кажется, что в этом вопросе для меня было бы правильнее поступить так, как я бы хотел, чтобы поступил ты, будь ты на моем месте; поэтому я предлагаю тебе свою дружбу".

Что-то на мгновение скрыло яркую реку из виду Элвина. - Я благодарю тебя, - сказал он хрипло. - Спаси Эдиту, у меня нет ни одного друга на свете.

Он немного поколебался; затем медленно, шаг за шагом, изложил историю, которую никогда не ожидал услышать на Севере. - Датчане подожгли замок моего отца, и он сгорел вместе со многими моими родственниками. Грабители пришли ночью, и датский крестьянин открыл им ворота, хотя он четыре сезона был слугой моего отца. Именно у него я научился говорить на северном наречии. Они схватили меня, пока я спал, связали и отнесли к своим лодкам. Они унесли также молодых девушек, которые ухаживали за моей матерью, — среди них Эдиту, — и немало молодежи из прислуги, всех, кого они выбрали в качестве пленниц. Они вынесли все ценности, какие хотели. После этого они бросили в зал огромные тюки сена, подожгли их и...

- Проклятые волки! Сигурд взорвался. - Разве они не предложили твоей матери уйти в безопасности?

- Нет, они питали к ней наибольшую ненависть. Осанка его стала более надменной. - Моя мать была принцессой крови Альфреда.

Случилось так, что Сигурд слышал об этом великом монархе. Его лицо озарилось энтузиазмом.

- Альфред! Тот, кто одержал победу над датчанами? Неудивительно, что они не полюбили его родню после того, как узнали о его хитрости! Я знаю прекрасную песню о нем, о том, как он один отправился в лагерь датчан, хотя они охотились за ним, чтобы убить; и хотя они считали его простодушным менестрелем, он узнал все их секреты. Клянусь честью, это хорошая кровь, когда в жилах течет! Будь я англичанином, я бы предпочел быть его родственником, чем Этельреда.

Он уставился на Элвина горящими глазами; теперь они стояли лицом друг к другу. Внезапно он протянул руку.

"Это не что иное, как невезение, что ты раб Лейфа. С таким же успехом могло случиться, что я был бы на твоём месте. Теперь я заключу с тобой сделку, что впредь буду помнить об этом и никогда не буду обижаться на твоё рабство".

Мало кто из гордой расы викингов был настолько великодушен, чтобы пойти на такую уступку. Элвин не мог не быть тронут этим. Он крепко пожал протянутую руку.

- Ты сделаешь это? - спросил он, и какое-то время казалось, что он не может найти слов для ответа. Наконец он заговорил: "Если ты сделаешь это, я обещаю со своей стороны, что прощу твою северную кровь и твоё господство надо мной и буду любить тебя как родного брата".

ГЛАВА V

ГНЕВ ДЕВЫ-ВОИТЕЛЬНИЦЫ

С оскорблением или насмешкой
никогда не обращай
ты С гостем или путником;

Те,

Кто сидит внутри, часто плохо знают,

К какой расе они принадлежат.

Хавама'л

Элвин сидел на земле перед складом с провизией и молот муку на маленькой каменной ручной мельнице, когда Эдита пришла его искать.

— Если вам угодно, милорд...

Он горько рассмеялся. - Клянусь Святым Георгием, это мне очень подходит! "Если вам будет угодно" и "милорд" - короткошерстному рабу с черствыми руками!"

Глаза ее наполнились слезами, но нежный рот был таким упрямым, какими только могут быть нежные уста. - Они высосали из тебя кровь графа Эдмунда? Пока они этого не сделают, ты

будешь моим господином. Твоя леди-мать на небесах проклянет меня как предателя, если я отвергну твое благородство.

Элвин обреченно вздохнул, доедая последнюю горсть еды. - Тогда продолжай, если должен. Мы достаточно поговорили об этом прошлой ночью. Только смотри, чтобы тебя никто не услышал. Предупреждаю, что убью первого, кто засмеется, — а кто мог удержаться от смеха?

Она была слишком мудра, чтобы ответить на этот вопрос. Вместо этого она указала через плечо на группу поздно вставших гуляк, которые бездельничали под деревьями, прерывая свой пост ранней трапезой. - Тайркер просит тебя прийти и подать еду.

- Если мне будет угодно?

"Мой дорогой господь, я молю тебя оставить всю горечь. Я молю тебя быть благоразумным по отношению к ним. Я не был рабом воительницы почти год и ничему не научился.

"Бедная маленькая голубка в ястребином гнезде! Конечно, я думаю, ты научилась плакать!"

- Не стоит так жалеть меня, лорд Элвин. Вполне вероятно, что моя госпожа даже любит меня по-своему. Она подарила мне больше украшений, чем оставила себе. Она убьет любого, кто заговорит со мной грубо. Что такого, если время от времени она сама ударит меня? Я много раз получал удары от няни твоей матери. Я не нахожу, что я намного хуже, чем раньше. Нет, нет; все мои проблемы из-за тебя. Мой дорогой господь, я умоляю тебя не возбуждать их гнев. У них такой быстрый характер, а руки еще проворнее".

Вспомнив свою встречу с Эгилем накануне вечером, глаза Элвина горячо вспыхнули. Но он ничего не стал обещать, поднявшись, чтобы ответить на вызов.

Маленькая служанка с тревогой в сердце взялась за починку порванной юбки Хельги.

Казалось, никто не заметил молодого раба, когда он подошел к ним и начал наполнять пустые чашки. Мужчины постарше, растянувшиеся на выжженной солнцем траве и грубых скамейках, все еще были сонными от слишком большого количества медовых рожков. Четверо молодых людей разговаривали между собой. Они сидели немного поодаль в тени нескольких берез, которые служили им опорой для спин, — Хельга восседала на камне, Рольф и Сигурд развалились по обе стороны от нее, черногривый Эгил растянулся у ее ног. Между ними бродила пара поджарых волкодавов, выпрашивая с блестящими глазами и тычась носами в каждый съеденный кусок, - за исключением тех случаев, когда движение руки Хельги в сторону удобного повода для верховой езды заставляло их на мгновение забыть о голоде.

- Странно слышать, что Лейфа не было на вчерашнем пиршестве, - говорил Сигурд, потягивая эль в неторопливой манере, которую некоторые старые морские бродяги издавна считали французской и глупой.

Проглотив достаточно копченого мяса, чтобы иметь возможность говорить, Хельга ответила: "Его не будет еще два дня; разве я тебе не говорила? Он отправился на юг с отрядом гвардейцев, чтобы обратить вождя в христианство.

"Значит, сам Лейф обратился в христианство?" Сигурд изумленно воскликнул. "Сын язычника Эрика - христианин! Теперь я понимаю, почему он пользуется такой благосклонностью короля

Олафа, несмотря на то, что в его жилах течет незаконная кровь. В Висби люди считали это великим чудом и называли его "Лейф Счастливец", потому что ему удалось избавиться от проклятия своей расы".

Рольф Борец покачал головой из-за поднятого кубка. Это был странноватый юноша, с грудью и плечами, похожими на переднюю часть быка, и лицом кротким и слегка серьезным, как у ягненка. Поставив на стол необычный позолоченный сосуд, он сказал мягким голосом, который так подходил к его лицу и столь болезненному телу: "Если ты хочешь попросить о чем-то своего приемного отца, товарищ, то мой совет тебе забыть все такие языческие заблуждения, как история о проклятии. Эгиль едва не насадился на меч Лейфа за простое упоминание имени Скроппы.

Элвин, вздрогнув, узнал это имя. Эгил нахмурился в ответ на любопытный взгляд Сигурда.

"Вороны Одина не больше любят сообщать новости, чем ты", - прорычал Черный. - Во время еды у меня есть другое применение моим челюстям, кроме болтовни. Тралл, принеси мне еще рыбы.

Элвин подождал достаточно долго, чтобы завладеть острым бронзовым ножом, лежавшим среди тарелок; затем он подошел, насторожившись, и положил еще селедки на плоский кусок черствого хлеба, служивший тарелкой. Эгиль, однако, замечал его не больше, чем мух, жужжащих над его едой. Какова бы ни была причина их вражды, это, очевидно, было секретом.

Английский юноша удивленно ретировался, когда Рольфу взбрело в голову подойти к нему. Борец указал на пару больших плоских камней, которые он положил один на другой рядом с собой. "Ты дал мне очень черствый хлеб, тралл", - сказал он с упреком.

Их сходство с хлебом было невелико, и шутка показалась Элвину глупой. Он сердито возразил: "Неужели ты думаешь, что мой разум был отрезан вместе с моими волосами, так что я не могу отличить камни от хлеба?"

Ни малейшая искорка не отразилась на серьезности голубых глаз Рольфа. - Камни? - спросил он. - Я не понимаю, что ты имеешь в виду. Неужели это камни, с которыми я могу так обращаться? Его кулак взметнулся в воздух, сложился вдвое, приняв вид кувалды, и обрушился с могучим ударом. Верхний камень разлетелся на куски.

После чего Элвин понял, что все это было уловкой, чтобы произвести на него впечатление. Поэтому, хотя, несомненно, был впечатлен, он отказался показать это. Он уже во второй раз повернулся к ним спиной, когда Хельга остановила его.

- Сначала ты должен принести то, что мне нужно. В северо-восточном углу склада с провизией, не так ли, Сигурд?

Юный Харальдссон вскочил на ноги, тщетно пытаясь догнать одну из собак, которая удидала с его селедкой, но он кивнул через плечо. Хельга переводила взгляд с одного на другого из своих спутников, восторженно причмокивая губами. "Мед", - сообщила она им. "Сигурд наткнулся на банку с ним прошлой ночью. Вон та свинья Олвер спрятала его на самой верхней полке. Очень вероятно, что дочь ювелира дала ему это, и он намеревался оставить все это себе. Мы применим к нему хитрость. Принеси это быстро, тралл. Но будь осторожен, чтобы он не увидел это, когда ты будешь проходить мимо него. Это он с забинтованной головой. Если он пристально

посмотрит на вас, прикройте банку рукой, и, скорее всего, он подумает, что вы стащили немного еды для себя, и будет слишком сонным, чтобы обращать на это внимание ".

Лорд Элвин Нортумбрийский потерял из виду праздношатающиеся фигуры вокруг себя, потерял из виду Сигурда, преследующего кружащую собаку, потерял из виду все, кроме властной молодой особы перед ним. Он уставился на нее так, словно не мог поверить своим ушам. Она отмахнулась от него, но он не двинулся с места.

- Пусть думает, что *я ворую!* наконец ему удалось выдохнуть.

Трава под ногами Хельги зловеще зашевелилась.

- Я говорил тебе, что он слишком сонный, чтобы обращать на это внимание. Если он будет угрожать выпороть тебя, я обещаю, что вмешаюсь. Трус, чего ты боишься?"

У нее перехватило дыхание от того, как вспыхнуло его лицо. Он процедил сквозь стиснутые зубы: "Я не позволю ему подумать, что я украл бы хотя бы одну сушеную селедку, даже если бы умирал с голоду!"

Огонь вспыхнул в прекрасных глазах Хельги. Эгил и Борец вскочили с гневными восклицаниями; но слов было недостаточно, Хельга. Вскочив на ноги, она схватила с травы рядом с собой хлыст для верховой езды и изо всех сил хлестнула им раба по лицу. На его щеке, как пламя, вспыхнула ярко-красная полоска.

- Ты портишь репутацию собственности Лейфа, - пробормотал Рольф с мягким упреком.

Эгил рассмеялся отвратительным злорадным смехом и прислонился к дереву, чтобы посмотреть, чем все закончится. Когда рука Хельги взметнулась во второй раз, рабыня прыгнула на нее, вырвала хлыст у нее из рук и разломала его на куски. Он хотел бы сломать и ее тоже; он жаждал этого, когда увидел смеющегося Эгиля, и все остальное исчезло из его поля зрения. Не издав ни звука, но с животной страстью убивать на белом лице, он развернулся и прыгнул на Черного, раздавив его, прижав к дереву, задушив хваткой своих рук.

ГЛАВА VI

ПЕСНЯ РАЗЯЩЕЙ СТАЛИ

По отношению к своему другу
человек должен быть другом —
ему и своему другу;

Но ни один человек
Не должен быть другом
друга своего врага.
Хавама'л

В безумном порыве Элвин оступился. Прыгнув на Эгила слева, он освободил правую руку своего врага. Мгновенно эта рука начала прокладывать себе путь вниз по телу Эгиля. Если она найдет то, что искала...!

Элвин понял, что сейчас произойдет. Он стиснул зубы и отчаянно сопротивлялся, но не мог этого предотвратить. Еще мгновение, и пальцы Черного сомкнулись на рукояти его меча; лезвие со свистом рассекло воздух. Только мгновенный рывок в сторону и молниеносный прыжок в сторону спасли раба от того, чтобы его проткнули насквозь. Его короткий бронзовый нож не шел ни в какое сравнение с мечом. Он счел себя погибшим и приготовился храбро умереть, как и подобало сыну графа Эдмунда. Ему еще предстояло узнать, что есть вещи более жестокие, чем удары мечом.

Когда Эгиль с издевательским смехом приблизился, Хельга схватила его за рукав, а Рольф железной рукой положил ему на плечо.

"Думай, что делаешь!" - предостерег Борец. "Это будет третий из убитых тобой рабов Лейфа; и у тебя нет денег за кровь, чтобы заплатить ему".

- Как тебе не стыдно, Эгиль Олафссон! - воскликнула Хельга. - Неужели ты запятнал бы свой благородный меч такой мерзостью, как кровь рабов?

Хватка Рольфа остановила Эгила. Презрение, прозвучавшее в словах Хельги, отразилось на его лице. Он презрительным жестом вложил меч в ножны.

- Ты говоришь правду. Я не знаю, как могло случиться, что я решился на столь недостойный меня поступок. Я оставлю Вальбранда пускать парню кровь кожаным стремям.

Он повернулся, и остальные последовали за ним. Те из команды, кто поднял свои спутанные головы, чтобы посмотреть, в чем проблема, снова опустили их со стоном разочарования. Элвин остался один, нетронутый.

Но, по правде говоря, его страдания не были бы сильнее, если бы они разрубили его на куски. Не сознавая, что делает, он бросился за ними, хрипло крича: "Трусы! Мужланы! Что вы знаете о моей крови? Дайте мне оружие и докажите это. Или отбросьте свое, как мужчина мужчине." Его голос срывался от страсти и неистовых ударов сердца.

Но разразившийся издевательский смех смолк во внезапной тишине. За мгновение до этого Сигурд завершил свою погоню за вороватой собакой и присоединился к группе — как раз вовремя, чтобы собрать кое-что из того, что произошло. Как только Элвин умолк, он вышел и встал рядом с молодым рабом. Он больше не был ни учтивым Сигурдом Серебряным Языком, ни Сигурдом веселым товарищем; его красивая голова была вскинута с властным видом, который

напомнил всем присутствующим, что Сигурд, сын знаменитого ярла Харальда, был самым высокородным в лагере.

Он сурово сказал: "Мне кажется, что вы ведете себя в этом вопросе как дураки. Разве вы не видите, что он не более раборожденный, чем вы? Или ты думаешь, что невезение может превратить сына ярла в собаку? У него будет шанс доказать свое мастерство. Я сам буду бороться с ним до тех пор, пока он не решит. И то, что я счел достойным того, чтобы сделать, пусть никто другой не посмеет презирать!"

Он отстегнул свой собственный клинок с золотой оправой и сунул его в руки Элвина, затем властно обратился к Борцу: "Рольф, если ты считаешь себя моим другом, одолжи мне свой меч".

Ему молча уступили; и они вышли лицом к лицу, молодой аристократ и юный раб. Но прежде чем их сталь соприкоснулась, Эгиль встал между ними и сбил их клинки своими.

"Этого достаточно", - грубо сказал он. "Я не побрезгую тем, что сделает Сигурд Харальдссон. Я встречусь с тобой с честью, тралл. Но тебе не нужно просить пощады. Отблеск странной беспочвенной ненависти заиграл на его свирепом лице.

Это не обескуражило Элвина; это только разогрело его кровь. "Эта сталь расплавится быстрее, чем я попрошу пощады!" - вызывающе закричал он, бросаясь на своего врага.

Вжик-вжик! Песня разящей стали разнеслась по маленькой долине. Зрители расступились с дороги. Полупьяные бездельники снова приподнялись на локтях.

Они были хорошо подобраны, эти двое. Если Элвину и не хватало силы Черного, он восполнял это мастерством и быстротой. Блестящая сталь летела все быстрее и быстрее, пока ее свист не стал похож на ядовитое шипение змей. Краска то появлялась, то исчезала на щеках Хельги; ее губы нервно подергивались. Глаза Сигурда были прикованы к этим двоим, подобным пылающим лампам, поскольку они ходили взад и вперед с мстительной яростью. Во всей долине не было слышно ни звука, кроме яростного лязга мечей. Сами деревья, казалось, затаили дыхание, прислушиваясь.

Эгил издал триумфальный вздох; его клинок вонзился в плоть. Расширяющийся красный круг окрасил плечо белой туники Элвина. Губы раба сжались в жесткую линию; его удары стали более яростными, как будто боль и отчаяние придавали ему дополнительную силу. Высоко подняв свой меч в воздух, он с могучей силой обрушил его на клинок Эгиля. В следующее мгновение Черный держал бесполезное оружие, сломанное в пальце от рукояти.

Среди троих наблюдателей поднялся шепот. Рука Хельги потянулась к ножу.

Рольф мягко покачал головой. - Честная игра, - напомнил он ей, и она отступила.

Отбросив сломанный клинок, Эгил скрестил руки на груди и ждал в презрительном молчании; но через мгновение Элвин тоже остался с пустыми руками.

- Я не совершаю убийств, - выдохнул он. - Как мужчина с мужчиной, мы покончим с этим.

С опущенными головами и настороженными глазами, как звери, готовящиеся к прыжку, они медленно двигались по кругу. Затем, как разъяренные медведи, они сцепились; каждый хватал другого ниже плеча и стремился одной силой рук сбросить своего врага.

Только кровь, прилившая к их лицам, и вены, вздувшиеся на обнаженных руках, говорили о напряжении и борьбе. Они стояли так ровно, что с небольшого расстояния казалось, будто они неподвижны. Их пятки глубоко врезались в мягкий дерн. Дыхание стало прерывистым. Это не могло продолжаться долго; на лбу Элвина уже выступили крупные капли. Только вспышка ярости могла спасти его.

Внезапно, сменив хватку, Эгиль схватил противника за раненое плечо. Хватка была пыткой — пришпоривать падающую в обморок лошадь. Кровь прилила к глазам Элвина; мускулы его окаменели. Эгил покачнулся, зашатался и упал ничком, разбившись.

Обезумев от боли, Элвин опустил колени на его вздымающуюся грудь. - Если бы у меня был меч, - выдохнул он, - если бы у меня был меч!

Потрясенный и ошеломленный, Эгиль все еще презрительно смеялся. - Что мешает тебе забрать свой меч? Я не убог. Думаешь, для меня имеет значение, как скоро наступит день моей смерти?

Элвин все еще сходил с ума от боли. Он выхватил из-за пояса бронзовый нож и приставил его к горлу Эгиля. Брови Сигурда потемнели, но никто не произнес ни слова и не пошевелился, и меньше всего Эгиль; его черные глаза смотрели на него не моргая.

Именно их спокойствие привело Элвина в себя. Когда он почувствовал на себе их ясный взгляд, до него дошло, что значит отнять человеческую жизнь, превратить живое дышащее тело, подобное его собственному, в груды неподвижной, мертвой глины. Рука его дрогнула и упала. Страсть угасла в его сердце, и он встал.

"Сигурд Харальдссон, - сказал он, - за то, что ты для меня сделал, я отдаю тебе жизнь твоего друга".

Красивое лицо Сигурда прояснилось.

— Только, - добавил Элвин, - я думаю, будет правильно, если он объяснит причину своей вражды ко мне и...

Эгил вскочил на ноги; его гордое безразличие сменилось внезапной яростью. "Этого я никогда не сделаю, даже если ты вырвешь у меня корни языка!" - крикнул он.

Даже его товарищи смотрели на него с изумлением.

Элвин попытался усмехнуться. - Я полагаю, ты боишься говорить о Скроппе.

- Скроппа? - повторил изумленный хор. Но только два алых пятна на щеках Эгиля свидетельствовали о том, что он их услышал. Он одарил Элвина долгим, снисходительным взглядом. - К этому времени ты должен был бы знать, что я ничего не боюсь.

Хельга предприняла неудачную попытку. - Я думаю, это не более чем благородно, Эгил, рассказать ему, почему ты его враг.

Бессознательно она говорила о рабе как о равном. Он заметил это; Эгиль тоже это заметил. Казалось, это привело его в невыносимую ярость.

- Если ты выскажешься в его пользу, - прогремел он, схватив ее за запястье, - я вложу в тебя свой нож! Но еще до того, как она освободилась, а Рольф и Сигурд набросились на него, он понял, что зашел слишком далеко. Резко оставив их, он отошел и встал немного поодаль, спиной к ним, опустив голову и стиснув руки, борясь с самим собой.

Долгое время никто не произносил ни слова. Сигурд вопросительно посмотрел на Рольфа, и тот ответил, пожав плечами. Однажды, когда Хельга предложила подойти к Черному, Сигурд сделал предупреждающий жест. Они ждали в мертвой тишине. В то время как до них слабо доносились голоса других мужчин, насекомые жужжали у их ног, а птицы щебетали на деревьях над ними.

Наконец Эгиль медленно вернулся с угрюмыми глазами и мрачным ртом. В руках он держал ветку и яростно гнул и ломал ее. "Это достаточно позорно, - начал он через некоторое время, - что какой-то мужчина мог пощадить меня. Я удивляюсь, что я не умерла от позора! Но было бы еще гнуснее, если бы после того, как он сохранил мне жизнь, я позволил себе относиться к нему по-волчьи. - Его глаза внезапно сверкнули на Элвина, но он взял себя в руки и продолжил. "Причину моей вражды я не скажу; дикие быки не должны вырвать ее из меня. Но— - Он остановился, тяжело вздохнул и снова стиснул зубы. - Но я откажусь от этой вражды. Это больше, чем стоит моя жизнь. Для него это стоит дюжины жизней, — его голос сорвался от ярости, — но, поскольку это благородно, я сделаю это. Если ты, Сигурд Харальдссон, и ты, Рольф, поклянетесь в своей дружбе этому человеку, я поклянусь ему в своей. Хорошо, что он дошел до конца, потому что больше не смог бы произнести ни слова.

Недоумение сковало язык Элвина. Сигурд заговорил первым.

- Мне кажется, это справедливое предложение, и половина условий уже выполнена. Вчера вечером я пожал ему руку.

Рольф ответил с меньшей поспешностью. — Я ничего не говорю против храбрости англичанина или его мастерства, но — не стану этого скрывать - даже в обмен на жизнь товарища я не хотел бы отдавать свою дружбу рабу по рождению.

У Элвина развязался язык. - В моей стране, - надменно сказал он, - один мой взгляд оказал бы тебе честь. Эдита скажет вам, что мой отец был графом Нортумбрии, а моя мать - принцессой королевской крови Альфреда.

У Хельги вырвался возглас удивления и интереса, но он не удостоил ее взглядом. Еще какое-то время Рольф колебался, долго и странно глядя на Эгиля, потом долго и пристально на Сигурда. Но наконец он протянул свою огромную лапу.

- Элвин Английский, - медленно произнес он, - хотя ты и не представляешь, как много это значит, я предлагаю тебе руку и дружбу.

Элвин воспринял это несколько холодно. - Я не стану благодарить тебя за вынужденный подарок, но взамен обещаю тебе свою веру.

Хотя его лицо все еще выражало страсть, следующим протянул руку Эгиль. "Как бы сильно я тебя ни ненавидел, я клянусь, что всегда буду действовать как твой друг".

В глубине души Элвин прошептал: "Дьявол меня побери, если я когда-нибудь повернусь спиной к твоему ножу!" Но вслух он просто повторил свой прежний уговор.

Когда все было закончено, Сигурд ласково положил руку ему на плечо. "Мы не можем укрепить нашу дружбу, но я советую тебе не оставлять Хельгу в стороне от сделки. Более верного друга у человека никогда не было".

Полоска на щеке Элвина вспыхнула от еще более сильного румянца. Он стоял перед ней, застывший и потерявший дар речи. Хельга тоже густо покраснела, но в ней не было и следа девичьей застенчивости. Ее прекрасные глаза откровенно смотрели в его глаза.

- Я не стану предлагать тебе свою дружбу, - просто сказала она, - потому что я прочла по твоему лицу, что ты не простил мне того ужасного зла, которое я причинила тебе, не зная, что ты храбрый, высокородный и образованный. Я могу понять ваш гнев. Если бы я был мужчиной, и женщина поступила бы со мной подобным образом, я, вероятно, убил бы ее на месте. Но может случиться так, что со временем это воспоминание исчезнет из вашей памяти, точно так же, как шрам исчезнет с вашего лица. Тогда, если ты увидишь, что моя дружба того стоит, приди и попроси меня о ней, и я дам ее тебе".

Прежде чем Элвин успел придумать ответ, который сказал бы ни больше, ни меньше того, что он имел в виду, она ушла вместе с Сигурдом. Он хмуро посмотрел ей вслед, потому что увидел, что Эгил наблюдает за ним. Но его удивило, что, как бы он ни искал, нигде не мог найти той огромной, будоражащей душу ярости, которую впервые почувствовал к ней.

ГЛАВА VII

КОРОЛЕВСКИЙ ГВАРДЕЕЦ

Не всегда можно получить что-то великое

.

Похвалу часто покупают за пустяки.

Хавама'л

Это было на следующий день после этой драки, когда гвардеец Лейф вернулся в Нидарос. Элвин был привлечен к сведению своего нового хозяина самым неожиданным образом.

По той или иной причине лагерь рано опустел. На рассвете Эгиль закинул лук за спину, запасася стрелами и мешком с едой и отправился в горы — поохотиться, угрюмо сказал он Тайркеру, проходя мимо. Два часа спустя Вальбранд вызвал лошадей и ястребов, и они с юным

Харальдссоном, Хельгой и ее служанкой-саксонкой отправились на юг, чтобы порезвиться в сосновом лесу.

Хельга была лучшим товарищем в лагере, независимо от того, хотел ли кто-нибудь поохотиться, или хотел научиться фехтовать, или просто просил о тихой партии в шахматы при прыгающем свете костра. Ее звонкий смех, ее откровенный взгляд и прекрасное сияющее лицо заставляли всех остальных девушек казаться тусклыми и безжизненными. Элвин смутно чувствовал, что возненавидеть ее будет нелегко, и он не осмеливался поднять глаза, когда она проезжала мимо него. Вместо этого он заставил себя уставиться на отражение своего покрытого шрамами лица в серебряном роге, который вытирал; и он дул и дул на искры своего гнева.

Заметив это, Хельга с сожалением нахмурилась. "Я не могу винить его, если он не хочет разговаривать со мной", - сказала она Сигурду Харальдссону. "Природа высокородного человека такова, что удар подобен яду в его крови. Он должен загноиться и вырваться наружу, прежде чем он сможет исцелиться. Я не думаю, что он мог бы вести себя в замке своего отца более по-хозяйски, чем вчера. Отныне я буду относиться к нему так же почтительно, как к тебе или любому другому человеку, рожденному ярлом.

"В этом ты показываешь себя такой же благородной, какой я всегда тебя считал", - ответил Сигурд, поворачивая к ней сияющее от удовольствия лицо.

К середине дня все разошлись в ту или иную сторону - охотиться, ловить рыбу, купаться или слоняться по городу. Остались только мужчина со сломанной ногой и мужчина с вывихнутым плечом, бросавшие кости на скамейке на солнышке; Элвин, рассеянно насвистывающий, когда подметал спальню; и Рольф-Борец, сидящий, скрестив ноги, под деревом, точащий свой меч и напевавший отрывки своей любимой песни:

"Рубанули бы мы Вешалкой!
Тяжкое было время,
Когда в Готландии собирались
умертвить змея".

Рольф отказался ехать на охоту, сославшись на хромоту своей лошади. Теперь, когда он сидел, работая и напевая, он, по—видимому, придумывал какое-то другое развлечение, и частые взгляды, которые он бросал в сторону раба, казалось, указывали на то, что последний должен был быть заинтересован в этом.

Наконец Рольф позвал Элвина: "Эй, англичанин! Подойди сюда и скажи мне, что ты думаешь об этом оружии.

Элвина не нужно было уговаривать, чтобы он сменил метлу на меч. Он подошел, поднял огромный клинок, сделал пассы в воздухе и осмотрел деревянную рукоять, окованную медью.

"Я никогда не видел более прекрасного оружия", - признал он. "Рукоять ложится в руку лучше, чем те золотые украшения на мече Сигурда Харальдссона. Как это называется? Ибо в те дни хороший клинок носил имя так же верно, как лошадь или корабль.

Рольф ответил своим мягким голосом: "Это называется "Кусачий". И он укусил немало, но уместно, чтобы другие говорили об этом. Поскольку рукоятка так хорошо ложится на твою

ладонь, не поддержишь ли ты ее еще немного, пока я позаимствую оружие Длинного Лодина, и мы испытаем мастерство друг друга? Он сделал движение, чтобы подняться, затем сдержался и заколебался. "Или, может быть, - мягко добавил он, - тебе не хочется бороться с таким сильным человеком, как я?"

- Теперь, клянусь святым Дунстаном, тебе не нужно так щадить меня! - Горячо воскликнул Элвин. "Никогда я не отворачивался от вызова; и никогда не повернусь, пока в моих жилах течет красная кровь. Быстро доставай свое оружие". Он потряс большим клинком в воздухе и принял оборонительную позу.

Но Борец не сделал ни малейшего движения, чтобы подражать ему. Он остался сидеть и медленно покачал головой.

"Это прекрасные слова, и я ничего не имею против вашей искренности; но мой аппетит изменился. Я скажу вам, что мы сделаем вместо этого. Когда твоя работа будет закончена, мы переправимся через реку в лагерь Торгрима Свенссона и посмотрим на конный бой, который он собирается устроить. У него есть черный жеребец породы Кейнгала по кличке Расчленитель, которого нет необходимости подгонять палкой. Когда он встает на задние лапы и кусается, можно поклясться, что у него столько же лап, сколько у серого Слейпнира Одина. Тебе не кажется, что это было бы хорошим развлечением?"

Какое-то мгновение Элвин не знал, что и думать. Он не верил, что Рольф боится его; и если вызов будет отозван, это, несомненно, положит конец делу. Конный бой? Он не наслаждался подобным зрелищем со Дня Михайлова дня, когда его отец устроил большую травлю медведя в яме в своем английском замке. И прогулка под солнцем и ветром, вкус свободы...!

"Мне кажется, это было бы очень приятно", - согласился он. Он нетерпеливо принялся заканчивать свою работу, когда какая-то мысль поймала его, как аркан, и вернула назад. "Я впервые за год забываю о ярме на своей шее! Позволено ли собаке-рабыне искать развлечений?"

Крупное тело Рольфа напряглось от легкого неудовольствия. Он серьезно сказал: "Очевидно, что ваши мысли не делают мне чести, поскольку вы считаете, что у меня так мало полномочий. Я говорю тебе сейчас, что ты всегда будешь свободен делать все, о чем я тебя попрошу. Если в этом есть что-то неправильное, отвечать за это должен я, а не ты. Таков закон, пока ты связан, а я свободен".

Новое чувство стыда за свое рабство захлестнуло Элвина, как обжигающая волна. Это ошеломило его на секунду, затем он рассмеялся с издевательской горечью.

"Это правда, что я стал собакой. Я могу пойти по свистку любого человека, и именно человек несет за это ответственность. Я прошу вас забыть о том, что на мгновение я считал себя мужчиной. Во внезапном бешенстве он крутанул огромный меч над головой и бросился на сосну позади Рольфа, так что лезвие осталось торчать из ствола.

Погода радовала мужское сердце — залитое солнцем небо над головой и дующий свежий ветерок, от которого каждая капля крови бурлила от желания идти, идти, идти на самый край света. Раб двинулся в путь рядом с Борцом в угрюмом молчании; но не успели они пройти и мили, как его мрачное настроение разнеслось по фиорду. Берега реки и переулки утопали в

цветах, и каждая зеленая изгородь, мимо которой они проезжали, была усыпана гнездящимися птицами. Торговые палатки были полны красивых вещей; музыканты, акробаты и жонглеры с маленькими собачками—фокусниками были повсюду - стоило только остановиться и посмотреть. На реке стояло потрепанное торговое судно, нагруженное большими красными яблоками - зимними запасами какого-то норманна. Один из членов команды, знавший Рольфа, бросил ему немного вслед в знак приветствия, и они вдвоем с наслаждением жевали на ходу. Они миновали множество лагерей викингов, пестревших вымпелами и полосатыми скатертями, где группы мускулистых светловолосых мужчин боролись и испытывали мастерство друг друга или сидели за грубо сколоченными столами под деревьями, выпивая и распевая песни. В одном месте они упражнялись с луком и стрелами; и, будучи совершенно беспристрастными в выборе цели, один из лучников послал стрелу в дюйме от головы Рольфа, исключительно ради ожидаемого удовольствия увидеть, как он вздрогнет и увернется. Обнаружив, что ни он, ни Элвин не пойдут ни на шаг быстрее, они осыпали стрелами свои уши, пока находились на расстоянии выстрела из лука, и, увидев их вне досягаемости, радостно закричали.

Дорога разветвлялась на одну из главных магистралей, и они встречали хорошеньких девушек, которые улыбались им, меланхоличных менестрелей, которые хмурились, глядя на них, и воинов с мрачными ртами, чьи глаза были слишком поглощены будущими битвами, чтобы даже видеть их. Время от времени Рольф тихо отдавал честь какому-нибудь молодому гвардейцу; и, к удивлению раба, воин отвечал не только дружелюбно, но даже с уважением. Казалось странным, что такая мягкая внешность, как у Рольфа, вызывает какое-то особое уважение у таких юных пожирателей огня. Однажды они наткнулись на полупьяного моряка, который попытался выхватить у Рольфа яблоко и преуспел в том, что выбил его у него из рук в пыль. Борец лишь пристально посмотрел на него своими голубыми глазами, но мужчина упал на колени, как будто его ударили.

"Я не знал, что это ты, Рольф Эрлингссон", - он снова и снова икал в слезливом ужасе. - Я прошу тебя не сердиться.

- Я редко встречал такого труса, - с отвращением сказал Элвин, когда они пошли дальше.

Рольф обратил к нему свою нежную улыбку. - Значит, по-вашему, мужчина должен быть трусом, чтобы бояться меня?

Элвин ответил не сразу: внезапно ему пришло в голову усомниться в мягких манерах Борца.

Пока он все еще колебался, Рольф легко обхватил его за талию и перебросил через живую изгородь в поле, где стояла дюжина красно-желтых палаточных будок. "Это палатки Торгрима Свенссона", - объяснил он, следуя за ними так хладнокровно, как будто это был общепринятый способ входа. - Вон он, этот худощавый человечек с веснушчатым лицом. Он великий мореплаватель. Я обещаю вам, что вы увидите много ценных вещей со всего мира".

Подойдя к палаткам, Элвин немедленно получил подтверждение этому утверждению, потому что скамейки, кусты и земля были завалены одеждой, мехами, оружием и всякой всячиной, как будто на этом месте перевернулся корабль. Худощавый маленький человечек, на которого указал Рольф, стоял посреди всего этого, осматривая и направляя. Он был одет в грубую домотканую одежду тусклых цветов торговых судов, серую, коричневую и ржаво-черную, которая странно контрастировала с мантией из великолепного пурпурного бархата, которую он в этот момент примерял. Его маленькое веснушчатое личико собралось в сотню хитрых

морщинок, а глаза были похожи на две сверкающие острия булавок. Казалось, он вперил взгляд в Элвина, когда тот двинулся навстречу своим посетителям; и люди, помогавшие ему, остановились и посмотрели на раба с выжидающими ухмылками.

- Приветствую тебя, Торgrim Свенссон, - вежливо сказал Рольф. Мы пришли посмотреть на твой конный бой. Это Элвин, сын Эдмунда ярла, из Англии. Неудача сделала его рабом Лейфа, но его достижения сделали меня его другом".

Он говорил предельно мягко, просто поглядывая на ухмыляющуюся команду; однако они посерьезнели, как будто им перекрыли кран, и Торgrim вежливо поприветствовал раба.

"Очень жаль, - продолжал он, обращаясь к Борцу, - что вы не можете увидеть Расчленителя, поскольку пришли именно с этой целью; но случилось так, что он покалечился и не сможет драться в течение недели. Однако не уходите из-за этого. Мой корабль привез мне несколько плащей, еще более прекрасных, чем тот, о котором ты мечтаешь, — тут Элвину показалось, что маленький человечек подмигнул Рольфу, — и если англичанин так хорошо владеет мечом, как ты сказал — гм! Он замолчал, кашлянув, и попытался скрыть свою резкость, отвернувшись и взяв меховую накидку из груды дорогих вещей.

Мгновенное удивление Элвина было забыто при виде обнаруженного таким образом сокровища. Под плащом, брошенным на пол, как малоценная вещь, лежала открытая книга. Она была исписана англосаксонскими золотыми и серебряными буквами; ее мятые страницы были сделаны из редчайшего розового пергамента; обложки - листы полированного дерева с золотым тиснением и украшены золотыми застешками. Даже у королевской родственницы Альфреда никогда не было такого великолепного тома. Мальчик-англичанин схватил ее с восторженным возгласом и жадно переворачивал страницы, прикидывая, вспомнятся ли ему уроки матери.

Его привело в себя прикосновение руки Рольфа к его плечу. Он обнаружил, что все они снова смотрят на него с выжидающими улыбками. Напротив него, словно ожидая, с обнаженным мечом в руке, стоял нескладный молодой парень в одежде раба — и в ней чувствовалась принадлежность к обществу.

"Теперь я испытываю к тебе еще большее уважение, когда вижу, что ты также умеешь читать английские руны", - сказал Борец. "Но я прошу вас оставить их на минутку и выслушать меня. У Торгрима здесь есть раб, который, по его мнению, лучше всех владеет мечом; но я поставил свое золотое ожерелье против его бархатного плаща, что ты лучший человек, чем он.

Тогда Элвин понял значение этой группы: он выпрямился с леденящим душу высокомерием. "Маловероятно, что я буду бороться против низкородного крепостного, Рольфа Эрлингссона. Ты осмеливаешься оскорблять меня, потому что удача оставила твои волосы нестриженными.

Звук, похожий на выжидающий вдох множества людей, пронесся по кругу. Элвин приготовился противостоять кулаку Рольфа, но Борец только отстранился и укоризненно посмотрел на него.

- Разве это оскорбление, Элвин из Англии, ловить тебя на слове? Не прошло и трех часов с тех пор, как ты поклялся никогда не поворачиваться спиной к вызову, пока в твоих жилах течет красная кровь. Неужели ведьмы высосали из тебя кровь, что твой разум настолько меняется, когда тебя подвергают испытанию?"

По крайней мере, при этом напоминании на щеках Элвина осталось достаточно крови, чтобы побагроветь. Это были его собственные слова, задетые насмешкой Рольфа.

Тлеющее сомнение, которое он чувствовал, вспыхнуло пламенем и прожгло каждую клеточку его тела. Что, если все это было ловушкой, заговором? — если Рольф специально привез его туда для драки, а лошади были только предлогом? Подмигивание Торгрима, его намек на искусство Элвина владеть мечом - все это было оговорено между ними; бархатный плащ был ключом к разгадке! Рольф хотел обладать им. Он убедил Торгрима поставить это на мастерство своего раба, а затем привел Элвина, чтобы тот выиграл пари за него. *Привел* его, как дрессированного жеребца или охотничью собаку!

Он повернулся, чтобы швырнуть обман в зубы Борцу. Красивое лицо Рольфа было таким же невинным, как у святых в саксонской книге. Элвин колебался. В конце концов, какие у него были доказательства?

Издевательский шепот и полузадушенный смех стали слышны вокруг него. Группа считала, что его колебания были вызваны робостью. Не обращая внимания на боль от вчерашней раны, он схватил меч, который протянул ему Рольф, и двинулся вперед.

Его нога задела саксонскую книгу, которую он уронил. Когда он поднял его и благоговейно отложил в сторону, это натолкнуло его на кое-какие мысли.

— Торgrim Свенссон, - сказал он, помолчав, - поскольку я не хочу, чтобы говорили, что я боюсь смотреть мечу в лицо, я буду драться с твоим крепостным - при одном условии: ты отдашь мне эту книгу, которая тебе бесполезна, если я одержу над ним верх.

Веснушчатое лицо сморщилось в проницательном прищуре. - А если ты потерпишь неудачу?

- Если я потерплю неудачу, - быстро ответил Элвин, - за меня заплатит Рольф Эрлингссон. Он сказал мне, что пока он свободен, а я связан, он несет ответственность за то, что я делаю".

При этом раздалось несколько смешков — когда было видно, что Борец не обиделся. "На это ответил сообразительный Олвин из Англии", - сказал Рольф с улыбкой. - Я охотно заплачу, если ты не спасешь нас обоих, как я ожидаю.

Стремясь поскорее покончить с этим, Элвин набросился на раба с яростью, которая привела того в ужас. Его клинок мелькал вокруг него, как молния; за его движениями едва можно было уследить. Рана в бедро; и бедняга, у которого было мало настоящего мастерства и еще меньше природного духа, начал оступаться. Удар в руку, который только удвоил бы рвение Элвина, добил его окончательно. С ревом боли он отбросил от себя оружие, прорвался сквозь кольцо разъяренных мужчин и, съехившись, побежал между киосками.

Было произнесено несколько слов, когда плащ и книга были переданы. Сжатый рот Торгрима наводил на мысль, что если он что-то и скажет, то это будет нечто такое, о чем, как он понимал, лучше умолчать. Его люди были похожи на гончих на привязи. Рольф произнес несколько вежливых фраз и поторопил своего спутника уйти.

Чувство, что его обманом опустили до уровня дрессированного медведя, вновь охватило Элвина. Когда они снова стояли на дороге, он посмотрел на Борца обвиняюще и испытующе.

Рольф заговорил о книге. "Я не видел ничего, что показалось бы мне таким прекрасным. Я должен признать, что вы, люди Англии, более искусны в таких делах, чем мы, жители Севера. Достаточно нацарапать рисунки на камне или вырезать их на двери; но что вы будете делать, когда захотите переехать? Либо вы должны оставить их здесь, либо запрячь в ярмо волов. Мне гораздо больше нравится рисовать их на детской коже. Вам очень повезло, что вы стали обладателем такой собственности".

От удовольствия Элвин забыл о своих обидных подозрениях. - Давайте присядем где-нибудь и рассмотрим это, - сказал он. "Вон там, где эти деревья тянутся над забором и создают тень на траве, — это будет хорошее место".

- Будь по-твоему, - согласился Рольф. К тенистому месту они направились соответственно.

Рольф удобно растянулся в высокой траве и соорудил из рук подушку. Элвин присел на корточки, прислонившись спиной к забору, с открытой книгой на коленях.

Чтиво было достаточно привлекательным, с блестящими иероглифами и розовыми страницами, а каждая начальная буква была высотой в дюйм и выделялась лазурно-голубыми узорами. Но великолепие картин!—ни одно варварское сердце не могло устоять перед ними. Что, если бы прямые линии были кривыми, если бы драпировки были деревянными, а руки и ноги неуклюжими? Они были нарисованы золотыми и отблесками серебра, синими, алыми и фиолетовыми красками, так что ничто иное, как светящийся на солнце витраж, не могло даже намекнуть на их сияние. Рольф почувствовал необычную сердечность.

- Клянусь эфесом моего меча, он был опытным человеком, раз смог создать такие картины! Посмотрите на эту лошадь, — она не заставит вас гадать ни минуты, чтобы сказать, что это такое. А вон тот человек, вокруг которого прыгают красные языки пламени, — хотел бы я знать, почему он был привязан к этому столбу!

Элвина тоже снедало любопытство. "Я скажу тебе, что я сделаю", - предложил он. "Ты не должен думать, что читать так же легко, как плавать или владеть мечом. Мой отец не обладал этим даром, и его волосы были седыми. Моя мать тоже не научилась бы этому, если бы Альфред не был ее родственником, и она гордилась его ученостью. Я бы тоже не знала, как, если бы она меня не научила. И я многое забыла. Но вот что я тебе предложу: я прочитаю про себя саксонские слова, а потом расскажу тебе на северном наречии, что они означают".

Он раскрыл книгу на чистом газоне, растянулся на животе, закинул одну ногу за другую, подпер подбородок сжатыми кулаками и начал.

Это была медленная работа. Он многое забыл; и каждое второе слово было связано с отвлекающими воспоминаниями: его мать, наклонившаяся над пальцами, чтобы проследить за строчкой с помощью своего бодика; его мать, прямая и суровая, приказывающая брату Амброзию увести его и выпороть за безделье; его мать слушает его урок, одной рукой обнимая его, а в другой держа конфету, которой она угостит его, если у него получится. Он не заметил, что глаза Рольфа постепенно закрываются, а его затаенное дыхание превращается в долгие ровные вздохи. Он брел все дальше и дальше.

Внезапно с дороги до него донесся грохот приближающихся ударов копыт. Они приближались все ближе и ближе; и вот из-за поворота вынырнул отряд королевских гвардейцев — желтые

волосы и алые плащи развевались на ветру, звенели шпоры, бряцало оружие, лязгали доспехи. Элвин поднял глаза и увидел их лидера, и его интерес к бледным изображениям святых резко упал.

- Должно быть, это сам король Олаф! - пробормотал он, вытаращив глаза.

На голову выше других высоких мужчин, с плечами на ширину ладони, предводитель восседал на своем могучем черном коне, как второй Тор. Свет отражался от его стальной туники и позолоченного шлема. На его бронзовом лице вместо носа был орлиный клюв, а глаза цвета льда или стали были пронзительными, как обоюдоострый меч. На его золотом щите был нарисован белый крест.

Проходя мимо, он взглянул на пару у забора. Заметив спящего Рольфа, он резко остановил своего коня, жестом приказал остальным ехать дальше без него и, развернувшись, поехал обратно, сопровождаемый только верхом на рабе, который, очевидно, был его личным слугой. Элвин вскочил и попытался разбудить своего товарища, но гвардеец избавил его от этой проблемы. Наклонившись из седла, он нанес Борцу ловкий удар плоской стороной своего меча.

- Что теперь, Рольф Эрлингссон? - спросил он громовым тоном. - Из-за того, что я отправляюсь в пятидневное путешествие, должно ли случиться так, что мои люди будут валяться, как пьяные свиньи, на обочине дороги? За это ты почувствуешь...

Прежде чем он успел толком открыть глаза, Рольф вскочил на ноги, хватаясь за свой меч. К счастью, прежде чем нанести удар, он успел мельком увидеть своего противника.

"Лейф, сын Эрика!" - воскликнул он, опуская оружие. "Добро пожаловать! Приветствую тебя!"

Хмурый взгляд воина сменился мрачной улыбкой, когда он отдал руку в крепкое пожатие своего молодого последователя.

"Возможно ли, что вы все-таки трезвы? Что, во имя дьявола, ты здесь делаешь, спишь у дороги в компании раба в пурпурном плаще?"

Рольф расслабился и заговорил, растягивая слова. - Это несправедливо сказано, шеф. Я не спал. Я нашел новое и достойное развлечение. Я слушал, как этот англичанин читал вслух из саксонской книги святых.

- Саксонская книга святых! - воскликнул гвардеец. - Я бы хотел ее увидеть.

Когда владелец передал его, он торопливо просмотрел его, но с благоговением переворачивал страницы и крестился всякий раз, когда натыкался на изображенный крест. Возвращая его, он перевел взгляд на Элвина, голубой и пронзительный, как сталь.

- Вполне вероятно, что ты высокородный пленник. То, что ты умеешь читать, - необычное достижение. Не исключено, что ты можешь быть мне полезен. Кто твой хозяин? Есть ли смысл пытаться купить тебя у него?

Рольф рассмеялся. - Конечно, тебя правильно называли "Счастливым", поскольку ты желаешь только того, что уже принадлежит тебе. Это мальчик-повар, которого Тайркер купил на место Хорда.

- И что? - спросил Лейф, бессознательно подражая своему старому приемному отцу-немцу. Он сидел, задумчиво глядя на мальчика, пока его слуга не встревожился и не заставил свою лошадь совершить маневр, чтобы разбудить его.

Стражник, вздрогнув, пришел в себя и поспешно подобрал поводья. - Это хорошо. Мы еще поговорим об этом. Итак, Олаф Трюгвассон ждет моего отчета. Скажи им, что я буду в лагере завтра. Если я найду пьяные головы или затупленное оружие—" В его взгляде читалась угроза.

"Я буду прислушиваться к вашим приказам в этом, как и во всем остальном", - ответил Рольф фразой придворных того времени. Его начальник коротко кивнул ему, пришпорил коня и поскакал вслед за своими товарищами.

ГЛАВА VIII

ЛЕЙФ КРЕСТОНОСЕЦ

Расспрашивать и делиться
Должен каждый разумный человек,
Который будет считаться мудрецом.
Пусть знает только один, —
Второй может и не знать;
Если трое, то знает весь мир.
Хавама'л

На следующий день было раннее утро, такое раннее, что мир только кое-где просыпался. В городе царила тишина; поля были пусты; леса вокруг лагеря спали в темноте и безмолвии. Только маленькая долина была свежей и улыбалась в новом свете, подмигивая солнцу миллионами влажных глаз.

Под деревьями стояли длинные, вытертые добела столы с мисками и подносами, и Элвин неторопливыми шагами разносил еду туда-сюда. Из кабинки Хельги донесся ее голос, похожий на странный боевой клич, в то время как с берега реки доносились голоса, смех и громкий плеск множества купальщиков.

Постепенно крики слились в непрекращающийся рев. Рев перерос в гром возбуждения. Элвин остановился, разливая творог по рядам деревянных мисок, и с улыбкой слушал.

"Теперь они наперегонки плывут обратно к берегу. Интересно, кого они сегодня выгонят из воды". За это было установлено наказание за последнее участие в гонке.

Гром аплодисментов достиг своего апогея; затем внезапно он разделился на разрозненные насмешки и улюлюканье. Послышался треск опавших листьев, шорох кустов, и появился Сигурд, мокрый и запыхавшийся. Тяжело дыша и выбившись из сил, он бросился на землю, его сияющее белое тело выделялось камеей на фоне мшистой зелени.

- Ты! Ты побежден! Элвин вскрикнул от удивления.

Сигурд, задышавшись, рассмеялся. "Даже я сам. Конечно, это время чудес!" Он нетерпеливо посмотрел на накрытый стол и поднял руку. - И, кроме того, я умираю с голоду! Брось мне что-нибудь, прошу тебя." Когда Элвин бросил ему ломоть хрустящего хлеба, он согласился продолжить и объяснить свое поражение между набитыми кусками. "Это потому, что мое плечо все еще тяжелое при движениях. Прошлой зимой я сломал его в борьбе. Я забыл об этом, когда участвовал в гонке".

- Жаль, - сказал Элвин. Но говорил он рассеянно, потому что думал, что здесь, возможно, есть повод для того, что он хотел сказать. Он молча наполнил несколько мисок, Сигурд следил за своим хлебом горящими глазами. Через некоторое время Элвин осторожно продолжил: "Однако это происшествие легкое. Я надеюсь, что вам вряд ли придется пережить более тяжелое разочарование, когда Лейф придет сегодня".

Желтая голова Сигурда откинулась назад в взрыве смеха. "Я бы поставил на это!" - крикнул он. "Я бы поставил свою лошадь на то, что вы стремились именно к этому! Так заканчивается каждая речь, где бы она ни начиналась. Я разговариваю с Хельгой о том, чем мы занимались в детстве, и она отвечает: "Ты многое помнишь, молочный брат; не забывай о суровости характера Лейфа". Я вступаю в разговор с Рольфом, и он отвечает: "Да, вполне вероятно, что Лейф получил большую благосклонность короля Олафа, чем когда-либо. Я не могу быть полностью уверен, что он приютит того, кто нарушил законы Олафа". Тюркер советует мне: —Клянись святым Михаилом, вы все так же мудры, как Мимир!" Он отшвырнул от себя корку жестом добродушного нетерпения. "Вы все считаете меня дураком, что я не ведаю, что творю? Похоже, вы забываете, что Лейф Эрикссон - мой приемный отец.

Элвин положил последний творог в последнюю миску и встал, облизывая ложку из рога и с сомнением поглядывая на другую. "Ты хочешь этим сказать, что имеешь право отдавать ему приказы? Я слышал, что на Севере приемный сын обращается со своим приемным отцом не как со своим начальником, а как со своим слугой. И все же Лейф не выглядел...

Сигурд закричал от смеха. - Он этого не делал! Готов поспорить на свою голову, что он этого не делал! Конечно, приемный сын, который проявил бы неуважение к Лейфу Счастливику, отдал бы свою жизнь в лапы медведя. Не имеет значения, что многие глупые старики низкого происхождения обычно позволяют попирать себя вспыльчивым молодым людям более высокого ранга, подобно тому, как старые волки кусают молодых. Наследник короля Олафа не посмеет поступить так с Лейфом Эрикссоном. Нет; я хотел бы, чтобы ты понял: я знаю, что делаю, потому что я знаю характер Лейфа, как ты знаешь свои английские руны. С тех пор как

мне исполнилось пять зим и до тех пор, пока мне не исполнилось пятнадцать, я жил под его крышей в Гренландии, и он был мне как отец. Я знаю его суровость, но я знаю также его справедливость и то, на что он отважится ради друга, хотя Олаф и все его войско выступают против него.

Он разразился нормандским ругательством, когда: "шлеп!" пригоршня мокрой глины ударила его по обнаженным плечам. Обернувшись, он увидел в кустах озорную руку, занесенную для второго броска, и, смеясь, вскочил на ноги.

- Тролли! Сначала выгнали меня из ванны, а потом облили грязью! Отрави его чашу, если ты любишь меня, Элвин. Ах, какой бросок! Маловероятно, что ты смог бы попасть в дверь. Что за меткость у рабынь! Позор!" Насмехаясь и петляя из стороны в сторону, он добрался до желанного убежища в спальном доме.

Поток больших белых тел, блеск влажных желтых волос, взрыв неистового веселья, и лагерь кишел голодными шумными великанами, которые швыряли друг в друга башмаками, толкались и ссорились вокруг полированного щита, перед которым они распускали свои желтые локоны, топали, пели и посвистывали, натягивая туники и застегивая пояса.

"Лейф идет! — счастливый, Любимый Человек!" Хельга запела из своей кабинки, и шум удвоился от одобрительных возгласов.

"Клянусь Тором, мне кажется, что он сейчас придет!" - внезапно сказал Вальбранд. Он закончил свой туалет и сел за стол лицом к зарослям. Все обернулись посмотреть и увидели, как раб Лейфа галопом выскочил из тени и направился к ним. Однако никто не последовал за ним, и по округе прокатился ропот разочарования.

- Это никто иной, как Карк!

Карк привстал на стременах и помахал рукой. Он принадлежал к самому обычному типу бесцветных блондинов, с грубым и невежественным лицом, но в его манерах чувствовалась уверенность привилегированного человека.

"Это больше, чем Карк", - прокричал он. "Это новость, которую стоит услышать. Эй, за Гренландию! Гренландия через три дня!"

- Гренландия? - Повторил хор.

- Гренландия? - воскликнула Хельга, появляясь в дверях с побледневшими щеками.

Они бросились на гонца, стащили его с лошади и окружили его. И то, что раньше казалось Вавилонским столпотворением, было всего лишь тихим бормотанием по сравнению с тем, что последовало теперь.

"Гренландия! Зачем?" — "Ты шутишь". "Эта языческая дыра!" — "Через три дня? Это невозможно!" — "Неужели главная ведьма одержима?" — "Пришло известие, что Эрик мертв?" — "Лейв поссорился с королем Олавом, что король изгнал его?" — "Гренландия, могильный холм для живых людей!" - "За что?" — "Во имя тролля, почему?" — "Ты лжешь; несомненно, что это так". — "Говори, ты, ворон!"

"Через мгновение, через мгновение, дайте мне отдышаться и простор, мои хозяева", - смело ответил раб. "Это правда; я сам слышал разговор. Но сначала... Я проехал далеко и быстро, и в горле у меня пересохло от..."

Со стола была схвачена дюжина мисок с молоком и передана ему. Он хладнокровно опустошил две порции и вытер рот рукавом.

- Я благодарю тебя. Я не заставляю тебя ждать. Это случилось прошлой ночью, когда Лейф пришел с докладом к королю. Олаф сидел на троне в своем зале и пировал. Вдоль стен сидели многие знаменитые вожди. Вы бы слышали, какие аплодисменты они устроили, когда стало известно, что Лейф одержал победу!"

Тут блуждающий взгляд Карка обнаружил среди слушателей Элвина; он сделал паузу и смерил его долгим дерзким взглядом. Затем он продолжил:

- Я говорил, что они приветствовали. Вероятно, воины в Валгалле услышали и приняли это за боевой клич. Олаф поднял свой рог для питья и сказал: "Приветствую тебя, Лейф Эрикссон! Здравья и приветствия! Победа всегда сопутствует твоему мечу". Затем он выпил за него через весь зал и пригласил подойти и сесть рядом с ним, чтобы поговорить с ним серьезно".

Второе приветствие, громкое, как боевой клич, донеслось до Валгаллы. Но к его эху примешался хор негодования.

"И все же после таких почестей почему он изгоняет его?" — "Они поссорились?" — "Возможно ли, что имело место предательство?" — "Скажите нам, почему он изгнан!" — "Да, почему?" — "Ответьте на это!"

Посланник громко рассмеялся. "Кто сказал, что он был изгнан? Придержите свои языки. Ему оказано столько почестей, сколько возможно. Это случилось после пира..."

"Тогда прекрати пировать; переходи к своей истории!" - крикнули так нетерпеливо, что даже Карк счел разумным подчиниться.

- Пусть будет так, как ты захочешь. Я начну с того времени, когда все воины отправились спать, за исключением тех, кто лежал пьяный на скамьях. Я сел на табуретку для ног Лейфа, рядом с его рогом. Вероятно, я тоже спал, потому что первое, что я помню, было то, что Лейф и король перестали разговаривать друг с другом и сидели, откинувшись назад, уставившись на догорающие факелы. Было так тихо, что слышно было, как храпят мужчины и ветки скребут по крыше. Затем король спросил, все еще глядя на факел: "Ты собираешься отплыть в Гренландию летом?" Вероятно, Лейф почувствовал некоторое удивление, потому что ответил не сразу; но у него наготове были красивые слова, и наконец он сказал: "Я бы хотел сделать это, если на то будет твоя воля". Затем король долгое время ничего не говорил, и они оба сидели, глядя на сосновый факел, который догорал, пока не погас. Тогда Олаф повернулся, посмотрел в глаза Лейфу и сказал: "Я думаю, что это вполне может быть так. Ты выполнишь мое поручение и будешь проповедовать христианство в Гренландии".

Из аудитории Карка вырвался еще один залп восклицаний.

"Это потому, что ему всегда везет!" — "Этого нельзя сделать. Помни Эрика!" — "Красный убьет его!" — "Ты забываешь Торхильд, его мать!" "Да здравствует король!" — "Это великая честь!"

- Молчать! Приказал Вальбранд. Карк продолжил: "Лейф сказал, что готов сделать все, что пожелает король, но это будет нелегко. Он произнес имя Эрика, и после этого они понизили голоса, чтобы я не мог расслышать. Затем, наконец, Олаф откинулся на спинку своего высокого сиденья, и Лейф встал, чтобы уйти. Олаф протянул руку и сказал: "Я не знаю человека, более подходящего для этой работы, чем ты. Ты унесешь с собой удачу". Лейф ответил: "Это возможно, только если я унесу с собой твою удачу". Затем он схватил короля за руку, и они выпили друг за друга, пристально глядя друг другу в глаза".

Последовала пауза, чтобы убедиться, что посланец закончил. Затем раздались радостные возгласы и ликование.

"Да здравствует Лейф! Слава Счастливику!" — "Лист и Крест!" — "Долой знак молота!" — "Долой Тора!" — "Победа за Листом, Листом и Крестом!"

Столкнулись щиты и замахали мечи. Карка подбросило в воздух и перебрасывало из руки в руку. Волна безумного энтузиазма захлестнула группу. Только Хельга стояла как ошеломленная, запустив руки в свои длинные косы, с застывшим и полным отчаяния лицом.

Чернокожий был первым, кто заметил ее в этой суматохе. Он сбросил плащ, которым размахивал, и с минуту удивленно смотрел на нее, затем разразился громким смехом.

"Посмотрите на воительницу, товарищи,—посмотрите на воительницу! Ей пришло в голову, что она возвращается к Торхильд!"

На мгновение Олвин задумался, кем бы могла быть Торхильд. Затем он смутно припомнил, что слышал, будто Хельга бежала из Гренландии, спасаясь от решительной матроны с таким именем. То, что теперь она должна вернуться к цивилизованности и стать такой же, как другие девушки, также показалось ему превосходной шуткой, и он присоединился к всеобщему смеху. Один за другим подхватывали его с шутками и насмешками.

"Назад к Торхильд Железнорукой!" — "Никаких больше коротких юбок!" — "Она проткнула копьем своего последнего кабана!" — "После этого она будет вышивать на гобеленах охоту на кабанов!" — "Вышивать? Вероятно ли, что она знает, с какого конца иглы продевать нитку?" — "Это будет все равно что запрягать дикого быка!" — "Укрощение девы-воительницы!" — "В спине Торхильд останутся дырки от кинжалов!" - Они столпились вокруг нее, перебрасываясь шутками и покатываясь со смеху.

Всегда раньше Хельга ловила их насмешки на словах; всегда раньше она вместе с ними веселилась за ее счет. Но сейчас она не смеялась. Она медленно поднялась и стояла, глядя на них, грудь ее вздымалась, глаза были похожи на раскаленные угли.

Наконец она сказала пронзительно: "О, смейся! Если ты видишь в этом шутку — смейся! Потому что я собираюсь потерять свою свободу — свои прогулки по зеленой стране, — никогда не стоять на носу и чувствовать, как качается палуба подо мной, — неужели для вас это такой спорт, тупые болваны? Неужели ты думаешь, что это будет шуткой, если франки уведут меня, запрут в одной из своих башен, закуют в кандалы и заставят трудиться на них день и ночь? Вы бы восприняли это достаточно болезненно. Насколько лучше, если меня запрут в душном женском доме и обмотают тряпьем, пока я не споткнусь при ходьбе, и заставят впустую тратить дневной свет, выпекая, чтобы набить ваши свиные желудки, и шья гобелены, чтобы вашим

тусклым глазам было на что посмотреть, пока вы глотаете свой эль? Болваны! Я бы предпочел, чтобы франки забрали меня. По крайней мере, они не называли себя моими друзьями, когда жестоко обращались со мной. Тупоголовые мужланы, смейтесь, если хотите! Смейся, пока не лопнешь!"

Она стремительно ушла от них в свою кабинку, и занавеска на двери опустилась за ней.

Весь день она сидела там, не ест и не разговаривает, Эдита забилась в угол, боясь приблизиться к ней.

ГЛАВА IX

ПЕРЕД ВОЖДЕМ

Дома мужчина должен быть веселым,
А по отношению к гостю либеральным;
он должен быть мудрым в поведении,
с хорошей памятью и готовой речью.

Хавама'л

На реке, со стороны города, стоял на якоре "Морской олень", по обычаю раздетый до корпуса. Ее весла и скамейки для гребли, ее ало-белый парус, позолоченные лопасти и резная голова дракона - все это бережно хранилось в палатках в лагере. С пылом влюбленных ее команда бросилась вниз, чтобы вызволить ее из одиночества и еще раз украсить ее нарядами. Весь день их щетки ласково гладили борта судна, а молотки стучали по палубе. Весь день корабельная шлюпка сновала туда-сюда, переправляя оборудование через реку. Весь день Элвин сновал туда-сюда с записками, инструментами и мотками веревки.

В последнюю поездку, которую он совершил, Сигурд Харальдссон прошел с ним по мосту и вдоль городского берега реки. Молодой викинг провел день, разъезжая с Тайркером по стране, узнавая цены на груз кукурузы. Казалось, что кукуруза в Гренландии была на вес золота.

"Лейф проявил остроумие, преподнеся Эрику в подарок кукурузу", - объяснил Сигурд, когда они уворачивались от нагруженных рабов, бегающих вверх и вниз по сходням. "Это понравится ему больше, чем более ценные вещи. Его удовольствие приблизится к тому, чтобы обратить его".

Элвин с сомнением покачал головой — не над этим последним замечанием, а над перспективой в целом. "Чем больше я думаю о поездке в Гренландию, - сказал он, - тем более прекрасным местом я нахожу Норвегию".

Он оценивающе посмотрел на реку рядом с ними, а впереди - на огромный сверкающий фиорд. Разбросанные по его залитым солнцем водам изящные суда, построенные на клиперах, стояли на якоре; между ними взад и вперед сновали ялики с длинными веслами, похожие на длинноногих водяных жуков. Вдоль берега, насколько хватало глаз, тянулась цепочка кораблей — изящных военных крейсеров, тяжело груженных судов с провизией, солидных торговых судов. На плоском пляже и вдоль поросших лесом берегов возвышались огромные склады и ряды прекрасных новых корабельных сараев. Перед ними были сложены богатые товары; ряды крытых повозок стояли в ожидании. Повсюду были оживленные толпы торговцев, моряков и рабов. Его взгляд загорался, когда он переходил от точки к точке.

- Похоже, северяне - нечто большее, чем пираты, - задумчиво произнес он.

"Похоже, твоя речь - нечто большее, чем свобода", - недовольно сказал Сигурд.

Элвин понял, что так оно и было, и объяснил: "Я просто говорил о вас так, как говорят южане, которые никогда не видели своей страны. Я искренне говорю вам, что после Англии я считаю Норвегию самой прекрасной страной в мире".

Сигурд присоединился к нам, к нему вернулось хорошее настроение. "Я не буду ссориться с тобой из-за этого исключения. А вон там Вальбранд, только что сошедший на берег, у переднего трапа. Иди и сделай с ним свое поручение, а потом мы сходим на тот пирс и посмотрим, из-за чего собралась толпа, что заставило их так кричать.

Достопримечательностью оказалась болтливая коричневая обезьяна, которую какой-то моряк привез домой с Востока. Часть зрителей смотрела на него как на странного языческого бога; часть верила, что это несчастное существо, искалеченное колдовством; а остальные приняли его за дьявола в его собственном обличье, — поэтому раздавались громкие вопли и разбегались, куда бы оно ни поворачивало свое уродливое лицо. Случилось так, что Сигурд был осведомлен лучше, поскольку видел похожий экземпляр, которого держали в качестве домашнего любимца при дворе нормандского герцога; так что ужас остальных сильно позабавил его и его спутника. Они оставались до тех пор, пока существо не положило конец представлению, вырвавшись от своего похитителя и укрывшись в снастях.

Этот пляж в целом был очаровательным местом, и от него было трудно уйти. Почти каждый корабль привозил из своего путешествия какого-нибудь зверя, птицу или рыбу, настолько диковинную, что мимо нее невозможно было пройти. Наступили сумерки, когда пара свернула в холмы.

Между деревьями виднелись красные отблески лагерных костров. Сквозь сгущающиеся сумерки доносились приятные запахи жареной рыбы и запекающейся свинины, время от времени с легким привкусом чеснока. Элвин с внезапным волнением повернулся к своему спутнику.

"Вполне вероятно, что Лейф уже здесь!"

Сигурд рассмеялся. - Как ты думаешь, разумно ли мне залезть на дерево?

Они вышли из тени на свет прыгающего пламени. По другую сторону длинного костра мужчины возились с сочащимися медвежьими бифштексами и наполовину ошипанной птицей; в то время как другие склонились над дымящимся котлом или помешивали мед в большом чане. На ближней стороне, окруженный рослыми фигурами, чернеющими на фоне отблесков костра, непринужденно сидел вождь. Мерцающий свет осветил его бронзовое орлиное лицо и роскошный, расшитый золотом плащ. У его локтя ждал Хельга Прекрасный со своим рогом для питья. Тайкер маячил у него за спиной, прикасаясь то к его волосам, то к широким плечам с трепетной любовью старика. Все благоговейно слушали его быстрый, лаконичный рассказ.

Веселая беспечность Сигурда слетела с него. Он двинулся вперед с галантным видом, который так шел к его красивой фигуре. - Здравия желаю и приветствую тебя, приемный отец! - произнес он своим чистым голосом. - Я вернулся к тебе, изгой, ищущий убежища.

От ужаса Хельга расплескала эль. Старый немец начал нервно теребить бороду. Головы, повернувшиеся к Сигурду, выжидающе повернулись обратно.

Не у одного человека упало сердце, когда стало видно, что вождь не протянул руки и не двинулся со своего места. Красноречивый и добросердечный, сын ярла был всеми любим. Последовала долгая пауза, в течение которой не было слышно ни звука, кроме потрескивания пламени и громкого потрескивания жира.

Наконец Лейф строго сказал: "Ты мой приемный сын, и я люблю твоего отца больше, чем кого-либо другого, родственник он мне или нет; и все же я не могу предложить тебе руку и сердце, пока не узнаю, в чем ты нарушил закон".

В наступившей затаившей дыхание тишине Сигурд ответил с совершенным самообладанием: "Этого следовало ожидать от Лейфа Эрикссона. Я не хотел бы, чтобы было иначе. С моей стороны все будет без обмана".

Он скрестил руки на груди и, непринужденно стоя перед судьей, рассказал свою историю. "На играх прошлой осенью случилось так, что я бил по воротам Ялмара Оддссона до тех пор, пока он не был вынужден признать себя побежденным; и за это он пожелал мне удачи. Когда этой весной в моем районе проходило Собрание, он приезжал туда и трижды пытался разозлить меня, чтобы я забыл, что Равнина Собраний - священная земля. В первый раз он легкомысленно отозвался о моем мастерстве, но я подумал, что это шутка, поскольку для него это оказалось чересчур. Во второй раз он пренебрежительно отозвался о моей храбрости, сказав, что причина, по которой я не отправился на корабле викингов моего отца этой весной, заключалась в том, что я привык бояться в бою. Теперь все видели, что я хочу уехать. Я провел зиму в Нормандии, но вернулся на первом же корабле, чтобы войти в команду моего отца. Не я виноват в том, что мой корабль заблудился в тумане и доставил меня сюда только после отплытия ярла. Меня разозлило, что обо мне говорят такую клевету. И все же, помня, что люди на Равнине Ассамблеи свято чтут мир, я сумел отклонить этот вопрос в сторону. В третий раз он встал у меня на пути и начал злословить о моем друге, человеке, с которым мы поклялись в кровном братстве. Я забыл, где мы стоим и что такое закон, и я выхватил свой меч и прыгнул на него; и, вероятно, дневной свет проник бы сквозь него, если бы у него не было спрятанных друзей, которые выбежали, схватили меня и потащили к служителю закона. Увидев меня с обнаженным мечом, он без вопросов понял, что я нарушил закон; поэтому, не обращая внимания на мои доводы, он вынес мне приговор, изгнав меня из моего округа на три сезона. Мой отец и мои

родственники отправились в путешествие викингов; я не могу поступить на службу к королю Олаву и не буду служить под началом человека ниже меня. Мне было нелегко понять, куда идти, пока я не подумал о тебе, Лейф Эрикссон. Это ты научил меня, что "Тот, кто холоден, защищая друга, будет холоден до тех пор, пока правит Хель". У меня нет ни малейшего страха, что ты отошлешь меня прочь".

Он закончил так же спокойно, как и начал, и замер в ожидании. Но ненадолго. Лист поднялся со своего места, окинув круг пронизательным взглядом. "Вполне вероятно, - мрачно сказал он, - что кто-то сказал вам, что можно ожидать неблагоприятного ответа, потому что я боялся потерять расположение короля Олафа. Ты правильно сделал, что доверился моей дружбе, приемный сын. Он протянул руку, редкий блеск удовольствия осветил его глубоко посаженные глаза. "Ты хорошо поступил со своим другом, Сигурдом Харальдссоном; в этом деле для тебя самое большое оправдание. Я приветствую тебя и предлагаю тебе долю во всем, чем владею. Если это твой выбор, ты вернешься со мной в Браттахлид, и мой дом будет твоим домом на любое время, какое ты пожелаешь".

Сигурд поблагодарил его с теплотой и достоинством. Затем в уголках его красивых губ заиграла озорная искорка; по моде французского двора он склонился над мускулистой протянутой рукой и поцеловал ее.

По группе пронесся ропот изумления и веселья. Сам Лейф коротко рассмеялся и отдернул руку.

"Впервые в жизни мой кулак приняли за девичьи губы. Остается надеяться, что это не самое полезное достижение, которое вы привезли из Франции. А теперь иди и испробуй свои прекрасные манеры на Хельге, если не боишься за свои уши. Я хочу поговорить с этим рабом.

Но сейчас у Хельги не хватило духу отомстить за приветствие. Она склонилась над огнем, рассеянно глядя на тлеющие угли; жар придавал румянец ее нежному лицу, свет превращал ее волосы в чудесную золотую паутину. Она посмотрела на Сигурда, слегка нахмурившись, затем снова опустила подбородок на руки и забыла о нем.

Элвин подошел и встал перед креслом вождя, там, где только что стоял молодой викинг. Он не был такой уж живописной фигурой со своей остриженной головой и в белом одеянии раба; но он стоял прямой и гибкий в своей молодой силе, его голова была надменно поднята, глаза блестели и бесстрашничали, как у молодого сокола.

Лейф задал свои вопросы. - Как тебя зовут?

- Меня зовут Элвин, сын Эдмунда ярла.

- Рожденный ярлом? Тогда, вероятно, ты умеешь обращаться с мечом?

- Немало ваших людей могут засвидетельствовать это.

Заговорил Рольф со своей спокойной улыбкой. "Мальчик говорит правду. Можно было бы подумать, что с самого своего рождения он не пил ничего, кроме драконьей крови.

"И что?" - сухо спросил Лейф. "Возможно, я должен быть благодарен, что моих людей не разорвали на куски. Но эти достижения ничего не значат; никто здесь ими не обладает. Ты

должен совершить нечто, что я считаю более важным, или я продам тебя и куплю человека-раба, обученного работать. Кажется, ты умеешь читать руны: можешь ли ты также написать их?"

Во вспышке памяти Элвин снова увидел келью брата Амброуза и свое непокорное "я", трудящееся за письменным столом; и он удивился, что в этом далеком месте и в такое время этот тяжелый труд оказался ему полезен.

"В какой-то малой степени я могу", - ответил он. - Я научился этому в детстве, но прошлым летом на молочной ферме Джилли из Трондхьема я практиковался на овечьих шкурах...

"Джилли из Трондхьема?" Повторил Лейф. Он внезапно выпрямился и бросил взгляд на лежащую без сознания Хельгу; и старый немец, выглядывавший из тени позади него, сделал то же самое.

Элвин с удивлением посмотрел на них. - Да, Джилли-торговец, которого люди называют Богатым. Именно он первым взял меня в плен.

Вождь долго сидел, задумчиво теребя свои желтые усы. Тайркер наклонился и что-то прошептал ему на ухо, и он медленно кивнул, еще раз взглянув на Хельгу.

"Если бы не это, я бы никогда не подумал о нем, и все же это, безусловно, один из выходов из положения".

Внезапно он сделал движение рукой, так что круг отступил за пределы слышимости. Он повернулся и устремил свой пронзительный взгляд на раба, как будто хотел прощупать его мозг.

- Я прошу вас рассказать мне, что за человек этот Джилли?

Случилось так, что Элвин не просил ничего лучшего, как дать ему шанс освободить свой разум. Он немедленно ответил: "Джилли из Трондхьема - недалекий человек, который приобрел огромное богатство и настолько жаден до собственности, что отдал бы ногти со своих рук и язык из головы, чтобы заполучить ее. Он властный грубиян".

Взгляд Листа бросал ему вызов, но он не отступил.

"Итак!" - отрывисто произнес вождь; затем добавил: "Мне точно сказали, что его жена - доброжелательная женщина".

"Я ничего не говорю против этого", - согласился Элвин. "Она из Англии, где женщин учат вести себя мягко".

Его хвалебная речь была прервана восклицанием старого немца. "Donnerwetter! Это правда! Она была английской пленницей. Может быть, она тоже понимает их руны?"

Решив, что этот вопрос адресован ему, Элвин ответил, что знает, что она понимает их, поскольку слышала, как она читала из книги саксонских молитв.

Тайркер благоговейно закатил глаза. - Само Небо распорядилось так для девы-воительницы! Видишь, сын мой? Этот юноша умеет рисовать руны, она умеет их читать; так что ты можешь поговорить с ней так, чтобы об этом не узнал отец".

"Принеси факелы в спальню", - крикнул Лейф, поспешно вставая. "Вальбранд, возьми свою лошадь и оседлай ее. Ты, англичанин, возьми кору и наконечник для стрелы или что-нибудь еще, что пригодится для написания рун, и следуй за мной.

Что происходило за бревенчатыми стенами, никто не знал. Когда все было кончено и Вальбранд ускорился в темноте, Рольф разыскал писца и мягко дал ему понять, что ему это интересно. Но Элвин только бросил неуверенный взгляд через костер на Хельгу и попросил его поговорить о чем-нибудь другом.

Ближе к вечеру следующего дня Вальбранд вернулся на своем измученном коне, перепачканном грязью, и надолго заперся с Лейфом и старым немцем. Но никто не слышал, что произошло между ними.

ГЛАВА X

КОРОЛЕВСКАЯ КРОВЬ АЛЬФРЕДА

Клеймо горит от клейма,
пока не догорит;
Огонь разгорается от огня.
Человека с человеком
узнают по речи,
А дурака - по его застенчивому молчанию.
Хавама'л

Отважный, с развевающимся вымпелом, расшитым льном и сверкающей позолотой, под радостные возгласы, молитвы и крики прощания, на третий день "Морской олень" отплыл в Гренландию.

Вновь одетый с головы до ног в алый костюм, подаренный королем Олавом, Лейф стоял на корме у большого рулевого весла. Ветер развеивал его длинные волосы золотым знаменем. Солнце отбрасывало отблески своих копий на его позолоченный шлем. На груди сияло серебряное распятие, которое было прощальным подарком Олафа. Его рука все еще была теплой от пожатия его короля; никакой холод в его сердце не предупредил его, что эти руки встретились в последний раз, у него не было мысли о том, что он в последний раз смотрел в

благородное лицо, которое любил. Глядя на бурлящие голубые волны, он с ликованием думал о том времени, когда он приплывет обратно с выполненной задачей и получит благодарность своего Короля.

Смело и весело маленький кораблик отделился от суши и отправился в свой путь. Каждый человек сидел на своем месте на гребных скамьях; все крепко держались за весла. Усыпанные кристаллами и сверкающие на солнце, полированные лезвия поднимались и опускались, когда "Морской олень" рванулся вперед. Для тех, кто находился на ее палубах, масса алых плащей на пирсе слилась в пятно пламени, а затем превратилась в огненную точку. Солнечная равнина города и зеленый склон лагеря уменьшились и поблекли; высокие утесы сомкнулись вокруг и скрыли их от глаз гребцов.

Покинув широкий изгиб фиорда, они вскоре вошли в узкий рукав, который тянулся от моря, словно серебристая дорожка между гигантскими стенами. Выйдя вместе с приливом, они достигли океана. Соленый ветер ударил им в лица; белоснежный парус сделал долгий радостный вдох и раздулся с трепетом ликования, и мир вод сомкнулся вокруг их маленького суденышка.

Это был прекрасный мир, полный изменчивого очарования красок и движения, радости солнца и ветра; но Элвин находил этот мир утомительно занятым для себя. Поскольку он не был нужен за веслами, ему поручили самую разную рутинную работу на корабле. Он убирал палубы, управлялся с черпаком для вычерпывания воды и нес долгие утомительные вахты. Ночью он помогал устанавливать палатки на палубах судна, а утром убирать огромное полотнище. Он молот зерно для голодной команды и наполнял большой чан с медом, который стоял перед мачтой, чтобы товарищи могли пить из него. Он готовил еду, носил ее по кругу и снова убирал остатки. Он был на побегушках у сорока грубых голосов; он был единственным воланом среди восьмидесяти мускулистых бойцов.

Это был мирный мир, возбуждаемый не большим волнением, чем вид далекого паруса или тайна едва видимого берега; и все же Элвин обнаружил, что в нем может происходить всякое. На второй день пленник, рожденный графом, впервые вступил в прямой контакт с рожденным в рабстве Карком.

Карк не был почтителен даже по отношению к своему начальству; в его грубости едва хватало осмотрительности, чтобы не обидеть его. Среди людей своего положения он обходился даже без осмотрительности. И он недружелюбно смотрел на Элвина с тех пор, как Лейф впервые проявил интерес к его английской собственности.

Часто бывает так, что вся суша земли оказывается слишком маленькой, чтобы мирно вместить двух непохожих друг на друга духов. Тогда можно себе представить, как обстояли дела, когда две такие противоположности были ограничены несколькими сотнями с лишним футов древесины посреди океана.

"Эй, ты, поваренок!" Грубый голос Карка донесся из подсобки, где работал Элвин. - Быстро пройди вперед и вытри пиво, которое Вальбранд пролил на его скамейку.

На мгновение глаза Элвина широко раскрылись от изумления; затем они превратились в две угрожающие щелочки, и сама его одежда оцетинилась от высокомерия. Он вообще не удостоил меня ответом.

Пауза, и Карк пошел на его голос. - Что теперь, ты, детеныш ленивого мастифа! Я же сказал тебе, быстро; пиво попадет ему на одежду.

С непоколебимым спокойствием Элвин продолжал шлифовать. Только после четвертого раунда он холодно сказал: "Это сэкономило бы время, если бы вы сделали свою работу сами".

Карк ахнул от изумления. Это ему, рожденному рабом сыну вольного управляющего Эрика, который держал в руках кнут над всеми рабами в Браттахлиде! Его фарфорово-голубые глаза злобно сверкнули.

- Хозяину "Лейфа Эрикссона" не пристало выполнять грязную работу за иностранного щенка. Если у тебя есть амбиции стать чем—то большим, чем...

Его прервал звук приближающегося грома. Вальбранд спустился к ним, его новая туника промокла насквозь, шрамы на избитом старом лице были багрово-красными.

"Вероятно ли, что я буду ждать весь день, пока двое рабов ссорятся из-за старшинства?" он взревел. "Побери меня тролль, если я не отправлю одного из вас в Ран до окончания путешествия! Уходите немедленно ..."

- Я точу клинок Листа, - вмешался Карк; он действительно вытащил из-за пояса нож и точильный камень. "Мне не подобает оставлять работу шефа ради другого задания".

Аргумент был неопровержимым. Гнев рулевого, естественно, вернулся к невезучему мастеру на все руки.

- Тогда ты, праздный пес, вот ты кто! Что тебя удерживает? Ты бы хотел, чтобы он присматривал за Лейфом и заодно выполнял твою работу? Ты можешь выбрать одно из двух условий: немедленно уйти или пусть твою спину порежут на ленточки".

Если бы он этого не добавил, вполне возможно, что Элвин подчинился бы; но уступить перед лицом угрозы было слишком низко для его непреклонной гордости. Урожденный граф надменно ответил: "Будь по—твоему, а я буду по-своему".

Если у него и была хоть малейшая мысль, что они не зайдут так далеко, то она быстро вылетела у него из головы. Мгновение борьбы и замешательства - и он обнаружил, что раздет по пояс, его руки привязаны к мачте, а над ним стоит человек с завязанным ремнем из моржовой шкуры. Все яростное красноречие Сигурда не могло сдержать шквал тошнотворных ударов.

С другой стороны, если у них было представление, что упрямство их жертвы уйдет вместе с кровью, они также ошибались. Выступили красные капли, но никаких признаков ослабления. Наконец, когда гнев Вальбранда утих, он приказал освободить его.

"То же самое постигнет и тебя, если ты снова ослушаешься меня", - вот и все, что он сказал.

Раздетый и окровавленный, с головокружением от боли и ослепший от ярости, Элвин, пошатываясь, двинулся вперед, ухватился за Сигурда, чтобы не упасть, и неуверенно огляделся по сторонам. Когда он нашел то, что искал, его разум прояснился, как молния в туманную ночь. С хриплым криком он схватил обломок сломанного весла и ударил Карка по голове так, что тот оглушенный рухнул на палубу, его бесцветное лицо покраснело от крови.

- Во имя Тролля! - выругался Вальбранд после секундного оцепенения.

Элвин сквозь зубы рассмеялся над отчаянным взглядом Сигурда и ждал, что вот-вот почувствует нож рулевого у себя под ребрами. Вместо этого его потащили на корму, где на палубе рядом с рулевым веслом сидел вождь.

Лейф был погружен в консультации со своим проницательным старым приемным отцом. Не прекращая своих рассуждений, он бросил нетерпеливый взгляд через плечо; когда взгляд упал на окровавленного молодого безумца, он резко повернулся лицом к группе.

Элвин был в настроении терпеть пытку с улыбкой. Чем более возмутительным изображал его Вальбранн, тем больше он был доволен. Лейф никак не прокомментировал это, но сидел, теребя свои длинные усы и разглядывая их из-под кустистых бровей.

Когда рулевой закончил, он спросил: "Карк убит?"

Оглянувшись, Вальбранд увидел, что лучник сел и ощупывает свои раны. "Если не считать шишки на голове, я не думаю, что ему хуже, чем раньше", - ответил он.

"Итак", - сказал Лейф с явным облегчением. "Тогда не стоит много говорить. Если бы его убили, его отец воспринял бы это плохо; и это вызвало бы недовольство Эрика и помешало бы моей миссии. Мне пришлось бы убить этого мальчика, чтобы удовлетворить их. Сейчас это не имеет большого значения".

Он резко выпрямился и отмахнулся от них.

"Что еще можно с этим сделать?" добавил он. "Этот парень был наказан, и Карк получил один из многих ударов, которых заслуживает его наглость. Давайте закончим этот разговор, только проследите, чтобы они не поубивали друг друга. Я не хочу больше терять собственность". Он жестом отослал их и снова повернулся к Тайкеру.

Но дело было не только в этом. Что—то - резкость Лейфа или прикосновение руки Вальбранда к его обнаженному плечу — вновь пробудило безумие Элвина. Страхнув с себя эту руку, отбиваясь от нее, он обнес бородой самого вождя.

- Я убью его, если он еще когда-нибудь тявкнет на меня своей дворняжкой. Ты слеп и простодушен, если думаешь, что человек графского происхождения путается под ногами у мужлана. Ты дурак, если заставляешь опытного человека делать то, что мог бы сделать любой простак. Я не потерплю твоей глупости. Я убью пса при первом же удобном случае. Он закончил, задыхаясь и дрожа от страсти.

Вальбранд застыл в ужасе. Брови Лейфа опустились так низко, что из его глаз не было видно ничего, кроме двух огненных искр. Элвина охватил тот же трепет, который он испытал, когда острие меча торговца укололо его в грудь.

Однако молния не ударила. Элвин изумленно поднял глаза. Пока он смотрел, в лице вождя произошла неуловимая перемена. Постепенно он перестал быть мрачным куртуазным викингом: постепенно он превратился в дворянина, величие которого менестрели воспевали в своих песнях, а король отзывался о нем с похвалой. Казалось, вокруг них воцарилась тишина. Элвин почувствовал, как остывает и угасает его гнев.

Через некоторое время Лейф сказал со спокойствием совершенного превосходства:

"Возможно, я обошелся с тобой не так благородно, как ты того заслуживаешь. И все же, что я должен думать об этих твоих словах? Неужели в твоей стране человек, рожденный ярлом, с достижениями обращается к своему господину подобным образом?"

Для грубоватого старого рулевого, для похожего на быка Олвера, для полудюжины других людей, которые это слышали, перемена была непостижимой. Они устали на своего хозяина, потом друг на друга и, наконец, отказались от этого как от прихоти, выходящей за рамки их понимания. Возможно, Листу было любопытно посмотреть, будет ли это непонятно и Элвину. Он сидел, пристально наблюдая за ним.

Глаза Элвина опустились перед глазами его учителя. Величественное спокойствие, благородная сдержанность были подобны голосам из его прошлого. Они вызвали воспоминания о его принцессе-матери, о ее воспитании, о достоинстве, которое всегда окружало ее. Внезапно он увидел, как будто впервые, грубость окружающей его жизни и осознал, насколько она огрубила его. Тусклый румянец залил его лицо. Медленно, как человек, нащупывающий полузабытую привычку, он преклонил колено перед оскорбленным вождем. Бессознательно, впервые за все время своего рабства, он дал северянину титул, который саксонец использует по отношению к своему начальнику.

"Господи, ты прав, считая меня невоспитанным. Я был вне себя от гнева и не взвешивал свои слова. Я ничего не скажу против, если ты будешь обращаться со мной как с деревенщиной".

Для остальных это тоже было необъяснимо. Они почесали в затылках, почесали уши и устали друг на друга. Поймав их взгляды, Лейф мрачно улыбнулся. Достав из кошелька серебряное кольцо, он бросил его Вальбранду.

- Отнеси это Карку, чтобы заплатить ему за разбитую голову, и посоветуй ему в будущем поменьше шуметь ртом. Когда они ушли, он повернулся к Элвину и сделал ему знак подняться. "Ты понимаешь язык, которого не понимают черлы. Я попробую тебя еще раз. Иди, оденься, а потом принеси сюда руны, которые ты читал Рольфу Эрлингссону.

Элвин молча повиновался, в его мозгу вихрем проносились давно не проявлявшиеся эмоции: облегчение, стыд и удовлетворение, а под всем этим - новорожденная преданность.

Весь остаток дня, пока солнце красным шаром не скрылось за волнами, он сидел у ног вождя и читал ему из саксонской книги. Он читал сбивчиво, запинаясь, но его не винули за его промахи. Его слушатель жадно хватался за смысл, выявлял их недостатки своим острым умом и прикрывал их наготу своим живым воображением. Теперь его широкая грудь вздымалась от страсти, а сильная рука сжимала рукоять меча; теперь он перекрестился и вздохнул, и снова его глаза сверкнули, как откованная сталь. Когда, наконец, угасающий свет заставил Элвина отложить книгу, вождь долго сидел, глядя на него пронизательным, но отсутствующим взглядом.

Через некоторое время он сказал, как будто разговаривая сам с собой: "Я верю, что сами Небеса послали тебя ко мне, чтобы я мог укрепляться и вдохновляться в своей работе". Его лицо озарилось благочестивым восторгом. "Должно быть, под руководством Небес ты был обучен столь необычному навыку. Это была рука Божья, которая привела тебя сюда, чтобы ты стал инструментом в великом деле".

Элвина охватил благоговейный трепет и дрожь суеверия, почти ужаса. Он склонил голову и перекрестился.

Но когда он поднял глаза, нить оборвалась; Лейф снова был самим собой. Он смотрел на мальчика критически, хотя и с новым оттенком чего-то похожего на уважение.

Он резко сказал: "Не совсем подобает тому, кто обладает достижениями святого жреца, ходить в одежде раба низкого происхождения. Какого цвета одежда, которую носят священники в Англии?"

Элвин ответил, удивляясь: "Они носят черные одежды, господин. Именно по этой причине их называют Черными монахами".

Поднявшись, Лейф поманил Вальбрана к себе. Когда рулевой встал перед ним, он сказал: "Отнеси этого мальчика ко мне на сундук и одень его с головы до ног в черную одежду хорошего качества. И впредь пусть все понимают, что он - мой достопочтенный бауэрмен, человек с хорошим воспитанием и достижениями".

Старый прихвостень смотрел на нового фаворита так же бесстрастно, как смотрел бы на оружие или собаку, пришедшую по вкусу его хозяину. - Я бы не стал противиться вашей воле в этом, как и в других вещах; и все же я беру на себя смелость напомнить вам о Карке. Если вы сделаете этого мальчика-повара своим дворецким, то, чтобы уравновесить чаши весов, вы должны превратить того, кто был вашим дворецким, в мальчика-повара. По-моему, отец Карка воспримет это так же болезненно, как—

Взмах руки Листа убрал Карка с пути его воли. "Кто это такой, чтобы приказывать мне, как я должен выбирать своих слуг? Судьба сделала Карка мальчиком-поваром, когда он родился; пусть возвращается туда, где ему место. Я достаточно долго терпел его хамство. Должен ли я презирать инструмент, посланный мне Небом, потому что болван у моих ног завидует? Какую удачу это может принести?"

Убежденный или нет, Вальбранда заставили замолчать. "Пусть будет так, как ты пожелаешь", - пробормотал он.

Элвин упал на колени и, не осмеливаясь поцеловать руку вождя, поднес к губам край алого плаща.

- Господи, - искренне произнес он; затем остановился, потому что не мог найти слов, чтобы выразить свою благодарность. - Господи— - начал он снова и снова был в растерянности. Наконец он закончил прямо: "Господь, я буду служить тебе так, как может служить только человек, все сердце которого отдано своей работе".

ГЛАВА XI

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ШРАМА

Корабль создан для плавания,
щит - для укрытия,
меч - для нанесения ударов,
девушка - для поцелуев.
Хавама'л

- Когда завтра взойдет солнце, вполне вероятно, что мы увидим впереди Гренландию, - проворчал Эгиль.

Вместе с Сигурдом и Борцом он прислонился к борту, наблюдая, как ведьмины огни бегут по волнам в темноте. Новый сторож беседки стоял рядом с Сигурдом, но нельзя было сказать, что Эгиль был с ним, потому что эти двое разговаривали только по крайней необходимости. Вокруг них, под навесами, в свете пылающих сосновых факелов, команда, растянувшись на скамейках для гребли, убивала время выпивкой и загадками.

"Мне кажется, что мое сердце возрадуется, увидев это", - ответил Сигурд. "Когда я думаю об этом, я вспоминаю большое веселье в Гренландии. Между мужчинами Восточного и Западного поселений проходили великолепные поединки по борьбе. А ты помнишь, какие великолепные пиры обычно устраивал Эрик?"

Рольф нежно причмокнул губами и сложил руки на животе. - Конечно. И вспомни также охоту на тюленей и охоту на оленей!"

Глаза Сигурда заблестели. - О Гренландии можно сказать много хорошего. В мире нет такого прекрасного места, по которому можно было бы пробежаться на лыжах. Клянусь святым Михаилом, я буду рад попасть туда! Он ободряюще ударил Эгиля по угрюмому горбу на плечах.

Черный продолжал неподвижно смотреть в темноту, подперев подбородок кулаками.

"Уф! Да. Весьма вероятно", - проворчал он. "Очень вероятно, что для вас это будет чистое плавание, но я верю, что некоторые из нас попадут в шквал, когда покинут Лейф и разойдутся по своим домам, и нашим сородичам станет известно, что мы больше не люди Одина. Вполне вероятно, что мой отец воткнет в меня свой нож".

Наступила пауза, пока они переваривали сказанное; пока Рольф не разрядил напряжение, тихо сказав: "Говори за себя, товарищ. Мой родственник не такой дурак. Он побывал в слишком многих торговых путешествиях среди христиан. Он уже крещен в обеих верах; так что, когда Тор

не помогает ему, он обычно молится богу христиан. Таким образом, он в безопасности в любом случае; и немало гренландских вождей придерживаются его мнения".

Раздался веселый смех Сигурда. - Вот это значит носить плащ с обеих сторон, в зависимости от погоды! Если бы только Эрик был так настроен...

- Эрик правит Гренландией? Перебил Элвин. Все это время он переводил взгляд с одного на другого, внимательно слушая.

Два сына вождей Гренландии ответили "Нет!" на одном дыхании. Сигурд вопросительно поднял брови.

— Я признаю, что он не является номинальным правителем Гренландии, поскольку она республика, но фактически...?

Они позволили ему продолжать без возражений.

- Так оно и есть, Элвин. Эрик Рыжий был первым, кто поселился в Гренландии, следовательно, ему принадлежит большая часть земли. Помимо Браттахлида, он владеет многими рыболовными станциями; и у него также есть станции на нескольких островах, где мужчины собирают для него икру и добывают дрова, которые там есть. И он не только самый богатый человек, но и самого высокого происхождения, потому что отец его отца был ярлом Джедерана; и поэтому...

Следует опасаться, что Элвин потерял часть этого. Внезапно он вмешался: "Теперь я знаю, где я слышал имя Эрика Рыжего! Это преследовало меня несколько дней. В лавке торговца в Норвегии менестрель спел балладу "Эрик Рыжий и его проклятый гномами меч". Знаешь ты об этом?

Ему ответили невольные взгляды, которые остальные бросали в сторону вождя.

Рольф сказал, пожав плечами: "Это болтовня служанок. Вряд ли нужно говорить, что гном проклял меч Эрика, чтобы объяснить, как получилось, что его трижды ссылали за непредумышленное убийство и гнали из Норвегии в Исландию и из Исландии в Гренландию. Он ссорился и убивал везде, где поселялся, потому что у него нрав, как у дракона Фафнира.

Легкий румянец окрасил смуглые щеки Эгиля. "Тем не менее, сбылось пророчество Скроппы, - пробормотал он, - что после того, как клинок будет вложен в ножны в новой земле Гренландии, он больше не принесет несчастий".

- Скроппа! - закричал Элвин. Но продолжения он не добился, потому что рука Сигурда зажала ему рот.

- Говори тише, когда произносишь это имя, товарищ, - предупредил его Красноречивый.

- Не говори на нем вообще, - резко перебил Эгиль. - Англичанка идет на корму. Вероятно, она привезла какое-то послание от Хельги.

Они нетерпеливо оглядывались по сторонам. Гладкая каштановая головка Эдиты действительно была видна, пробираясь между шумными группами. Они согласились, что пришло время услышать что-нибудь от девы-воительницы. С ее стороны воспользоваться своей

женственностью, превратить кубрик в женский дом и запретить им приближаться было чем-то неслыханным и возмутительным.

- Мы поступим с ней так, как она того заслуживает, если откажемся уйти сейчас, когда она посылает за нами, - прорычал Эгил, хотя и без явного намерения привести угрозу в исполнение.

К крайнему изумлению своих товарищей, Сигурд начал приводить в порядок свои украшения и приводить в порядок свои длинные локоны.

"Возможно, она принимает мое приглашение сыграть в шахматы. Лейф долго разговаривал с ней сегодня днем; вероятно, он вывел ее из мрачного настроения".

- Вполне вероятно, что он разбудил ее, - медленно произнес Элвин.

В его голосе было что-то настолько необычное, что все обернулись и посмотрели на него. Он внезапно сильно покраснел и почувствовал себя неловко.

"Похоже, что каждый может предвидеть в определенные моменты", - сказал он, пытаясь улыбнуться. "Теперь мой разум подсказывает мне, что вызов будет адресован мне".

- Для тебя! Брови Эгиля превратились в две черные грозовые тучи, из-под которых его глаза метали молнии в раба.

Элвин разразился беспомощным смехом. - Тебе нет нужды злиться. Я скорее утону, чем уйду.

Настала очередь Сигурда обидеться. - Я был лучшего мнения о тебе, Элвин из Англии, чем предполагать, что ты будешь лелеять ненависть к женщине, которая предложила стать твоим другом.

- Ненависть? На мгновение Элвин не понял его; затем он добавил: "Клянусь Святым Георгием, это так! Я совершенно забыл, что намеревался ненавидеть ее!" Клянусь тебе, Сигурд, я не думал об этом последние две недели.

- Что заставляет меня подозревать, что вы очень напряженно думали о чем-то другом, - предположил Рольф.

Но Элвин сжал губы и не сводил глаз с приближающейся фигуры Эдиты.

Маленькая служанка подошла к ним, сделала самый грациозный реверанс, на какой только была способна при качке судна, и робко сказала: "Если вам угодно, милорд Элвин, моя госпожа желает немедленно поговорить с вами".

"Слава пророку!" - рассмеялся Сигурд, делая вид, что ерошит локоны, которые он так тщательно пригладил.

"Теперь дай Бог, чтобы я оказался лжепророком в остальных своих предсказаниях", - пробормотал себе под нос Элвин, следуя за девушкой вперед. "Если меня заставят сказать ей правду, я думаю, что, скорее всего, она выцарапает мне глаза".

Она не выглядела опасной, когда он подошел к ней. Она сидела на маленьком табурете, спокойно сложив руки на коленях, и на ее прекрасном лице застыло ошеломленное выражение человека, услышавшего потрясающую новость. Но ее первый вопрос попал прямо в цель.

"Лейф сказал мне, что Джилли и Берта из Трондхьема - мои отец и мать. Он говорит, что вы видели их и знаете. Расскажи мне, на что они похожи.

Это было мгновенное погружение в очень глубокую воду. Элвин ахнул. "Леди, можно многое сказать по этому поводу. Возможно, я не очень хорошо разбираюсь в этом".

Он был рад остановиться, взять предложенный Эдитой табурет и немного посидеть, устраиваясь на нем, но это не могло продолжаться долго.

"Берта Трондхьемская - очень красивая женщина", - начал он. "Легко поверить, что она твоя мать. К тому же она нежная и добросердечная...

Плечи Хельги презрительно дернулись. - Она, должно быть, трусиха. Избавиться от своего ребенка только потому, что так приказал мужчина! Ты слышал это? Потому что, когда я родился, какая-то лживая ведьма притворилась, что прочитала по звездам, что однажды я стану несчастьем для своего отца, и он приказал вышвырнуть меня вон — на съедение волкам или нищим. И моя мать отвезла меня к Эрику, родственнику Джилли, и обязала его хранить это в секрете. Она трусиха.

"Следует помнить, что она была пленницей Джилли", - напомнил Элвин деве-воительнице. — Даже норвежские жены иногда...

- Она трусиха. Расскажи мне о Джилли. По крайней мере, он не безмозглый. Какой он?

Снова глубокая вода. Элвин пошевелился на сиденье и потерял серебряный шнурок на фуражке. Теперь он был одет великолепно. В гардеробе Лефа не было ничего черного, что было бы к тому же простым, поэтому длинные штаны лучника были из шелка, туника расшита серебром, пояс украшен стальными застёжками, плащ подбит тонким серым мехом.

- Леди, - пробормотал он, - как я уже сказал, возможно, я несправедливый судья. Джилли плохо обращалась со мной. Однако я слышал, что он очень добр к своей жене. Вполне вероятно, что он подарил бы вам дорогие вещи...

Хельга топнула ногой по палубе. - Какое мне до этого дело?

Он знал, как мало ее это волновало. Он отказался от дальнейших попыток дипломатии.

Но ее следующие слова дали ему передышку. - Что за сообщение ты написал моей матери для Лейфа?

- Думаю, я могу вспомнить точные слова, - с готовностью ответил он. - мне стоило большого труда произнести их по буквам. После приветствия было написано следующее: "Ты помнишь девочку, которую ты отправил Эрику? Она здесь, в Норвегии, со мной. Она хорошо выросла и красива. Я возвращаюсь на второй день после этого. Для нее будет большим горем, если ей тоже придется уехать. Если бы ее отец мог увидеть ее, то, вероятно, он был бы готов предоставить ей дом в Норвегии. Ради этого стоило бы даже проделать весь путь до Гренландии. Несомненно, Джилли подумала бы так же, если бы вы смогли устроить так, чтобы он увидел ее. " Я думаю, это было все, леди".

- Если Джилли такой, каким я его подозреваю, этого более чем достаточно, - медленно произнесла Хельга. Она подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза. "Ответь мне вот что, —

ты знаешь и должен сказать, — он благородный воин, как Лейф, или он любящий деньги торговец?"

- Леди, - в отчаянии сказал Элвин, - если хотите знать правду, он подлый мужлан, который думает, что единственное, что есть в мире, - это иметь собственность.

Хельга глубоко вздохнула, и ее тонкие руки сжались на коленях. - Теперь я нашла то, что подозревала. Ответь также честно и на этот вопрос: если я вернусь к нему, разве маловероятно, что он выдаст меня замуж за первое существо, которое предложит заключить с ним выгодную сделку?"

- Да, - сказал Элвин.

В течение нескольких дней он наблюдал за ней с неловкой жалостью, и всякий раз, когда мысленным взором он видел ее во власти недобросовестного торговца, ему становилось не по себе от мысли, что он был инструментом, который все это устроил, хотя он знал, что был так же невинен, как кора, на которой он написал.

Капля за каплей кровь отхлынула от лица Хельги. Искра за искрой гас свет в ее глазах. Как бедное животное, попавшее в ловушку, она сидела, тупо уставившись перед собой.

Это было больше, чем Элвин мог вынести молча. Он наклонился вперед и потряс ее за руку. - Леди, сделайте что угодно, только не отчаивайтесь. Рассердись на меня, хотя, видит Бог, я никогда не желал твоего несчастья! И все же вполне естественно, что ты относишься ко мне сурово. Я...

Она тупо уставилась на него. - Почему я должна на тебя сердиться? Ты ничего не мог поделать с тем, что сделал; и Лейф подумал, что я предпочел бы отправиться к своей матери, а не к Торхильд.

Элвину никогда не приходило в голову, что она может быть благоразумной. Его угрызения совести становились все более настойчивыми. Он подумал о каком-нибудь слабом утешении. - По крайней мере, этого не случится в течение года, леди. А через...

Она быстро подняла голову. - Почему это не может произойти в течение года?

- Потому что Джилли уехала в торговое путешествие и вернется только осенью, когда отправляться в Гренландию будет слишком поздно. Он также не приедет ранней весной и не потеряет лучшую часть своего торгового сезона. Это наверняка займет больше года".

Молодежь может смастерить спасательную шлюпку из соломинки. В глазах Хельги снова появилась надежда.

"Год - долгий срок. За год многое может случиться. Джилли может быть убита, — у каждого мужчины где-нибудь растет ветка омелы. Или я могу выйти замуж за кого-нибудь в Гренландии. Уже два вождя просили моей руки у Лейфа, так что вряд ли у меня будет мало шансов.

- Это правда; и может случиться так, что леди Берта никогда не получит мои руны. Она отсутствовала в гостях, когда Вальбранд оставил их у нее на ферме. Или, даже если она их получит, у нее может не хватить смелости сообщить новость Джилли. Или ему может не

понравиться, что приходится платить за дочь. Конечно, там, где так много дыр, есть много хороших шансов, что опасность провалится в одну из них ".

Хельга галантно вскинула голову. - Я прислушаюсь к вашему совету в этом вопросе. Я больше не буду утруждать себя; и я буду любить Браттахлид, как птица любит скалу, которая скрывает ее! А Торхильд? Что, если ее натура такова, что она сердита? Она не труслива. Она защитила бы тех, кого любила, даже если бы умерла за это. Я бы хотела увидеть, как Эрик прикажет ей бросить ребенка. В его бороде не осталось бы ни единого рыжего волоска. Лучше быть храброй и верной, чем быть нежной, как твоя леди Берта. Ты даешь мне этот титул еще и потому, что она моя мать?"

Элвин заколебался и покраснел. - Да. И потому, что мне нравится помнить, что в тебе есть английская кровь.

Хельга замолчала, несмотря на охватившее ее волнение, и ее лицо смягчилось. Она посмотрела на него, и ее сияющие глаза были полны откровенной доброжелательности.

- Поскольку во мне течет английская кровь, - медленно проговорила она, - возможно, когда-нибудь ты попросишь о дружбе, которую я тебе предложила.

В тот момент Элвину показалось, что такая простота и откровенность стоят больше, чем все нежные манеры его соотечественниц. Он протянул руку.

"Вам не нужно долго ждать, пока я спрошу об этом", - сказал он. - Я бы попросил об этом неделю назад, но не считал честным называть себя твоим другом, когда причинил тебе такую боль.

Тонкие пальцы Хельги крепко сжали его руку, но она весело рассмеялась.

- Вот тут ты ошибаешься. Если бы ты не ранил меня, ты бы никогда не забыл, что я ранил тебя. Теперь мы квиты и начнем все сначала. Это хорошо".

ГЛАВА XII

СКВОЗЬ ПРУТЬЯ ЛЬДА

Следует восхвалять день ночью;

меч, когда его пробуют;

Лед, когда его пересекают.

Хавама'л

Тусклая линия заснеженных островов, расположенных так далеко друг от друга, что трудно было поверить, что это всего лишь покрытые льдом вершины возвышающегося побережья Гренландии, тянулась до самого горизонта. Стоя рядом с Хельгой на носу, Элвин пристально смотрел на них.

"Подумать только, - изумился он, - что мы достигли самой последней земли на этой стороне света! А что, если бы мы поплыли еще дальше на запад?" К чему мы, вероятно, придем? Заканчивается ли океан стеной льда, или мы оторвемся от земли и полетим, кувыряясь, через голову в темноте?— Клянусь Святым Георгием, от этого кружится голова!"

Идеи Хельги были немногим яснее. Это было почти за пятьсот лет до времен Колумба. Но она знала одну вещь, которой не знал Элвин.

- Гренландия - не самая западная земля, - поправила она. - Еще дальше на запад есть другой, хотя никто не знает, насколько он велик и кто в нем живет.

Она, смеясь, повернулась туда, где сидел юный Харальдссон, пересчитывая содержимое своего кошелька и прикидывая, насколько ценными могут быть подарки, которые он может позволить себе преподнести по случаю своего приезда.

"Сигурд, ты помнишь ту западную землю, которую видел Бьорн Херюльфссон? и как мы обычно планировали сбежать туда, когда я уставала вышивать, а Лейф слишком долго заставлял тебя заниматься твоими упражнениями?"

"Я не думал об этом с тех пор", - засмеялся Сигурд. Он сгреб кучу золотых и серебряных безделушек обратно в бархатный мешочек на поясе, подошел и присоединился к ним. "Как хорошо мы проводили время, планируя эти поездки, сидя по вечерам у костра! Клянусь Святым Михаилом, я думаю, мы действительно начинали однажды; ты забыл? — в баркасе с китобойного судна Торвальда! И ты надела мою одежду и дралась со мной, потому что я сказал, что любой может сказать, что ты девушка.

Смех Хельги прозвучал как звон колокольчиков. - О, Сигурд, я совсем забыла об этом! А у нас с собой не было ничего съестного, кроме двух сыров! И Вальбранду пришлось спустить на воду лодку и отправиться за нами!"

Они предались своему веселью, и Элвин смеялся вместе с ними; но его любопытство было возбуждено другим предметом.

"Я бы хотел, чтобы вы рассказали мне что-нибудь об этой далекой стране", - сказал он, как только смог заставить их слушать. "Существует ли это на самом деле или это сказка для развлечения детей?"

Они оба заверили его, что это чистая правда.

"Я сам разговаривал с одним из матросов, который видел это", - объяснил Сигурд. "Он был рулевым Бьорна. Он отчетливо видел это. Он сказал, что это была прекрасная страна, где было много деревьев.

"Если это была настоящая страна, а не колдовство, то странно, что он довольствовался тем, что смотрел на нее. Почему он не приземлился и не исследовал местность?"

- Бьорн Херюльфссон - трус, - презрительно сказала Хельга. - Так говорит каждый мужчина, который может шевелить языком.

Сигурд нахмурился, глядя на нее. - Ты слишком бойко судишь. Я слышал, многие говорили, что он храбрый человек. Но он не был в исследовательском путешествии; он плыл из Исландии в Гренландию, чтобы навестить своего отца, и заблудился. И он человек, не склонный рваться в новые предприятия. Кроме того, возможно, он думал, что эта земля населена гномами.

- Ну вот, ты признал, что я права! - Торжествуя воскликнула Хельга. "Он боялся гномов, а человек, который чего-либо боится, - трус".

Но Сигурд умел фехтовать языком так же хорошо, как и мечом. - Что же тогда такое воительница, которая боится своей родственницы? он парировал удар. И они со смехом принялись пререкаться между собой.

Не обращая на них внимания, Элвин смотрел вдаль, на таинственный синий запад. Его глаза были большими от великих мыслей. Если бы у него был корабль и команда, если бы он мог уплыть на разведку! Предположим, там можно было бы основать королевства! Предположим, его фантазии стали такими же возвышенными, как плывущие облака, и такими же расплывчатыми; настолько расплывчатыми, что он в конце концов потерял к ним интерес и обратил свое внимание на приближающийся берег. Теперь они подошли достаточно близко, чтобы разглядеть, что разрозненные острова соединились в остроконечный берег, ломаную линию ослепительной белизны, за исключением тех мест, где темные пропасти оставляли пятна по бокам.

Но он обнаружил, что наблюдение за Гренландией и высадка на ней - это две совершенно разные вещи. Пройдя еще немного, они наткнулись на границу дрейфующего льда, который, спускаясь с северо-востока в сопровождении многочисленных айсбергов, летом закрывает устья фиордов, как волшебная преграда.

"Я буду считать большой удачей, если все закончится так, что мы сможем справиться с этим за месяц", - флегматично заметил Вальбранд.

- Месяц? Элвин ахнул, услышав его.

Старый моряк посмотрел на него с презрением. - Тебе месяц не кажется большим? Когда Эрик приехал сюда из Исландии, ему пришлось четыре месяца пролежать во льдах.

Четыре месяца на борту корабля, когда нет ничего более веселого, чем голые скалы и серое море, усеянное скрежещущими льдинками! Ужас на лице Элвина был так велик, что Сигурд сжалился над ним, даже когда тот смеялся.

- Все будет не так уж плохо. И мы направимся к точке к северу от фиорда и ляжем там под прикрытием острова.

- Укрытие! - пробормотал английский юноша. - Двенадцати кроватей, набитых гагачьим пухом, было бы недостаточно, чтобы укрыть человека от такого ветра.

И остров не имел более привлекательного вида, когда они наконец достигли его. То, что из этого не было голыми валунами, было покрыто черными лишайниками, единственным намеком на зелень были редкие клочки мха, приютившиеся в какой-нибудь скалистой расщелине. Чтобы усилить эффект, постоянно дули ледяные порывы ветра, сопровождаемые густыми туманами.

В этих негостеприимных условиях их продержали взаперти две недели — по-норвежски всего по пять дней каждая, но пленникам с юга они казались бесконечными. Эдита навсегда забралась в большой спальный мешок из медвежьей шкуры, который окутывал всю ее маленькую фигурку и был единственным лекарством от стука ее зубов. Элвин облачился во все, что было у него, и в столько одежды Сигурда, сколько удалось сохранить, и старался переносить ситуацию со стоицизмом своих товарищей; но время от времени отвращение брало верх над его философией.

"Как разумные существа могут найти в себе силы вернуться в эту страну после того, как добрый Бог однажды позволил им покинуть ее, выше моего понимания!" он взбесился на десятый день этого жалкого пикника. "Сначала я боялся, что такое маленькое судно затонет в таком огромном море; теперь я боюсь только того, что этого не произойдет и что нас живыми доставят на сушу и заставят жить там".

Рольф посмотрел на него со своей дружелюбной улыбкой. "Если бы твои глаза были такими же голубыми, как твои губы, а щеки такими же красными, как твой нос, тебя бы считали красивым мужчиной", - ободряюще сказал он.

И снова Сигурд сжалился над Элвином. "Терпи, это ненадолго", - сказал он. "Проход уже открывается. А внутри фиорда многое отличается от того, что ожидается".

Элвин улыбнулся с вежливым недоверием.

Солнце следующего дня осветило им темный пролив, так что еще до полудня они вышли на широкую водную полосу, известную как Эрикс-фиорд. Тишина между высокими стенами была такой абсолютной, такой похожей на смерть, что казалась почти сверхъестественной. Миля за милей плыли они между мрачными утесами, увенчанными льдом и покрытыми черными лишайниками; миля за милей продвигались еще дальше, не пропуская ничего более веселого, чем группа скалистых островов или склон, покрытый коричневатым мхом. Самый пышный из островов мог похвастаться лишь участком кустов брусники или несколькими стелющимися можжевельниками, которые были слишком смущены, чтобы поднять свои головы на длину пальца над землей.

Элвин со вздохом огляделся по сторонам, а затем с гримасой посмотрел на Сигурда. - Ты по-прежнему считаешь, что это приятнее, чем утонуть? - спросил он.

Сигурд встретил этот выпад с упрямым спокойствием. - Ты что, ослеплен зеленью вон той равнины? И разве ты не чувствуешь на себе солнца?

Внезапно Элвину пришло в голову, что ледяной ветер с мысов перестал дуть, туман рассеялся, и в воздухе вокруг него разлилось приятное тепло. А вон там, — определенно, вон тот луг был таким же зеленым, как лагерь в Норвегии. Он сбросил один из своих плащей и приготовился наблюдать.

Постепенно зеленых пятен становилось все больше, пока уровень не был покрыт ничем другим. В одном месте ему почти показалось, что он уловил отблеск золотистых лютиков. Зелень поднималась по покрытым снегом склонам на сотни и тысячи футов; и тут и там, рядом с пенящимися водопадами, ниспадающими с питаемого ледником ручья, розовым пламенем горел рододендрон. Они миновали последний остров, покрытый ивовой рощицей высотой в рост человека, и вышли на открытую полосу воды, окаймленную холмистыми пастбищами, поросшими маргаритками и кроткоглазым скотом. Сигурд взволнованно схватил мальчика-англичанина за руку.

- Вон там корабельные ангары Эрика! А там, за тем холмом, откуда поднимается дым, находится Браттахлид!"

- Там? - воскликнул Элвин. "Теперь мне вспомнилось, что ты сказал мне, что дом Эрика был построен на Эрикс-Фиорде".

- Так оно и есть, или в двух милях оттуда, что не имеет большого значения. О да, он стоит на самом берегу Эйнар—фьорда; но поскольку этим маршрутом человек пользуется только тогда, когда посещает другие части поселения, и редко когда выходит в море, - этого человека я вижу на пристани?

- Если они еще не увидели нас и не спустились нам навстречу, значит, их зрение не такое острое, как три года назад, - начал Рольф, когда Сигурд сам ответил на его вопрос.

- Они там, разве ты не видишь? Их толпы — между сараями. Кто-то машет плащом. Клянусь святым Михаилом, вид Нормандии не радовал меня так!"

- Спустить паруса! бросьте якорь и приготовьте шлюпки к спуску, - донесся тяжелый гудок Вальбранда.

ГЛАВА XIII

ЭРИК РЫЖИЙ В СВОИХ ВЛАДЕНИЯХ

Дарители, приветствую вас!

Вошел гость;

Где ему сесть?

Вода нужна тому,

Кто приходит на трапезу,

полотенце и гостеприимное приглашение,
Хороший прием;
Если он сможет ее получить,
Поговорите и ответьте.
Хавама'л

Десять за десятью корабельная шлюпка доставляла их на сушу, в толпу вооруженных слуг, домашней челяди, полевых рабочих и рабов. Появление Хельги было встречено восторженным ревом, и Сигурд чуть не упал от приветственных рук. Казалось, толпа слишком благоговела перед Лейфом, чтобы приветствовать его как-либо фамильярно, но они с величайшим уважением уступили ему дорогу; и свора лохматых собак набросилась на него и чуть не разорвала на куски в неистовстве своего радостного узнавания. Воздух наполнился шквалом хлопков по плечам. Не пышногрудая горничная, но нашлась какая-то мускулистая шея, чтобы обхватить ее руками и получить от души затрещину за свои старания. Не были более отсталыми и мужчины; только вцепившись, как репей, в бок своей госпожи, Эдита избежала дюжины энергичных ласк. На Элвина, с его короткими волосами и противоречиво богатым платьем, смотрели с откровенным любопытством. Мужчины шептались, что Лейф стал таким великим, что у него должен быть паж, который носил бы его плащ, как у самого короля. Женщины сказали, что, в любом случае, юноша выглядел красивым, и черный цвет шел к его светлому лицу. Карк нахмурился, ступив на берег и услышав их комментарии.

- Где мой отец, Торхалль? он требовательно протянул руку с гораздо большим высокомерием, чем вождь.

"Он отправился на охоту с Торвальдом Эрикссоном", - сообщил ему один из домашних рабов. - Он вернется только сегодня вечером.

После чего бесцветное лицо Карка покрылось красными пятнами гнева, он грубо протолкался сквозь толпу и исчез среди корабельных ангаров.

- Мой брат Торстейн тоже в Гренландии? - Спросил Лейф у слуги.

Но мужчина ответил, что младший сын Эрика отсутствовал, уехав в гости к родственникам своей матери в Исландию. Когда лодка доставила на сушу последнего человека, "Морского оленя" оставили плавать в покое до момента его разгрузки; и они начали подниматься от берега шумной процессией.

Между богатыми пастбищами и миниатюрными лесами из ивы, березы и ольхи широкая дорога тянулась на восток через грин-Хилл и дейл. Под гул разговоров и смеха они прошли по переулку, рядовые исполняли множество веселых трюков, смело обхватывая руками стройные талии и возясь за свертки с сокровищами. По холмам и долам они проехали почти две мили; затем, примерно в четырехстах футах от скалистых берегов Эйнар-фьорда, тропинка закончилась перед широкими воротами в высоком заборе.

Если бы ворота были закрыты, можно было бы догадаться, что находится внутри; настолько неизменной была планировка норвежских поместий. Огромный четырехугольный двор был окружен солидными зданиями. Справа находился большой зал с кухнями и складскими помещениями. С другой стороны, с внутренней стороны, располагался женский дом с садом трав с одной стороны и комнатами для гостей с другой. Слева находились конюшни, свинарник, овчарни, коровники и кузницы.

Не успели они миновать ворота, как на них обрушилась вторая лавина приветствий. На поросшем травой пространстве собралось еще больше вооруженных слуг, еще больше одетых в белое рабов, еще больше лающих собак, еще больше домашней прислуги в праздничных нарядах, и во главе их стояли широко известный Эрик Рыжий и его сильная духом Торхильд.

Один взгляд на Красного убедил Элвина, что его репутация не обманывает его. Огненными были не только его развевающиеся волосы и длинная борода; вся его фигура, казалось, была способна мгновенно воспламениться. В его холерических голубых глазах, сейчас искрящихся добродушием, искра могла разжечь пламя. Одно дуновение могло раздуть румянец на его щеках.

Наблюдая за ним, Элвин сказал себе: "Меня удивляет не то, что его трижды ссылали за непредумышленное убийство, а то, что его не ссылали тридцать раз".

Элвин с любопытством посмотрел на пухлую матрону в величественном головном уборе из белого льна и со связкой позвякивающих ключей на поясе, и его ждал сюрприз другого рода. Конечно, в ее решительном рте не было мягких изгибов, а глаза были такими же пронзительными, как у Лейфа; и все же это не было ни жестоким лицом, ни сварливым. Оно было полно правды и силы, и в ее широком гладком челе и в неувядших розах на щеках чувствовалась прелесть. Ах, и теперь, когда пронзительные глаза остановились на Лейфе, они больше не были острыми; они были мягкими и глубокими от материнской любви и сияли гордостью. Ее руки зашевелились, как будто им не терпелось прикоснуться к нему.

Последовала пауза, соблюдающая некоторые приличия, пока вождь обнимал своих родителей; затем поднялся шум. Ни один человек не мог слышать самого себя, не говоря уже о своем соседе.

Под прикрытием суматохи Элвин подошел к Хельге. Не имея собственных приветствий, которые могли бы его занять, он перенес свой интерес на других. Дева-воительница стояла на том самом месте, где Лейф оставил ее, Эдита прижималась к ней сбоку. Она смотрела на Торхильд и нервно сжимала и разжимала руки.

Элвин сказал ей на ухо: "Она будет тебе лучшей матерью, чем Берта из Трондхьема. Мой совет - тебе немедленно помириться с ней."

"Это было в моих мыслях, - медленно произнесла Хельга, - это было в моих мыслях, что я могла бы полюбить ее!"

Оттолкнув Эдиту, она нерешительно шагнула вперед. Торхильд рассталась с Лейфом и повернулась, чтобы поприветствовать Сигурда. Хельга сделала еще шаг. Торхильд подняла голову и посмотрела на нее. Когда она увидела живописную фигуру в короткой юбке и стальной рубашке, она напряженно выпрямилась, и было очевидно, что она попыталась нахмуриться; но

Хельга быстро подошла к ней, обняла за шею, положила ее голову ей на грудь и прижалась к ней.

Мало-помалу надзирательница обняла девушку за талию, потом за плечи. Наконец она наклонила голову и поцеловала ее. Сразу после этого она оттолкнула ее и держала на расстоянии вытянутой руки.

"Ты выросла, как лук-порей. Я удивляюсь, что такая жизнь не испортила твой цвет лица. Неужели ткань в Норвегии была такой дорогой, что Лейф не мог позволить себе больше юбки? Ты наденешь одну из моих, как только мы войдем в дом. Пришло время, чтобы у тебя была женщина, которая заботилась бы о тебе".

Но Хельгу больше не отталкивала ее суровость; теперь она могла оценить, что скрывалось за ней. Она сказала: "Да, родственница", - с подобающей покорностью, а затем посмотрела на Элвина смеющимися глазами.

Голос Эрика теперь был слышен сквозь шум. - Ведите их в дом, вы, простофили! Ведите их в дом! Будете ли вы заставлять их голодать, пока будете болтать? Принесите их, накройте столы и наполните рожки. Выпьем за Счастливчика из лучшего медовухи в Гренландии. Входите, входите! Во имя Тролля, входите, добро пожаловать!"

Рольф улыбнулся Эгилю своей простодушной улыбкой. "Вполне вероятно, что он скажет другие вещи "от имени Тролля", когда узнает, зачем пришел Счастливчик", - пробормотал он.

ГЛАВА XIV

ВО ИМЯ КРЕСТА

Осторожный гость,
Пришедший на трапезу,
Хранит осторожное молчание;
Ушами слушает,
А глазами наблюдает:
Так исследует каждый благоразумный человек.
Хавама'л

В соответствии с модой того времени, Браттахлид был залом не только в том смысле, что представлял собой большую комнату, но и как здание само по себе, причем здание это имело совершенно уникальный внешний вид. Вместо того чтобы состоять из огромных бревен, как это почти неизменно делали скандинавские дома, три его стороны были построены из огромных блоков красного песчаника; а для четвертой стороны был использован низкий, перпендикулярный, гладкий камень, так что одна из внутренних стен была образована естественным утесом высотой от десяти до двенадцати футов. Несомненно, именно из-за этой особенности он получил название Браттахлид, что означает "крутой склон скалы". Его стиль отличался крайней простотой, поскольку квадратное отверстие в крыше заменяло дымоход, и в нем было несколько окон, да и те были маленькими и заполнены похуже на пузырь мембраной вместо стекла; тем не менее, он был не лишен определенной внушительности. Зал был настолько велик, что почти двести человек могли найти места на двух скамьях, протянувшихся через него из конца в конец. Его стены отличались симметрией и массивностью, способными выдержать износ столетий, а внутри было даже определенное величие.

Сегодня вечером, разукрашенный для пиршества, он был великолепен. Борта покрывали разноцветные гобелены, вдоль которых ряды круглых щитов накладывались друг на друга, как ярко раскрашенные чешуйки. На скамьях были расстелены вышитые скатерти, а пол был устлан соломой, так что она сверкала, как ковер из тканого золота. Перед скамьями, по обе стороны от длинного каменного очага, проходившего через центр зала, стояли столы, покрытые льняными покрывалами, выбеленными добела, как пенопласт. Свет потрескивающих сосновых факелов дрожал и вспыхивал в позолоченных сосудах, покрытых серебром подносах и кубках из редко красивого стекла, рубинового, янтарного и изумрудно-зеленого.

"Я нигде не видел зала прекраснее", - признался Элвин Сигурду, когда они пробивались сквозь толпу. "Если бы высокие сиденья были другими, а камин располагался у стены, а на полу вместо соломы лежал тростник, это было бы похоже на замок моего отца".

- Если бы я была совсем другой, я бы тоже выглядела как саксонская девушка? Голос Хельги засмеялся ему в ухо. Она вошла через женскую дверь вместе с Торхильд и толпой высокородных женщин. Она уже преобразилась. В развевающемся синем платье казалось, что она стала на голову выше. Элементы наряда — золотой пояс на талии, золотая брошь на груди, нитка янтарных бус на белой шее, кокетливо выглядывавшая из—под белоснежного платка, - стерли последние следы воительницы, и впервые Элвину пришло в голову, что она больше, чем хороший товарищ, — она была девушкой, прекрасной девушкой, из тех, кого когда-нибудь полюбит мужчина, добьется и завоеует. Он смотрел на нее с удивлением, восхищением и чем-то еще; смотрел так пристально, что не заметил устремленных на него глаз Эгиля.

Хельга рассмеялась над его удивлением, потом нахмурилась. - Если ты скажешь, что в этой одежде я тебе нравлюсь больше, я рассержусь на тебя, - резко прошептала она.

К счастью, Элвину не пришлось брать на себя никаких обязательств. В этот момент старшая служанка, или экономка, которая также была распорядительницей церемоний в отсутствие управляющего, пробралась сквозь толпу и разделила мужчин от женщин, указав каждому его место в соответствии со строжайшим толкованием законов о старшинстве.

Если бы у нас было больше времени на подготовку, вернувшегося гвардейца встретила бы большая компания. И все же гонцы, поспешно отправленные Торхильд, привезли с собой почти

дюжину вождей и их семьи; а с учетом их дополнительной свиты, отряда Лейфа и домочадцев самого Эрика свободных мест вдоль стен было немного.

Согласно обычаю, Эрик восседал на своем высоком троне между двумя высокими резными колоннами в середине северной части зала. Торхильд села рядом с ним; высокородные мужчины разместились справа от него; высокородные женщины - слева от нее. Напротив них, как и подобало почетному гостю и старшему сыну своего отца, Лейф занял другое высокое кресло. Тюркер, изможденный, моргающий и закутанный в меха, сидел по одну сторону от него; сын ярла Харальда - по другую, с веселыми глазами, свежим лицом и одетый как принц. С обеих сторон, как бусинки в ожерелье, были нанизаны члены экипажа "Морского оленя". Карк занял самое последнее место в очереди, на самом нижнем сиденье у двери. У Элвина появился новый повод быть благодарным судьбе, которая поменяла их местами. Его место было на табурете для ног перед высоким креслом Листа, охранять кубок вождя. Это было почетное место, откуда он мог видеть, слышать и даже разговаривать с Сигурдом, когда случалось что-нибудь слишком интересное, чтобы держать это в секрете.

Среди людей Лейфа было много искушений посоветоваться друг с другом. Ни один из них не ждал в напряженном ожидании шага, который должен был раскрыть миссию гвардейца. Они получили строжайший приказ Лейфа не предпринимать ни шагу без его приказа. Они получили столь же убедительные слова Вальбранда защищать своего вождя при любой опасности. Они сидели между ними, затаив дыхание и напрягшись, даже когда поглощали стоявшие перед ними деликатесы.

Когда полотенца и тапки для рук были расставлены по кругу, а вся еда выставлена на стол, и пир был в самом разгаре, вошли три музыканта со скрипками и арфой. Их выступление послужило прикрытием, под которым гости могли успокоиться.

- Вы заметили, что он спрятал распятие под плащом, где его вряд ли заметят? - прошептали они друг другу. "Я верю, что он хочет отдалить недобрый час".

"Когда ему передадут конину, он будет вынужден отказаться, и это выдаст его", - ответил другой.

Но Эрик не видел, когда Лист покачал головой в сторону носителя запрещенного мяса; и эта опасность миновала.

Рольф одобрительно прошептал на ухо Сигурду: "Он поступает мудро, залегая на дно как можно дольше. Это великая вещь - хорошо закрепиться до того, как тебя настигнет вихрь".

Сигурд покачал головой, глядя в свой кубок. "Когда вы хотите обезоружить змею, лучше всего сразу спровоцировать ее на нападение и таким образом вытянуть яд из ее клыков".

Под прикрытием каких-то звенящих аккордов Элвин прошептал им: "Если бы вы могли сидеть здесь и видеть лицо Карка, вы бы подумали о собаке, которая собирается укусить. И он продолжает наблюдать за дверью. Что такого он ожидает увидеть через нее?"

Никто не мог сказать. Они также стали наблюдать за входом.

Между тем пир весело продолжался. Стол ломился от того, что считалось изысканнейшими блюдами— олени языки, рыба, жареная телятина, бифштексы из конины, жареные птицы, блестящая белая свинина; вино в кувшинах, помимо бочонков с пивом и бочонков с медовухой;

творог и буханки ржаного хлеба, горы масла и сыра. Раздавались тосты и комплименты. Элвин то и дело подскакивал к бокалу своего хозяина, так что многие желали удостоиться чести выпить с ним. Его новости о Норвегии выслушивались с затаенным вниманием; к его мнению относились с уважением. Часто Элвину казалось, что стоит ему только заговорить, и его миссия мгновенно будет выполнена. Однако английский юноша заметил, что во всем потоке красноречия Лейфа не было ни единого упоминания о новой вере.

Пир становился все веселее и шумнее. Один из скрипачей начал выкрикивать балладу под аккомпанемент арфы. Это оказалась "Песнь о проклятом мече гномов". Сигурд не так проглотил творог, когда слова долетели до его слуха; даже Вальбранд искоса взглянул на своего вождя. Но лицо Лейфа было неподвижно; и только его последователи заметили, что он не присоединился к аплодисментам, следовавшим за песней. Некоторые из команды нетерпеливо вздохнули. Они могли бы подраться — это было их следующим удовольствием после выпивки, — но эти дипломатические ожидания были почти непосильны для них. К счастью, в этот момент были привлечены несколько ловчих собак. Наблюдая за их выходками, зрители забыли о нетерпении в неистовом восторге.

Пока они подбадривали собаку, которая выше всех перепрыгнула через свой шест, и стучали по столу, выражая свое одобрение, сквозь шум снаружи донеслись голоса и лошадиное ржание.

- Это Торвальд, вернулся с охоты! Сигурд нетерпеливо сказал, глядя на дверь. Через мгновение он убедился в своей правоте, потому что дверь открылась ипустила спортсмена и его спутницу.

Торвальд Эрикссон был так же непохож на своего брата Лейфа, как гвардеец отличался от некоторых простых фермеров вокруг него. Он был высоким, худощавым и жилистым, а его тонкие губы были сжаты в жесткую линию. Его одежда была поношенной и вышла из всякого приличного состояния. Из его плаща были вырваны клочья меха; он был перепачкан грязью по колено, а на тунике и руках виднелась кровь. Он стоял, удивленно глядя на веселую компанию, моргая от внезапного света, пока его взгляд не встретился с Лейфом, когда он радостно вскрикнул и поспешил вперед, чтобы схватить его за руку.

Элвин с отвращением отшатнулся от прикосновения к своей дурно пахнущей одежде. В этот момент его взгляд упал на Карка, который схватил спутника Торвальда и что-то быстро говорил ему на ухо.

Новоприбывший не был дружелюбно выглядящим мужчиной. Над его гигантским телом возвышалось опущенное лицо, демонстрировавшее способность к хитрости или порочности, в зависимости от того, что больше подходило его череду. Пока Карк разговаривал с ним, его лоб становился все чернее, и он яростно дергал рукоять своего ножа. Тогда Олвина осенило, что он, должно быть, отец Карка, управляющий Торхалль, о котором говорил Вальбранд.

"В таком случае, вполне вероятно, что что-то должно произойти", - сказал он себе и попытался сообщить новость Сигурду. Но Торвальд встал между ними, все еще сжимая руку Лейфа.

Когда охотник прошел дальше вдоль шеренги команды, Торхолл вышел вперед и очень вежливо поприветствовал Листа. Только когда он уходил, его взгляд, казалось, впервые упал на Элвина; он остановился в болезненном удивлении.

- Что это я вижу, вождь? У тебя есть другой лучник вместо моего сына, которого отдал тебе твой отец? Должно быть, Карк сделал что-то, что тебе не нравится. Скажи мне, что именно, и я убью его собственной рукой.

Вальбранд снова искоса взглянул на своего хозяина, словно напоминая ему, что тот предупреждал его об этом. Тайкер принялся трясущимися руками тереть бороду и моргать, глядя на Эрика. На этот раз они привлекли внимание Рыжего. Его ладонь была прижата к уху, чтобы он не пропустил ни слова; его глаза были прикованы к Лейфу.

Лицо гвардейца было таким же непроницаемым, как край его кубка. - Если бы Карк заслуживал смерти, его бы сейчас не было в живых. Он менее совершенен, чем этот человек, поэтому я изменил их".

Управляющий склонил голову в явном подчинении. - Сейчас, как всегда, вы правы. Вместо грубого человека-Одина лучше иметь человека с достижениями, даже если он настоящий христианин ". Он отвернулся, как человек, совершенно не подозревающий о колкости в своих словах.

По рядам людей Лейфа пробежал слышимый ропот. Никто не сомневался, что это ловушка Торхалля, чтобы отомстить за оскорбление, нанесенное его сыну. Пропустит ли шеф и это мимо ушей? Хотя их лица оставались обращенными вперед, их глаза скользнули по сторонам, наблюдая за ним.

Лейф выпрямился надменно и в то же время очень спокойно. "Тебе не рекомендуется говорить мне такие слова", - сказал он. "Я тоже христианин".

Кремень ударился о сталь. Эрик вскочил на ноги, объятый пламенем.

"Скажи это еще раз!"

Торвальд и дюжина гостей отчаянно замотали головами, но Лейф повторил свое заявление.

Грохот! Кубок Эрика упал и разлетелся на тысячу осколков на краю стола. С яростным проклятием он откинулся на спинку стула и прислонился к ней, тяжело дыша и свирепо глядя.

В комнате поднялся гул голосов. Мужчины выкрикивали успокаивающие слова Красному и увещевания Листу. Другие украдкой нащупывали свое оружие. Некоторые женщины побледнели и прижались друг к другу. Хельга встала, ее прекрасное лицо сияло, как звезда, и покинула их ряды, подошла и села на скамеечку для ног Лейфа, хотя голос Торхильд стал высоким и визгливым от брани. Люди Лейфа настороженно выпрямились и устремили на своего хозяина выжидающие взгляды собак. Торвальд поспешил к брату, положил руки ему на плечи и попытался возразить.

Лейф отодвинул его в сторону, когда тот встал и повернулся лицом к отцу. Сквозь суматоху его голос звучал тихо и сильно, спокойствие совершенного самообладания, сила бесстрашного сердца и железной воли.

"Для меня большое горе, что вам не нравится то, что я сделал; но сейчас я думаю, что лучше всего сказать вам всю правду, чтобы вы не чувствовали, что я действовал тайно в чем-либо".

Эрик издал звук, похожий на рычание, и подскочил на стуле. Торхильд сделала сыну умоляющий жест. Но Лейф, оглянувшись на хмурые лица, спокойно продолжил:

"Олаф Трюгвассон обратил меня в христианство две зимы назад, и я говорю вам правду, что с тех пор мне никогда не помогали так хорошо, как сейчас. И не только я христианин, но и каждый мужчина, который называет себя моим, тоже христианин, и скорее позволит кровавым орлам вонзиться ему в спину, чем изменит свою веру".

Эрик не издал ни звука, но его рот был полуоткрыт, как будто ярость душила его, а лицо побагровело и подергивалось от страсти. Он взял маленький уродливый бронзовый боевой топор, прислоненный к его креслу, и вертел его в руках, перебирал пальцами и перекладывал из руки в руку. Постепенно взгляды всей компании сосредоточились на сверкающем клине, они следили за ним вверх-вниз, взад-вперед, ожидая, страшась.

- Если он не хочет заходить так далеко, чтобы убить собственного сына, то у него все еще есть легкая добыча во мне, - пробормотал Элвин, его глаза следили за движениями, как у зачарованной змеей птицы. "Если он снова поднимет его вот так, я думаю, что увернусь". Краем глаза он заметил множество неловких движений среди людей Лейфа.

Только Лейф спокойно продолжал: "Вы всегда знали, что ваши боги должны умереть, поэтому вас не должно удивить, что теперь вам сказали, что они мертвы; и ваши сердца должны возрадоваться, узнав, что нашелся Тот, кто одновременно вечно жив и готов помочь. Поэтому король Олаф послал меня донести до вас, что если вы примете эту веру, как это сделали люди Трондхьема...

Хельга с предупреждающим криком отскочила в сторону. Рука Эрика метнулась вверх и назад. Взревев от ярости, он вскочил на ноги и метнул топор в голову своего сына. Одновременно раздалось ругательство Вальбранда и рев команды; затем раздался оглушительный удар, когда топор, пролетев совсем немного мимо Счастливого, глубоко вонзился в стену позади него.

Мгновенно все члены экипажа вскочили на ноги, раздался лязг оружия и гул разъяренных голосов. Люди Эрика не отставали, и многие из гостей обнажили мечи, чтобы защитить себя. Они были на грани кровавой сцены, когда снова сквозь шум раздался голос Листа. Он не вынимал оружия, не сворачивал и не двигался со своей первоначальной позиции.

- Опустите мечи! - приказал он своим людям.

Те, кто уловил скрытую нотку в его голосе, поспешили подчиниться, даже несмотря на протесты.

Он снова повернулся к отцу, и в его поведении появилась та странная новая мягкость, которая известна как вежливость, которая возвышала его над разъяренным Красным, как человека над зверем.

"Мне кажется странным, что тот, кто научил меня законам гостеприимства, должен быть тем, кто нарушает их по отношению ко мне. Тем не менее, теперь, когда я был откровенен с вами, я не буду злить вас, рассказывая дальше о своей миссии. И поскольку вы не хотите приютить нас, я и мои люди вернемся на мой корабль и будем спать там, пока мое поручение не будет выполнено. Вальбранд, ты пойдешь первым, чтобы остальные могли следовать за тобой по порядку.

Старый воин помедлил, поворачиваясь. - Это ты должен идти первым, мой вождь. Язычники убьют тебя. Мы..."

"Вы будете делать то, что я прикажу", - отчетливо перебил его Лейф; и, бросив один взгляд на его лицо, они подчинились.

Ничего подобного раньше никто не видел. Благоговейная тишина охватила людей Эрика и гостей Эрика. Команда выходила одна за другой, с грохочущими угрозами и хмурыми лицами, но без слов и с пустыми руками. Элвин воспользовался своим вниманием, чтобы уйти последним, но в конце концов даже он был вынужден уйти. Хельга вышла рядом с ним, ее голова была высоко поднята, ее глаза наносили более острые удары, чем кинжал, на щеках Лейфа вспыхнул румянец. Торхильд окликнула ее, но она пронеслась мимо, не обращая внимания.

У двери Элвин остановился и оглянулся. В этом ему не откажут. Лейф все еще стоял перед своим высоким креслом, удерживая Эрика своим пронизательным спокойным взглядом, как человек удерживает на расстоянии бешеную собаку. Никогда еще он не выглядел величественнее. Элвин снова молча принес свою клятву верности.

Чтобы никто не обвинил его в трусости, гвардеец подождал, пока за последним из его людей закроется дверь. Затем медленно, с предельным самообладанием он вышел один из рядов своих врагов.

Невольный шепот приветствовал его, когда он проходил мимо. Торхильд, разрывавшаяся между гневом и гордостью, быстро уловила смысл сказанного и воспользовалась им. Во что бы ни верил Лейф, она все еще была его матерью. Взяв свою жизнь в свои руки, она наклонилась и прошептала на ухо Эрику.

Темнота его лица превратилась в полночную черноту, а затем внезапно разорвалась, как от удара молнии. Он с грохотом опустил кулак на стол.

- Прекрати! Когда это я говорил что-нибудь против того, чтобы приютить тебя? Ты думаешь опозорить мое гостеприимство перед моими гостями? Я не потерплю твоей религии, — я плюю на нее. Ты больше не мой сын, — я отрекаюсь от тебя. Но ты будешь спать под моей крышей и есть за моим столом, пока ты остаешься в Гренландии, ты и твои последователи. Никто и словом не обмолвится против гостеприимства Эрика Браттахлидского. Торхалль, проводи их в спальни! Его дыхание, которое становилось все короче и короче, совершенно сбилось. Он закончил свирепым жестом и откинулся на спинку стула.

Если бы Лейф посоветовался со своей гордостью, вполне вероятно, что в ту ночь Гренландия видела бы его в последний раз. Но превыше всего в его сердце, чем какие-либо соображения о себе, был успех его миссии. После минутного колебания он вежливо принял предложение и позволил Торхоллу подобострастно сопровождать его.

Можно представить себе изумление его последователей, когда он вышел к ним не только невредимым, но и в сопровождении управляющего и дюжины факелоносцев.

"Это потому, что ему Повезло", - шептали они друг другу. "Его Бог помогает ему во всем. Это вера, за которую стоит жить и умереть".

Они последовали за ним через заросший травой двор к подножию лестницы, ведущей в его спальню, и не хотели покидать его, пока он не согласился, чтобы Вальбранд и Олвер пошли с ним в качестве телохранителей.

- И этот мальчик тоже, - добавил он, указывая на Элвина.

Когда Элвин приблизился, Карк имел наглость тоже шагнуть вперед.

"Шеф, вы собираетесь выставить меня спать со свиньями на кухне?" смело сказал он. - Помни, что каждый раз, когда ты раньше спал в этой комнате, я ложился поперек твоего порога.

Взгляд Лейфа пронзил его насквозь. "Имеет ли смысл человеку доверять свой сон собаке, которая однажды его укусила? Иди ляг в конуру. Если бы ты не спровоцировал Эрика, ты бы не стал долго ждать, чтобы почувствовать мой клинок. Он повернулся и поднялся по ступенькам, положив руку на плечо Элвина.

ГЛАВА XV

ВОЛЧЬЯ СТАЯ На ПРИВЯЗИ

Тот, кто никогда не молчит, произносит слишком много
Бесполезных слов

;

Болтливый язык,
Если его не обуздать,
часто Поет во вред себе.

Хавама'л

Во дворе четверо младших учеников из команды Лейфа отдыхали в тени большого зала после энергичной игры в мяч. Прошло четыре недели с тех пор, как команда "Морского оленя" перебралась на берег; и хотя августовское тепло было в лучах солнца, холод умирающего лета уже сгущался в тени. Сигурд с дрожью завернулся в плащ.

"Бр-р-р! Капли пота замерзают на мне. Что это за место!"

Рольф, прислонившись к дверному косяку и строго, закончил свой отрывок песни,

"Рубили бы мы Вешалкой!

Случилось так, что, когда я был молодым,
на востоке, в проливе Эйрия,
мы проливали кровь для мрачных волков", —

и посмотрел вниз со своей нежной улыбкой. "Если ты имеешь в виду, что тебе не нравится этот порог, то ты берешь на себя слишком много хлопот. Мы должны немедленно покинуть это место, разве ты не слышишь? Он мотнул головой в сторону ворот, откуда они внезапно услышали слабые звуки охотничьих рожков. "Это люди Эрика возвращаются со своих спортивных состязаний. Через некоторое время они будут здесь, и мы должны попытаться счастья в другом месте".

Он лениво выпрямился, стряхивая крошки со своего платья, но трое других сидели с упрямой неподвижностью.

Элвин раздраженно сказал: "Я не понимаю, почему мы должны продолжать прыгать, как испуганные кролики, из-за того, что Лейф приказал нам избегать ссор. В какие неприятности мы можем попасть, если останемся здесь, не разговаривая, и дадим им достаточно места, чтобы пройти мимо нас в холл?

Рольф дружелюбно улыбнулся трем нахмуренным лицам. - Конечно, вы хорошие друзья для Простушки Энн, но если вы не можете сказать ничего лучшего, что могло бы случиться? Они бы из кожи вон лезли, чтобы наткнуться на кого-нибудь из нас. Если они добьются успеха, их кровь забурлит так, что они захотят драться ради удовольствия. Если они потерпят неудачу, они будут кровожадны в гневе. Потребовалось меньше этого, чтобы завязалась драка, в которой был убит Олвер, о чем, смею сказать, вы не забыли.

Олвин поморщился, а Сигурд поежился не только от холода. Яснее всего они помнили не кровавую суматоху битвы, а то, что последовало за ней. Верный своему пониманию гостеприимства, Эрик наказал убийцу слуги своего гостя, отрубив его собственным мечом правую руку убийцы; после чего Лейф поклялся наказать таким же образом любого своего человека, который убьет последователя Эрика.

Медленно, по мере приближения ревуших рогов и топота копыт, все трое поднялись на ноги. Только Элвин нанес земле жестокий удар битой, которую все еще держал в руке.

"Клянусь Святым Георгием! невыносимо, что мы вынуждены действовать таким глупым образом! Неужели у Лейфа меньше духа, чем у лесного козла? Я не понимаю, что он под этим подразумевает.

- Я тоже, - эхом откликнулся Сигурд.

- Я тоже, - проворчал Эгил. - Я думал, в нем есть что-то от Эрика с характером.

- Я сам не понимаю почему, - признался Рольф, - но я вижу кое-что, что кажется мне более важным, и именно так он выглядел, когда отдавал приказ.

Они последовали за ним через заросшую травой ограду, хотя все еще ворчали.

- Куда мы пойдем? - спросил я.

- В конюшне тоже полно людей Эрика.

- Скоро нас вообще выбросит с суши. Нам придется плыть в страну гномов Биорна.

"Я предлагаю отправиться к месту высадки", - воскликнул Сигурд. "Возможно, корабль, который Вальбранд видел сегодня утром, уже почти здесь".

- Я ничего не говорю против этого, - согласился Рольф.

Они быстро повернули к воротам. Но в этот момент Элвин заметил фигуру в синем халате, поливающую белье перед женским домом.

- Ты пойдешь дальше без меня? - спросил он, отстраняясь. - Я последую за тобой через минуту.

Сигурд бросил на него пронизательный взгляд. - Ты собираешься совершить что-нибудь захватывающее, например, поссориться с Торхаллем, как прошлой ночью? Позволь мне остаться и разделить это с тобой".

В смехе Элвина прозвучало легкое смущение. - У меня нет таких намерений. Я хочу посмотреть, как приедут охотники.

Охотники представляли собой внушительное зрелище, когда они ворвались во двор и разомкнули ряды с радостными криками, от которых головы потянулись к каждой двери. Рабы в белых одеждах бегали среди чавкающих лошадей, расседывая их; спортсмены в алых плащах вываливали на траву груды убитых пернатых из своих охотничьих сумок; ревели рога, а гончие лаяли и бились на привязи. Но Элвин забыл заметить это, он так торопился туда, где Хельга, дочь Джилли, ходила между полосками отбеливающего белья, сбрызгивая их водой из бронзовой кастрюли маленьким веничком из прутьев.

Очертания ее лица стали резче, а розы бледнее заиграли на щеках, но она приветствовала его своей прекрасной откровенной улыбкой.

"Я надеялся, что кто-нибудь из вас сочтет нужным прийти сюда. Для меня большое облегчение снова поговорить с мужчиной. Я так устал от женщин и их бесконечной болтовни о варке и прядении. Вчера приехала Фрейдис, дочь Эрика, и все время, пока она была здесь, она говорила только о...

"Дочь Эрика?" Элвин удивленно переспросил. "До сих пор я не слышал, что у Лейфа была сестра. Почему о ней никогда не говорят? Где она живет?"

Хельга нетерпеливо пожала плечами. - Она живет в Гардаре с безмозглым мужчиной по имени Торвард, за которого вышла замуж из-за его богатства. Она презренное создание. И причина, по которой никто не говорит о ней, в том, что если бы он это сделал, то почувствовал бы руки Торхильд в своих волосах. Между ними великая ненависть. Вчера они поссорились еще до того, как Фрейдис вообще побывала здесь. И я собирался сказать, что был рад этому, поскольку это привело к отъезду Фрейдис: все время, пока она была здесь, она не говорила ни о чем, кроме

своих украшений и дорогих вещей. О, я не понимаю, почему у Одина возникло желание создать женщин! Было бы приятнее, если бы они оставались вязами."

Элвин посмотрел на нее глазами, полными самой теплой доброжелательности. "Для меня было бы большим несчастьем, если бы вы были вязом, хотя вполне вероятно, что тогда я разговаривал бы с вами так же часто, как сейчас. Я редко вижу тебя, кроме как за едой. Но я никогда не прохожу мимо вашего окна, чтобы не вспомнить, что вы трудитесь внутри, и не сказать себе, что сожалею о вашем невезении".

- Благодарю вас, - ответила Хельга со своей дружелюбной улыбкой. - Куда подевались остальные мужчины? Я хотел поговорить с Сигурдом.

- Они отправились к месту высадки, высматривать корабль, который Вальбранд заметил сегодня утром со скал.

Она радостно воскликнула: "Корабль во фьорде Эйнара? Значит, он принадлежит какому-нибудь вождю поселения, который возвращается из путешествия викингов! В его честь будет устроен прекрасный пир.

Элвин с сомнением последовал за ней по дорожке между белыми пятнами. - Возможно ли, что это принесет нам какую-нибудь пользу? Вполне возможно, что Лейфа не пригласят".

Жар ее презрения был подобен тому, что высушил капли, которые она разбрасывала. "Ты не в своем уме. Вы думаете, люди, торгующие среди христиан, такие недалекие, как Эрик? Лейф известен как человек известный и друг Олафа Трюгвассона. Они будут гордиться тем, что сядут с ним за стол".

- Может быть, он откажется пировать с язычниками.

- Это возможно, - признала Хельга. Она опустошила свою сковородку с легким наигранным нетерпением и вздохнула. - Как все это утомительно! Сидеть за столом, где боишься пошевелиться, чтобы не затеять драку! Я говорю правду, когда говорю, что это самое веселое развлечение, которое у меня есть, — стоять здесь, поливать белье и наблюдать, кто приходит и уходит. А теперь, когда моя кастрюля пуста, я должен снова вернуться в дом. Вон Вальбранд манит тебя.

Вполне вероятно, что Элвин не поспешил бы подчиниться зову, но Хельга с кивком и улыбкой отвернулась, и ему ничего не оставалось, как пойти навстречу рулевому.

Старый воин смотрел на юного фаворита со своим обычным безразличием. - Лейф желает, чтобы ты занялся им непосредственно.

- Он в своей спальне? - спросил я.

-Да.

Элвину пришло в голову удивиться этому вызову. Его обычное время для чтения наступало после того, как Лейф ложился спать. Если бы вождь подслушал спор с Торхаллем! Он помедлил, обдумывая вопрос; но второй взгляд на избитое лицо Вальбранда убедил его. Он резко повернулся на каблуках и зашагал к складу, который стал штаб-квартирой Лейфа.

Чердак, на который можно было попасть только по наружной лестнице, похожей на лестницу, и в котором не было ни камина, ни печи, ни других средств обогрева, не выглядит привлекательным. Но человек испытывает более острое чувство признательности, когда вспоминает, что другой альтернативой была постель в большом зале, где воздух был столь же зловонным, сколь и теплым, а комнату делили с пьяными мужчинами, пролитым пивом, костями и объедками, оставшимися после пиршества. Элвин не был склонен задирать нос по поводу нового жилища своего хозяина. Сама Англия не предлагала ничего более комфортабельного.

Когда он поднялся по длинной лестнице и распахнул тяжелую дверь, его охватил даже порыв восхищения. Эта парадная гостевая комната была не лишена смягчающих деталей. Она была большой, высокой, защищенной от непогоды и имела три окна. Кровати, похожие на ящики, набитые соломой, стоявшие у стены, были застелены белоснежным бельем и покрывалами из гагачьего пуха. Длинные, окованные медью сундуки, стоявшие по обе стороны двери, были набиты мехами до тех пор, пока не стали самым мягким и теплым местом для отдыха. Множество роскошных платьев Лейфа, висевших на ряде гвоздей, покрывали голые стены, как великолепный гобелен. Стол был уставлен изящными бронзовыми кувшинами для воды и серебряными умывальниками, а также завален серебряными ножницами, гребнями в золотой оправе, ножами с блестящими рукоятками и множеством дорогих безделушек. Рядом со столом стояло большое резное кресло.

При виде человека, прислонившегося к огненно-красным подушкам из гагачьего пуха, Элвин забыл о своем восхищении. Брови вождя сошлись на переносице в кустистую линию. Молодой бауэрмен без слов понял, зачем за ним послали. Он остановился там, где был, в шаге от двери, злой и смущенный.

Через некоторое время Лейф строго сказал: "Ты сейчас очень молчалив, но мне кажется, что я достаточно громко слышал твой голос в холле прошлой ночью".

- Дело было только в том, что я обвинял Торхалля в уловке, которую он пытался подстроить надо мной. Он позволил мне подняться на чердак над провизионным складом, не сказав, что пол уже убран, чтобы они могли перелить свежую медовуху в чан в комнате внизу. Еще один шаг, и я бы провалился в отверстие и утонул. Очевидно, он сделал это, чтобы отомстить за Карка. Я бы взорвался, если бы не сказал ему об этом".

- Я приказал, чтобы мои люди разговаривали с людьми Эрика только по дружеским вопросам; чтобы они избегали ссоры, как избегали бы смерти.

Его спокойный властный тон начал оказывать свое обычное действие на его молодого последователя; Элвин склонил перед ним голову. Но внезапно он поднял глаза с дерзкой вспышкой.

"Тогда я не был непослушен тебе, господь; ибо я не избежал бы смерти, если бы мне казалось, что такое уклонение было трусостью".

На мгновение этот ответ вызвал мрачную улыбку на губах Лейфа; затем внезапно на его лице застыло выражение ужасного гнева. Он привстал со стула.

"Ты смеешь говорить мне в лицо, что я трус, потому что я приказываю тебе сохранять мир?"

Элвин тяжело вздохнул. "Господи, в мире нет человека, который осмелился бы сказать тебе такие слова. Я всего лишь имел в виду, что не могу молча выносить такое обращение, как со стороны Торхалля.

Если бы это сказал кто-то другой, ответ мог бы быть быстрым и яростным; но манера Лейфа обращаться с этим последователем всегда отличалась от его манеры обращаться с другими, — то ли из уважения к его достижениям, то ли из пристрастия к нему, то ли потому, что он разглядел в нем некоторую утонченность, которая была редкостью в тот жестокий век. Гнев исчез с его лица, и он тихо сказал: "Неужели ты не можешь вынести такую мелочь ради такого великого дела, как распространение твоей веры?"

Мальчик вздрогнул.

"Без мира, в котором мы могли бы завоевать их дружбу, чтобы они охотно выслушали нас, наше дело проиграно. Не потому, что я трус, я терплю быть гостем человека, который покушался на мою жизнь, который отворачивается от меня, когда я сижу за его столом, который позволяет своим слугам оскорблять меня. Иногда я думаю, что было бы легче перенести мученическую смерть благословенных святых!" Он внезапно яростно дернулся в кресле, как будто огонь в его венах вырвался наружу и обжег плоть.

Тогда Элвин впервые понял. Он склонился перед ним, упрекаемый и униженный.

"Господи, я вижу, что поступил неправильно. Я прошу тебя простить это. Скажи, чего ты от меня хочешь".

"Ставьте мои приказы выше своих желаний, как я ставлю желание короля Олафа выше своей гордыни, и как он ставит волю Бога выше своей воли".

"Я обещаю, что больше не подведу тебя, господь".

"Смотри, чтобы ты этого не сделал", - ответил Лейф с оттенком суровости.

ГЛАВА XVI

ПРИДВОРНЫЙ КОРОЛЯ

Ни один человек не несет на своем пути более тяжкого бремени,
Чем здравый смысл;
Это считается лучше, чем богатство
В незнакомом месте:

таково прибежище неимущих.

.

Хавама'л

На следующий день, когда Хельга вышла полить белье, она обнаружила, что Элвин поджидает ее под предлогом охоты в высокой траве в поисках потерянного наконечника стрелы.

Он весело приветствовал ее: "Я дам тебе три шанса угадать мои новости".

Она помолчала, подняв веник, с которого капала вода, и нетерпеливо оглядела его. - Это что-нибудь о корабле, который прибыл вчера? Я слышал от женщин, что это военный корабль родственника Эрика, Торкеля Фарсерка, только что вернувшегося с опустошения ирландского побережья. Собирается ли его жена устроить пир в его честь?

- Я не стану отрицать, что ты оказался хорошим отгадчиком. И, клянусь Данстеном! он заслуживает того, чтобы его хорошо приняли. Никогда не видел я такого зрелища, как эта посадка! Рабов было больше, чем мужчин в команде. Это был не мужчина, но у него была окровавленная повязка на голове или теле, а у некоторых отсутствовали руки и ноги. Двоих из команды там вообще не было, а их возлюбленные спустились на берег, чтобы встретить их; и когда они обнаружили, что те убиты, они рвали на себе волосы и пытались покончить с собой ножами".

- Это было глупо с их стороны, - спокойно сказала Хельга. - Лучше бы их возлюбленные умерли с хорошей репутацией, чем жить в позоре трусости. Но расскажи мне новости. Случилось ли так, как я предполагал, что будет пир и Лейфа пригласят на него?

- Сегодня утром прибыли гонцы от жены Фарсерка. Но ты не смеешь догадываться об остальном.

- Я рискну вылить на тебя кастрюлю с водой, если ты немедленно мне не скажешь.

- Даже если бы и так, это не имело бы большого значения. У меня будет новая одежда из черного бархата с горностаевыми полосками. Но послушайте сейчас: Лейф принял приглашение! Даже Вальбранд считает это большим чудом. В этот момент Сигурд выбирает самое богатое платье вождя, а Рольф достает самые дорогие подарки, которые были привезены из Норвегии.

Хельга поставила сковородку с явной целью захлопать в ладоши. "Теперь я вполне доволен, потому что наконец-то они увидят его во всей его красе и узнают, с каким человеком они обошлись неуважительно. Я всем сердцем надеялась на нечто подобное, но ни в коем случае не думала, что он настолько заботился об этом, чтобы сделать это".

Элвин поспешно покачал головой. - Ты не должен вбивать себе в голову, что он делает это сейчас, чтобы улучшить свою честь. Я знаю это наверняка. Это делается для того, чтобы придать его миссии достойный вид".

Хельга со вздохом взяла свою сковородку. - Когда он начнет им это проповедовать, он снова все опрокинет.

Олвин счел своим долгом нахмуриться, услышав это; но следует признать, что нечто очень похожее было в его собственных мыслях, когда он следовал за своим господином в пиршественный зал Торкеля Фарсерка той ночью. Какой бы ни была его религия, звание гвардейца, его галантная внешность и прекрасные манеры вызывали восхищение и уважение. Его поклонникам не могло не показаться обидным, что вскоре одним словом он будет вынужден все это разрушить.

- Это тяжелее, чем мученическая смерть святых, - с горечью пробормотал Элвин. Затем его взгляд упал на серебряное распятие, сиявшее чистотой и яркостью на груди Лейфа, и он осознал недостойность своих мыслей и со вздохом смирился.

Но он обнаружил, что даже сейчас цели Листа были выше его понимания. Гвардеец ни разу даже словом не коснулся темы новой религии, хотя снова и снова его искусный язык привлекал к нему внимание всех сидящих за столом. Он говорил о битвах и пирах, о величии северян. Со стариками он обсуждал норвежскую политику; с молодыми он говорил о знаменитых воинах из гвардии короля Олафа. Женщинам, которые хотели узнать о королевском доме и королеве, он отвечал с величайшим терпением. Он описывал все, от свадеб до похорон, с мастерством менестреля и весом авторитета, и всегда с тактом придворного.

Постепенно шепот похвалы распространился по доске, шепот, который сладчайшей музыкой звучал в завистливых ушах последователей Лейфа. Торхильд оторвалась от своей еды и наблюдала за ним с нескрываемой гордостью, и хотя Эрик по—прежнему отворачивался, он подставил ухо, чтобы все слышать.

Элвин был почти вне себя от нервозности. "Если катастрофа не произойдет в ближайшее время, я сойду с ума", - прошептал он Рольфу.

Борец повернул к нему лицо, полное такого необычного возбуждения, что он был поражен. "Разве ты не видишь?" прошептал он. "Никакого столкновения не будет. Я только начал понимать. Именно это он имел в виду, когда говорил вам о том, чтобы завоевать их дружбу, чтобы они могли охотно выслушать его. Разве вы не понимаете?"

Облегчение Элвина было так велико, что сначала он не осмелился в это поверить. Когда до него дошла истина, его охватили удивление и восхищение. В те дни девять человек из каждых десяти могли обнажить мечи, буйствовать и умереть за свои принципы; только десятый человек был достаточно силен, чтобы держать руку подальше от оружия или контролировать свой язык и жить, служа своему делу.

"Удача повинуется его воле, как руль его руке. Я больше никогда не буду беспокоиться о нем, - удовлетворенно сказал он, когда вместе с остальными ждал во дворе, когда Лейф выйдет из пиршественного зала.

Сигурд весело рассмеялся. - Знаешь, что я только что услышал в толпе? Кое-кто из людей Торкеля хвалил Лейфа, а один из приятелей Эрика счел нужным похвастаться им, что знал Счастливого, когда тот был ребенком. Определенно, ситуация начинает меняться".

"Лейф Эрикссон - гениальный человек", - сказал Рольф с необычной решительностью. - Мне стыдно, что я когда-либо сомневался в его мудрости.

Эгиль издал нечто вроде угрюмого ворчания, которым он всегда предварял неприятное замечание. - Фу! Я с тобой не согласен. Я думаю, что его поведение было слабавольным. Зная их ненависть к слову "христианин", я тем более хотел донести это до их ушей; чтобы они не думали, что взяли надо мной верх. Теперь они считают, что он устыдился своей веры и оставил ее".

Все трое обрушились на него сердитым хором. Элвин строго сказал: "Ты говоришь необдуманно, Эгиль Олафссон. Вы забываете, что он все еще носит распятие на груди. Как они могут поверить, что он забыл свою веру или отказался от нее, когда они не могут смотреть на него, не видя также знамения его Бога?"

Эгил отвернулся, замолчав.

Этот праздник Торкеля Фарсерка был первым в длинной череде подобных мероприятий. С приближением осени корабли стали обычным явлением на фиордах - те вожди, которые летом покидали Гренландию, чтобы ловить китов в северном океане, или совершали торговые походы в восточные страны, или бороздили открытое море с пиратскими заданиями, теперь возвращались домой с возросшим состоянием и набитыми газетами сумками. Для каждого путешественника жена или родственник устраивали приветственный пир — обильное развлечение, которое иногда длилось три дня, с всегда накрытыми столами и всегда наполненными рожками, играми, скачками и подарками для всех. На каждом из этих торжеств Лейф появлялся во всем своем великолепии; и его тактичный язык занимал для него почетное место. Его популярность быстро росла. Единственное, что могло идти в ногу с этим, - это ликование его последователей.

ГЛАВА XVII

УХАЖИВАНИЕ За ХЕЛЬГОЙ

В любви никто не должен
удивляться
другому;
Красивое лицо
Часто пленяет мудрых,
Что не пленяет глупых.

Человек не должен
Винить другого
В том, что является слабостью многих людей;
Ибо могущественная любовь
Превращает сынов человеческих
Из мудрых в глупцов.
Хавама'л

Однажды случилось так, что случайное открытие заставило Элвина взглянуть на эти празднества в новом свете.

Было ноябрьское утро, когда он стоял в холле на коленях перед хозяином, чтобы зашнуровать его высокие сапоги. Лейф стоял у костра, одеваясь для поездки через Поселение. По какой-то неведомой причине атмосфера за обеденным столом стала настолько неприветливой — Торхильд сидела спиной к супругу, а Эрик проявлял растущее желание швырнуть кубки в головы всем, кто на него смотрел, — что придворный счел благоразумным не присутствовать на следующем приеме пищи. Теперь он стоял, одеваясь из груды мехов, и разговаривал с Тайркером, который сидел рядом с ним, моргая в отблесках костра. Кроме пары домашних рабов, скребущих пол в нижнем конце комнаты, больше никого не было, Эрик отправился на свой утренний обход конюшен, кузниц и коровников.

Натягивая меховые перчатки, Лейф сатирически улыбнулся. "Хорошо, что я присутствовал прошлым летом, когда король Олаф обратил исландца Кьяртана. Именно тогда я узнал, что тех, с кем нельзя справиться силой, часто можно водить за нос без их ведома. Олаф сказал парню: "Бог, которому я поклоняюсь, не желает, чтобы кого-то приводили к Нему силой. Поскольку вы испытываете отвращение к доктринам христианства, вы можете удалиться с миром ". На что Кьяртан немедленно ответил: "Таким образом, я могу стать христианином". Итак, поскольку я сдержал свое обещание больше не говорить о христианстве, люди заинтересовались этим, и вчера два вождя пришли по собственной воле и задавали мне вопросы относительно этого ".

Тайркер высунул голову, чтобы сказать "Ну и что?", затем снова завернулся в свою накидку и удовлетворенно хихикнул. Он так закутался в меха, что был похож на маленькую острую иголку в пушистом стоге сена.

Улыбка Лейфа сменилась хмурым взглядом. "Ко мне тоже приходил другой человек, с другим поручением, — Рагнер Торкельссон, — может быть, вы его видели? Он хотел заключить сделку относительно Хельги.

Элвин так сильно вздрогнул, что кожаный ремешок лопнул у него в руке, но его хозяин продолжал, не обращая на это внимания.

- Ты знаешь, я хочу, чтобы она вышла замуж как можно скорее, потому что она несчастлива, пока сидит дома с Торхильд, и вряд ли ей понравится ее отец намного больше. Я думала об этом на каждом пиршестве, но до сих пор ни один из мужчин, которые просили ее, не казался мне подходящей партией".

Хотя его руки механически продолжали свою работу, мозг Элвина, казалось, замер. Должно быть, это сон, глупый сон. Невозможно было, чтобы такое было спланировано так, чтобы он даже не заподозрил этого. Он оцепенело слушал.

Первый мужчина был слишком стар. Второй происходил из недостаточно хорошей семьи, а у двух других было недостаточно имущества. Рагнер Торкельссон не лишен ни одного из них. Он молод; отец его отца был служителем закона; и он владеет восемнадцатью фермами и множеством кораблей.

Хотя Элвин сам не знал почему, он почувствовал горячее желание найти Рагнера Торкельсона и убить его.

- И что? - спросил Тиркер, вопросительно выглядывая вперед. "И все же я никогда не слышал, чтобы у него были какие-то достижения или чтобы в битве он побеждал врагов".

"Нет", - согласился Лейф.

Он закончил не сразу, и наступила пауза. Со двора доносился звон колокольчиков - слуги выводили оленей с пастбища, чтобы запрячь их в сани, похожие на лодки, которые стояли в ожидании.

"Возможно, я поступил неразумно, - сказал наконец Лейф, - но поскольку я не верил, что это будет соответствовать желанию Хельги, я сказал ему, что не буду заключать с ним сделку".

Элвин спрятал сдавленный смешок в меховой плащ, который подобрал. Он знал, что все закончится примерно так. Конечно; было идиотизмом ожидать чего-то другого. Он с улыбкой слушал, что еще скажет Лейф.

Гвардеец продел последний ремешок в последнюю пряжку своей двойной меховой куртки и повернулся к двери. "Может быть, я поступила неразумно, но может быть и так, что это не будет иметь большого значения. Самые желанные мужчины возвращаются домой последними; мы не видели их всех. Вполне вероятно, что это решит следующий пир".

Еще долго после того, как дверь за Лейфом закрылась, он сел в сани и их выкатили за ворота под шквал снега и звон колокольчиков, Элвин стоял там неподвижно. Тайкер задремал в уютном тепле, а проснувшись, обнаружил, что все еще смотрит в огонь.

- Что у тебя есть, сын мой? - ласково спросил он. Элвин вздрогнул и, вытаращив глаза, пришел в себя и, подхватив свой плащ, поспешил из комнаты, ничего не ответив.

"Я найду Хельгу и скажу ей, что она должна положить этому конец", - говорил он себе на ходу. "Именно это я и сделаю. Я скажу ей, что она должна прекратить это".

Натянув пониже кепку, поскольку резкий ветер бил в лицо, он поспешил через двор к женскому дому, пытаясь придумать какой-нибудь предлог, который привел бы Хельгу к двери, где он мог бы поговорить с ней.

На полпути он столкнулся с Рольфом.

- Привет, товарищ! Ты в спешке забыл свои глаза? Борец поприветствовал его, схватив за плечи и кружа, пока тот пытался пройти. "Ты выглядишь кислым, как вчерашнее пиво. Что ты отдашь, чтобы услышать хорошие новости?"

- Ничего. Отпусти меня. Я спешу, - кипятился Элвин.

- Вы ведь не пересилили своего любопытства, не так ли? Я только что узнала, почему Торхильд больше не разговаривает с Эриком и почему он в настроении все крушить.

- Почему? - нетерпеливо спросил Элвин; но он больше не сопротивлялся, так как знал, что в руках Рольфа это бесполезно.

- Потому что прошлой ночью Торхильд сказала Эрику, что стала христианкой. Ее служанка рассказала Хельге, и когда я встретил Хельгу...

- Познакомился с ней? Где? Она в женском доме?

Рольф потряс его за плечи, которые все еще держал. - И это все, что ты можешь сказать в ответ на столь важную новость? Разве ты не видишь, что теперь, когда Торхильд обращена, люди Эрика больше не посмеют противостоять нам; иначе со временем, когда она приведет Эрика в чувство...

- Слушай, а где ты познакомился с Хельгой? взревел Элвин.

Рольф отпустил его и стоял, глядя на него с непроницаемой улыбкой. - Если бы я не был твоим заклятым другом, я бы с удовольствием свернул тебе шею, - сказал он. - Я встретил Хельгу вон там, у ворот. Она собиралась зайти к Глуму Старкадссону, чтобы купить что-нибудь для Торхильд, а также потому, что ей захотелось прогуляться по твердому снегу.

- Это далеко отсюда? И в каком направлении?

- С какой целью вы хотите это знать?

- Я спрашиваю вас, в каком направлении он находится.

"Троль тебя заведи!" Рольф со смехом сдался. - Он находится к северу от фиорда, за мостом, пересекающим реку, протекающую по долине. И это недалеко. Разве ты еще не узнал, что в Гренландии люди не совершают долгих прогулок зимой?"

Элвин натянул капюшон поверх кепки, еще плотнее запахнул плащ, вытащил из-за пояса пару варежек на пуховой подкладке, надел их поверх перчаток и, не сказав больше ни слова, повернулся и направился к воротам.

Стояла великолепная погода, сухая и ясная, и такая тихая, что холод почти не проникал в его подбитую мехом одежду. Все покрывал снег, мелкий, плотный и ослепительный. Гладкое белое пространство наводило на мысль о том, что он пожалел, что не захватил с собой лыжи, которыми учился пользоваться; затем вид ряда валунов, которые ему пришлось бы объезжать, заставил его порадоваться, что он этого не сделал. Далеко впереди вздымалась сверкающая стена внутреннего льда — таинственного замерзшего моря, покрывающего всю Гренландию, кроме самой ее границы, и никогда не наступающего и никогда не отступающего. Интересно, подумал он, что заставило его остановиться здесь? И что лежит за ним? И могут ли быть правдой

те сказки, которые рассказывали старые женщины об ужасных волшебных существах, живущих на его безмолвных замерзших вершинах?

Вид темного пятнышка, движущегося по белой равнине далеко впереди, прогнал все остальные мысли. Возможно, это была Хельга. Он с жадностью принялся за еду. Затем он нырнул в долину и потерял пятнышко из виду, нашел его на мосту, снова нырнул, и оно снова пропало из виду.

Только когда забор фермы Глума Старкадссона стал отчетливо виден, он бросил на него еще один взгляд. Но на этот раз оно приближалось к нему, со стороны ворот.

Несомненно, этот длинный малиновый плащ и широкий малиновый капюшон принадлежали Хельге. Через мгновение она помахала ему рукой. Вскоре он смог разглядеть ее лицо под белой меховой оторочкой. Ее алые губы изогнулись в улыбке. Сияние снега подчеркивало ослепительную белизну ее жемчужной кожи, а глаза были похожи на две сияющие голубые звезды. Элвину показалось, что он никогда раньше не знал, насколько она красива. Им овладела странная застенчивость, которая отягощала его ноги и не давала ему сказать ни слова, когда они встретились.

Но Хельга весело приветствовала его. - Ты когда-нибудь дышал более чистым воздухом? Я бы хотела, чтобы у Торхильд каждый день на неделе заканчивались золотые нити. Ты куда-то спешишь?

— Нет, - нерешительно начал Элвин, - я...

Она не стала дожидаться конца. - Тогда пройди со мной немного назад, и я скажу тебе кое-что, что стоит услышать.

Он послушно повернулся и пошел рядом с ней, пытаясь придумать, как выразить то, что он пришел сказать.

- Ты помнишь, что слышал об отце Эгиля Олафе, который был таким вспыльчивым, что Эгиль не осмеливался пойти домой и признаться, что стал христианином? Гуннлауг Старкадссон вернулся сегодня утром из визита к своей жене, и она говорит, что прошлой ночью лошадь старика сбросила его так, что он ударился головой о камень, и это стало причиной его смерти.

Она выдержала внушительную паузу, но Элвин молча зашагал дальше, глубоко увязая каблуками в снегу.

- Ты что, не понимаешь, что это значит? нетерпеливо спросила она. - Теперь Эгиль получит свое наследство и станет одним из богатейших людей в Поселении.

Беда была в том, что в первую же вспышку Элвин увидел все это слишком ясно. Он видел, что теперь Эгил станет именно таким человеком, с которым Лейф хотел заключить сделку. Эта мысль обожгла его, как раскаленное железо, и он открыл рот, чтобы излить свое безумие, но не смог подобрать слов.

Через мгновение он угрюмо сказал: "Я был бы благодарен, если бы он оставил службу у Лейфа, чтобы я мог иногда разговаривать с тобой, не заставляя его следить за мной, как собаку за кроличьей норой".

Хельга повернулась к нему с откровенным интересом. - Я тоже удивляюсь этому. Он так себя не ведет, когда я разговариваю с Сигурдом или Рольфом. Но с другой стороны, он очень странно вел себя со мной с тех пор, как два сезона назад разговаривал со Скроппой в Исландии ".

- Он говорил мне о Скроппе, когда я увидел его в первый раз, - рассеянно сказал Элвин. Затем в нем проснулось любопытство. - Я бы хотел, чтобы вы сказали мне, что означает "Скроппа". Я не знаю, человек это, зверь или демон.

Даже там, на открытом месте, Хельга огляделась в поисках слушателей, прежде чем ответить. "Скроппа - знающая женщина, которая живет в беспокойных местах к северу отсюда, в хижине внизу, в лощине. Хотя Лейф и не признает этого, именно она сняла проклятие с меча Эрика.

Элвину показалось, что наконец-то появилась лазейка. Он резко сказал: "Интересно, хватит ли у нее мудрости сказать, на ком Лейф женит тебя до окончания пира?"

Хельга остановилась и посмотрела на него. - О чем ты говоришь?

Он остановился перед ней с яростным жестом и в одном гневном порыве рассказал ей все, что услышал. Он не мог понять, как она может так спокойно слушать, пиная снег носком туфли.

Когда он закончил, она тихо сказала: "Да, я знаю, что у него на уме именно это намерение. Именно по этой причине каждый раз, когда я иду на пир, он дарит мне дорогие украшения и заставляет меня носить их. Он был очень добр ко мне. Но не будем больше говорить об этом".

Элвин грубо схватил ее за запястья и слегка встряхнул, глядя ей в глаза. - Ты не должна позволять ему женить тебя на ком-либо. Ты слышишь? Ты *не должна*, я тебя люблю.

Негодование на лице Хельги сменилось выражением приятного удивления, и она сердечно пожала ему руку. - Ты правда, товарищ? Я рад, потому что ты мне действительно очень нравишься — так же сильно, как мне нравится Сигурд.

- Тогда поклянись своим ножом, что ты не позволишь ему женить тебя на ком бы то ни было.

Она немного нетерпеливо отдернула руки. - Почему ты спрашиваешь о том, что бесполезно?

- Но ты только что сказал, что я тебе нравлюсь.

- Да, но какое это имеет значение, если я не могу выйти за тебя замуж?

Ярмо рабства стало таким легким на плечах Элвина, что он почти забыл о его существовании. Он открыл рот, чтобы спросить: "Почему?" Потом до него дошло, что он раб, никчемный, беспомощный рабский пес. Он снова сжал губы и пошел дальше, не говоря ни слова, глядя перед собой свирепыми, полными отчаяния глазами.

ГЛАВА XVIII

ЛОГОВО ВЕДЬМЫ

В меру мудрым
Должен быть каждый,
Но никогда не переборщит с мудростью:
О своей судьбе
никто не узнает заранее;
Его разум будет наиболее свободен от забот.
Хавама'л

Поскольку был канун Йоля, давно заброшенный храм на равнине был наполнен светом и звуками. На полу полыхали костры; ряд позолоченных идолов выступил из тени и засиял во всем своем великолепии. Алтари покраснели от крови зарезанного скота; обтянутые гобеленами стены были забрызганы ею. Жрец храма окунул пучок веток в наполненную до краев медную чашу и окропил жертвенной кровью людей, сидевших вдоль стен ... Они подняли освященные рога и произнесли священные тосты. За Одина! За победу и могущество. За Ньерда! За Фрейра! За мир и хороший год... Эрик из Браттахлида возложил руки на кабана искупления и дал торжественную клятву вершить правосудие над всеми людьми, каковы бы ни были их проступки. Остальные последовали за ним в этом, как и во всем остальном.

Поскольку это происходило в храме, Браттахлид, источник света и хорошего настроения, был темным и мрачным. В большом зале не было никакого освещения, кроме мерцающего пламени камина. Черные тени заполняли углы и тянулись по потолку. На длинных скамьях не было никого, кроме последователей Лейфа и группы женщин Торхильд. Мужчины сидели, как ряд автоматов, размеренно выпивая в глубоком молчании, украдкой поглядывая на своего лидера. Лейф откинулся на спинку своего высокого сиденья, не говоря ни слова и не выпивая, хмуро глядя на пламя.

"Он злится, потому что Эрик продолжает совершать языческие жертвоприношения", - шептали женщины друг другу на ухо. "У него весь характер Эрика, когда он сердит. Приблизиться к нему сейчас стоило бы чьей-нибудь жизни. Дрожа от волнения, они присели на скамейку рядом с креслом своей госпожи.

Торхильд облокотилась на подлокотник своего кресла, прикрыв лоб рукой, чтобы невидимым смотреть на Лейфа. Иногда ее взгляд останавливался на его лице, а иногда останавливался на серебряном распятии, которое сияло у него на груди; и так велика была ее нежность к одному, что она обняла и другого с выражением страстной любви.

Когда домашние рабы убрали со столов, они забрались в угол и остались там, боясь даже подойти и подбросить дров в угасающий огонь, хотя через разбитое окно позади них врывались порывы пронизывающего холода.

Как они ни мало об этом догадывались, через дыру в окне проникало что-то помимо холода. Даже когда они дрожали и кивали под ним, пара серых саксонских глаз бросала сквозь него пронизательные взгляды, обшаривая каждый уголок.

Когда глаза снова обратились к внешней темноте, голос Элвина прошептал с долгим вздохом облегчения: "Я уверен, они не заметили, что мы вышли".

Из темноты мягко донесся голос Сигурда: "Карк там?"

- Я думаю, он все еще в своем углу. Свет плохой, и языки пламени прыгают между ними, но мне кажется, что я могу его разглядеть.

Они вышли из тени на лунный свет, и стало видно, что Сигурд с сомнением качает головой.

- Мне также кажется, что я услышал, как за нами скрипнула дверь, и увидел тень, проскользнувшую мимо, когда мы поворачивали за угол. Он всегда начеку; вполне может быть, что наш выход вызвал у него подозрения, и он прячется где-нибудь, чтобы выследить нас. Больше всего на свете он желает уличить тебя в каком-нибудь неповиновении".

Элвин упрямо шагнул вперед. Судя по всему, двор был пуст, как кладбище в полночь. Даже лошадиное ржание не нарушало тишины. Они вошли в тень склада, и Элвин нырнул в нишу под ступеньками и начал шарить в поисках чего-то спрятанного там. Когда он вытащил пару лыж и начал надевать их, Сигурд разразился еще большей яростью.

"Элвин, я умоляю тебя прислушаться к моему совету. Мой разум подсказывает мне, что вмешательство в дела Скроппы не принесет ничего, кроме зла. Гневу Лейфа не будет предела, если он..."

- Говорю тебе, он ничего не узнает, - бросил Элвин через плечо. "Его мысли настолько заняты злодеяниями Эрика, что он не заметит моего отсутствия до того, как я вернусь снова. И сегодняшняя ночь - единственная, когда за мной не следят люди Эрика. Это мой единственный шанс.

— И все же Карк...

"Карк может попасть в руки троллей!"

- Не исключено, что ты будешь сопровождать его. Ты совершаешь великий грех. Харальд Прекрасноволосый сжег заживо своего сына за вмешательство в колдовство.

Хотя пальцы его ног были вцеплены в ремни лыж, похожих на бегунки, Элвин раздраженно топнул ногой. - Тебе не нужно повторять мне это снова. Я не хуже тебя знаю, что это грех. Но разве покаяние не исправит это?"

- Ты опозоришь святую миссию Лейфа.

"Я не стану ни с кем ссориться и никого обижать. Какой вред я могу причинить?"

Сигурд положил руки на плечи друга и попытался разглядеть его лицо в темноте. "Брось это, товарищ; я умоляю тебя, брось это. Если вас обнаружат, я говорю вам, что, хотя священник может добиться для вас прощения с Небес, никакая сила на земле не сможет помирить вас с Лейфом Эрикссоном".

Элвин медленно произнес: "Если он узнает, что я сделал, я вынесу любое наказание, которое он выберет, потому что я обязан повиноваться ему, пока ем его хлеб и ношу его одежду. Но я не его прирожденный раб, поэтому сначала поступлю по-своему. Не уговаривай меня больше, брат; я твердо решил.

Сигурд мгновенно отпустил его. — Я больше ничего не скажу, кроме того, что намерен попытаться счастья с вами. Наклонившись к нише, он вытащил еще одну пару лыж и начал их надевать.

От перспективы общения Элвин почувствовал прилив облегчения, а затем и угрызения совести.

"Сигурд, ты не должен этого делать. Нет причин, по которым ты должен так рисковать".

"У тебя не было бы причин называть меня своим другом, если бы я поступал иначе", - резко оборвал его Сигурд. "Ты считаешь меня трусом, чтобы отпустить тебя одну туда, где тебя могут обмануть или убить? У тебя есть оружие?"

- Лейф не позволяет мне даже кинжала, поэтому сегодня вечером я позаимствовал у него со стола старый нож с медной рукоятью, который Эрик подарил ему в детстве. Маловероятно, что он пропустит это. Оно у меня здесь. Откинув плащ, он показал его, заткнутое за пояс.

"Тогда пойдем", - коротко сказал Сигурд. "И позаботься о своих лыжах. Ты еще не слишком искусен.

Он схватил длинный посох, который служит чем-то вроде балансира при прыжках в воду, и бросился прочь. Элвин последовал за ним, время от времени тыча посохом в тень, которая казалась гуще, чем должна была быть. Через боковую калитку они покинули двор и направились через поля, где снег был утрамбован так же плотно, как дорожное полотно. Бесшумные, как птицы, и почти такие же быстрые, они скользили над покрытыми снегом равнинами и наполовину замерзшими болотами.

Как и следовало ожидать, молодой викинг оказался экспертом. Видеть, как он мчится вниз по склону холма с молниеносной скоростью, его лыжи так четко параллельны, как будто они были сделаны из цельного куска, его грациозно изгибающееся тело, балансирующее, рулевое управление - это было почти то же самое, что летать. Бегуны Элвина не раз подбрасывали его, налетая друг на друга, когда он зигзагами взбирался по склону, так что он спотыкался и катился, пока его не остановил сугроб.

Когда он поднялся на ноги после одного из таких перерывов, то отпустил какое-то сердитое замечание, но кроме этого было сказано мало. Это была унылая ночь для выполнения сверхъестественного поручения, с холодом в воздухе, который, казалось, замораживал сердце. Порывистый, злобный ветер гнал облака, как испуганных овец, и норовил задуть бледную терпеливую луну. Иногда казалось, что это почти удастся; внезапно, когда они больше всего нуждались в свете, чтобы направлять своих шестифутовых бегунов между огромными валунами, свет гас, как факел в воде. Порывы ветра подстерегали их за углами, чтобы выскочить наружу и хлестнуть по лицам с таким визгом, что у них застучали зубы. Затишья между порывами ветра были еще хуже; казалось, весь мир в ужасе затаил дыхание. Они держали свои, бросая тревожные взгляды на стену ледника, сверкающую далеко впереди.

Когда долгий, низкий вой донесся до их ушей, их сердца подскочили к горлу. Они шли по краю черного ущелья. Остановившись, они стояли, затаив дыхание, глядя вниз, в темноту.

Крик раздался снова, еще более пронзительный; затем внезапно он перешел в шипение, похожее на звук закипающего чайника. Элвин нервно рассмеялся. - Кошки! - сказал он.

Но Сигурд напрягся так же быстро, как расслабился. - Одна из Скроппы! Она кишит ими. Смотри! Разве это не свет там, внизу?"

Внезапное мерцание там определенно было, если только это не был призрачный огонь. Последнее облачко скрылось за ликом многострадальной луны; прежде чем ветер успел поднять еще одну пушистую стайку, бледный свет спустился в лощину и высветил темные очертания хижины, прилепившейся среди скал.

Элвин выскользнул из лыж и проверил наличие ножа. - Значит, это ее дом. Лыжи мы оставим здесь.

"Хотя ты никогда не был известен тем, что прислушивался к советам, я предложу тебе еще кусочек", - ответил Сигурд. "Мы должны идти тихо; и если мы обнаружим, что дверь не заперта, входите быстро и без стука. В противном случае, возможно, мы останемся снаружи и поговорим с камнями".

Это был утомительный спуск, но почему-то время казалось достаточно коротким, прежде чем они оказались на пороге. Тишина на дне лощины была подобна смерти; только мерцающий свет в окне говорил о жизни. Дверь бесшумно поддалась прикосновению Элвина.

Темнота и угасающий огонь - вот и все, что предстало их взорам. Они подумали, что комната пуста, и сделали шаг вперед. Мгновенно пространство ожило зелеными глазами бесчисленных кошек. Воздух сотрясся от воя, плевков и шипения. Мягкие мохнатые тела налетали на них, кусали и царапали их за ноги. Из самого дальнего угла донесся шепелявый голос беззубой старухи.

"Кто смеет прерывать мой сон, когда видения того, что я хочу знать, проходят передо мной? Для него было бы лучше засунуть руку в пасть Фенривольфу.

- Это английский раб, - медленно произнес Элвин.

После паузы голос сердито ответил: "Я не знаю английского тралла".

- Тогда как получилось, что больше года назад вы рассказали о нем нечто такое, что сделало Эгиля Олафссона его смертельным врагом?

Из темноты внезапно донесся кудахтающий смех. - Это правда. Я сказал Черному, что девушка, которую он любит, полюбит английского раба. И он хотел проткнуть меня своим мечом!"

- Это то, что ты ему сказал? - изумленно воскликнул Элвин.

Сигурд повторил этот крик. И все же, вспоминая странные действия Эгиля, они не сомневались, что это был ключ, открывающий их тайну.

Из невидимого угла донеслось шевеление, скрип, а затем звук шагов, мягко ступающих по полу. Крошечная фигурка появилась на границе теней за догорающим костром. Свет упал на мохнатые серые лапы; и первой мыслью Элвина было, что на землю упала чудовищная кошка. Затем пламя взметнулось выше и показало меховой плащ и меховой капюшон, а из его

пушистых глубин торчал острый желтый клюв вместо носа и волосатый желтый козырек вместо подбородка. Что касается глаз, то они вообще ничего не видели.

Из нечетких глубин донесся шепелявый голос. "Когда раб Лейфа Эрикссона, который также является христианином, считает, что стоит рискнуть своей жизнью и душой, чтобы посоветоваться со мной, я прощаю ему, что меня будят в полночь. То, что я не обижаюсь, - это комплимент моим способностям. Скажи, чему ты хочешь у меня научиться.

Олвин почувствовал, как Сигурд укоризненно дотронулся до него, и стыд залил его щеки; но он зашел слишком далеко, чтобы отступать. Он сказал прямо: "Я хочу знать, будет ли Хельга, дочь Джилли, отдана Эгилю. Каждый раз, когда он обращается к ней через весь зал, я чувствую себя так, словно меня укололи острыми ножами. Я терпел это в течение трех праздников, но я смотрю на нее с такой любовью, что больше не могу этого выносить".

- Я затуплю эти ножи, как Один затупляет оружие своих врагов. Хельга не будет отдана Эгилю, потому что он слишком высокомерен, чтобы просить за нее, поскольку знает, что она любит тебя, а не его.

Элвину казалось, что если бы он только знал это, то был бы удовлетворен; но теперь его вопросы громоздились друг на друга.

- Тогда ты обещаешь, что она будет отдана мне? Как мне спасти ее? Как мне получить свободу? Как долго мне еще ждать?

Сивилла опустила голову на грудь, так что ее нос и подбородок совсем исчезли, и она стояла перед ними, как какое-то мохнатое обезглавленное животное. Наступила долгая пауза. Элвин нервно следил за парами глаз, бесшумно появлявшихся и исчезающих от пола до потолка в каждой части комнаты. Сигурд прислонился спиной к двери и продолжил молчаливую борьбу с тяжелыми комками, повисшими зубами и когтями на его плаще.

Наконец Скроппа подняла голову и, запинаясь, ответила: "Ты просишь слишком многого, судя по времени и месту. Чтобы понять все это ясно, я должен сидеть на помосте ведьм и есть ведьмин бульон, а женщины стоят вокруг меня и петь странные песни. Без музыки духи не любят помогать. Я вижу только обрывки, смутно, как сквозь туман... Я вижу твоё тело, лежащее на земле, Я вижу корабль там, где никогда раньше не видели кораблей, я вижу — я вижу Лейфа Эрикссона, стоящего на земле там, где никогда раньше не стоял человек. Мне кажется, я прочел на его лице великую удачу... И я вижу тебя, стоящего рядом с ним, хотя ты выглядишь не так, как сейчас, потому что у тебя длинные черные волосы. Свет настолько ярок, что я не могу... Да, моему взору открыто еще кое-что. Я вижу, что именно в этой новой стране решится, будет ли вам сопутствовать удача".

Она остановилась. Они ждали, что она продолжит; но вскоре стало очевидно, что предсказание завершено. При всем своем благоразумии Сигурд расхохотался, а Олвин разразился гневом: "За что, болтун? За что? Я ничего не могу разобрать в этом жаргоне. Скажи мне простыми словами, будет ли это хорошо или плохо".

Скроппа ответил всего одним словом: "Жаргон!"

Элвин продолжал бушевать, не обращая внимания, но смех Сигурда оборвался: что-то в тоне этого единственного слова охладило его кровь и сковало мышцы, как мороз. Он напряг глаза,

чтобы проникнуть сквозь тень и разглядеть, что она делает; и ему показалось, что он больше не видит ее. Она исчезла, — куда? Во внезапной панике он нащупал за спиной дверь; нашел ее и распахнул. Хорошо, что в этот момент светила луна.

"Элвин!" - крикнул он. Желтое лицо было близко к плечу бессознательного раба; одна зловещая рука, похожая на клешню, была почти у его щеки. Что бы она сделала, знала только она одна.

Пока его крик еще висел в воздухе, Сигурд оттащил своего спутника в сторону и вывел за дверь. Вверх по склону они поднимались, как кошки. На вершине Элвин споткнулся, и его нож выскользнул из-за пояса и упал на валун. Он лежал там, блестя, но никто из них этого не заметил. Они встали на лыжи и двинулись по покрытым коркой равнинам — северный олень не смог бы их догнать.

ГЛАВА XIX

СКАЗКИ О НЕИЗВЕСТНОМ ЗАПАДЕ

Огонь необходим
тому, кто пришел сюда,
И у кого замерзли колени;
Пища и одежда
Нужны
человеку, Который много путешествовал.
Хавама'л

- Я говорю вам, что должен еще раз пройти по трассе. Возможно, он выскользнул у меня из-за пояса в тех местах, где я споткнулась.

Слова Элвина поднялись морозным облаком, потому что он был в неотапливаемой спальне Лейфа и натягивал лишнюю пару толстых шерстяных чулок, готовясь к своей обычной прогулке.

"Это глупость. Ты уже четыре раза исследовал землю, но так и не нашел ее. Длинный нож с латунным наконечником нельзя было бы не заметить, если бы он там был. Я говорю тебе, что ты потерял его среди камней лощины и что с твоей стороны было бы мудро отказаться от него.

Ответ Сигурда прозвучал приглушенно, но выразительно, потому что он почти скрылся из виду среди мехов на сундуке, ожидая, пока его товарищ закончит одеваться. Теперь, когда наступила настоящая зимняя погода, чердак был поневоле превращен в спальню; но он по-прежнему служил гардеробной для тех небольших и быстрых переделок, которые были предприняты.

Натягивая большие лыжные ботинки без каблуков, Элвин озабоченно вздохнул. - Я должен найти это. В любой день Лейф может хватиться этого и спросить.

- Вряд ли, поскольку прошла уже неделя, а он и не заметил ее отсутствия. И если он это сделает, вам нужно только сказать, что вы позаимствовали его, чтобы защититься от волков. Это не будет большой ложью, поскольку Скроппа ближе к волку, чем к человеку. Он почувствует, что был неправ, отказав вам в оружии, и лишь немного поругается.

"Это правда, что он снова в хорошем настроении", - признал Элвин. "Вчера я слышал, как Тюркер говорил Вальбранду, что многие другие вожди спрашивали о христианстве; а прошлой ночью, после того как Эрик уснул в своем кресле, я слышал, как Лейф сказал Торхильд, что если бы сейчас он только мог совершить какой-нибудь великий поступок, чтобы доказать могущество своего Бога, то, по его мнению, половина Гренландии была бы готова поверить".

Сигурд, дрожа, выбрался из медвежьих шкур. - Я ничего не имею против. Но давай закончим этот разговор. Капли моей крови так замерзли, что гремят по всему телу".

Он скатился по ступенькам, словно окоченев от холода, и прыгал, и танцевал, и бил себя в грудь, прежде чем смог заставить себя постоять спокойно достаточно долго, чтобы надеть лыжи.

- Тогда куда мы пойдем? - Спросил Элвин, когда они выскользнули за ворота в тусклом свете арктического зимнего дня. - Может статься, что повторный переход по этой дороге обернется несчастьем. Однажды я увидел, как Карк смотрит нам вслед с ухмылкой, которую я бы сбил с его лица, если бы не спешил".

Сигурд мгновенно повернулся лицом к покрытым снежной коркой холмам, которые лежали между ними и фиордом Эрика. - Тогда сегодня будет полезно пойти в другом направлении, чтобы его подозрения снова улеглись. Если бы Торхалль был дома, он догнал бы тебя раньше. Его зеленые глаза хорошо приспособлены для слежки.

Возможно, именно это упоминание о зеленых глазах напомнило Элвину сцену предсказания. Возможно, это никогда не выходило у него из головы.

После того, как они некоторое время качались в молчании, наслаждаясь быстрым движением и ответным трепетом в крови, он резко сказал: "Возможно, в конце концов, в ее устах была доля правды".

Сигурд сделал хитрое движение своим посохом, так что противник внезапно споткнулся и упал ничком; после чего он серьезно сказал: "О, я тоже так думаю, ибо вот, уже сбылось то, что "Я вижу твоё тело, лежащее на земле"".

Элвин позволил себе рассмеяться, когда он поднялся и распутал свои полозья; но он был слишком серьезен, чтобы его можно было оттолкнуть.

- Я имею в виду не это, - сказал он, когда они снова пришли в движение. "Я имею в виду то, что она рассказала о какой-то новой нехоженной земле".

Сигурд мгновенно стал внимательным, как будто это упоминание было и у него в голове.

- Мне пришло в голову, что, возможно, она говорила о той западной стране, о которой ты мне рассказывал. Возможно, это было бы выходом из моих затруднений. Если бы я мог сбежать в ту страну с Хельгой, я бы сразу же спас ее и обрел свободу".

Глаза Сигурда заблестели, затем снова помрачнели. - Да, но это "если" похоже на трещину во льду шириной в милю. Ты никогда не сможешь прийти в себя от этого".

- Возможно, мне удастся обойти это. Говорю вам, я сойду с ума, если не увижу какой-нибудь след, по которому можно идти, каким бы слабым он ни был. Расскажи мне, что еще ты знаешь об этой земле.

Они начали спускаться по склону со скоростью ветра, но Сигурд внезапно подпрыгнул в воздух с радостным криком; и снова заорал, приземлившись правым боком вверх и не пошатываясь, у подножия холма.

- Клянусь Майклом, я придумаю кое-что получше! Я отведу тебя поговорить с одним из людей Биорна. Один из них сейчас в гостях у Арана Боубендера, на другом берегу фиорда. Я слышал, как Бранд Кнутссон говорил об этом на прошлой неделе".

- Клянусь честью, Сигурд, - нетерпеливо воскликнул Олвин, - когда вещи вот так попадают в руки, я думаю, это знак того, что он должен попытаться с ними счастья! Будет ли у нас время съездить туда сегодня?

- Конечно; разве ты не видишь, что свет на вершинах гор только-только угасает? значит, сейчас немногим больше полудня. Единственная трудность заключается в том, что лед может оказаться не в том состоянии, чтобы мы могли пересечь фиорд. Теплый ветер с суши дует уже три дня; и даже на Севере, куда отправляются охотники на тюленей, лед часто трескается под ними. Но теперь позвольте мне сориентироваться. Это дым над Браттахлидом, позади нас; а вон там я вижу крыши корабельных ангаров Эрика. Вот, — мы пойдем в этом направлении, пока не доберемся до высокой точки берега".

По белой равнине, простиравшейся в том направлении, они скользили соответственно. Однажды они наткнулись на стадо северных оленей Эрика, копавшихся под снегом в поисках мха; но, кроме этого, они не увидели ни одного живого существа. Низко нависшие серые тучи, казалось, закрыли мир. Время от времени издали, с открытой воды, доносился скрежет огромных ледяных глыб, проплывающих друг мимо друга. Однажды раздался раскатистый гром двух айсбергов, сошедшихся в поединке.

- Если на том льду и были медведи, то к этому времени они поняли, что могут быть вещи и похуже людей с копьями, - заметил Сигурд, прислушиваясь.

Сомнительно, слышал ли Элвин вообще этот шум. Он рассеянно ответил: "Да, и если мы не хотим сразу переходить к этому предмету, мы можем сказать, что замерзли и зашли погреться".

"Сказать, что нам холодно, всегда будет правдой", - согласился Сигурд, его зубы стучали, как четки. "Я не верю, что Старк-Оттеру было намного холоднее, когда он снял одежду и сел в сугроб".

Это оказалось даже более правдиво, чем они себе представляли. Не успели они отойти от берега и выйти на лед, как легкий восточный ветер перерос в шторм, который вскоре окутал их ослепляющими складками снежной бури. Лед становился невидимым на шаг впереди их ног. Они сохранили свои посохи, когда оставили лыжи на берегу; но даже нащупывать дорогу шаг за шагом было отнюдь не безопасно. Прошло совсем немного времени, прежде чем Элвин провалился по шею; и если раньше ему было неудобно, то теперь он оказался в ужасном положении, промокнув до нитки ледяной водой.

"Если ты тоже окажешься в таком состоянии, мы оба погибнем", - пробормотал он, когда ему удалось снова выбраться наружу благодаря счастливой случайности - его посох упал поперек ямы. "Я по-прежнему буду идти первым; а ты копи свои силы, чтобы спасти нас обоих, когда я стану слишком окоченевшим, чтобы двигаться". Это оказалось мудрой предосторожностью, потому что через несколько минут он снова прорвался, и его товарищу потребовались все усилия, чтобы вытащить его. Прежде чем они достигли противоположного берега, он побывал на нем четыре раза и так окоченел от холода, что Сигурду пришлось тащить его вверх по берегу в хижину Арана Боу-Бендера.

От него осталась только одна комната с низким потолком, прокуренная и грязная, в воздухе стояли запахи несвежей кухни и заплесневелой меховой одежды. Повсюду валялись собаки, а в углу был загон для коз; но в центре пылал огонь, вокруг него стояло кольцо дымящихся горячих напитков, а за ними сидели кружком веселые спортсмены, которые, казалось, не искали большего удовольствия, чем снять с незнакомца промокшую одежду, растереть его до мурашек и напоить горячей пряной жидкостью.

О возвращении в ту ночь не могло быть и речи. Элвин был слишком измучен, чтобы даже думать об этом, — если не считать сонного раздумья о том, будет ли нагоняй или порка наказанием за его невольный прогул. Он даже забыл о существовании человека, к которому пришел повидаться, хотя круглый краснолицый моряк дремал в углу прямо напротив него.

Сигурд, однако, был менее сбит с толку; и, кроме того, у него были серьезные возражения против возвращения на следующее утро, чтобы над ним посмеялись из-за его глупости насчет погоды.

"Если мы не хотим, чтобы над нами смеялись, было бы целесообразно взять кого-нибудь с собой, чтобы отвлечь внимание людей", - рассуждал он и соответственно строил планы. На следующий день, когда они начали застегивать свою разнообразную верхнюю одежду, готовясь к отъезду, он внезапно вмешался в разговор, упомянув о празднествах в Браттахлиде.

Через мгновение глаза моряка открылись, как два круглых окна, над его толстыми щеками.

Среброязык продолжал рассказывать о продуктах браттахлидской кухни, о жирных телятах, которых забивали каждую неделю, о окороках и мясе, которые доставали из кладовой, и о бочонках с элем, которые открывали.

Когда он в последний раз топнул сапогами и протянул руку к двери, моряк Греттир поднялся из своего угла.

-Держись, сын Ярла, - хрипло сказал он. - Если это не противоречит вашему желанию, я пойду с вами. - Он сделал умиротворяющий жест в сторону группы вокруг костра. - Вы не обидитесь, товарищи по кораблю, если я сейчас покину вас с большой благодарностью за хорошее развлечение. Правда в том, что я всегда думал посетить этот знаменитый Эрик, если когда-нибудь окажусь в этой части Гренландии; и теперь, когда кто-то направляется туда, чтобы вести меня, я думаю, было бы неразумно упускать этот шанс ".

- Все будет так, как ты решил, Греттир, - вежливо сказал Сигурд, - если ты сможешь побегать с нами на лыжах.

Греттир весело расхохотался, беря себе пару полозьев, которые стояли на оленьих рогах у стены. - У тебя хитрый ум, Сигурд Ярлссон. Ты думаешь, раз я круглый, то имею обыкновение кататься, как бочка. Я тебе покажу.

И это доказывало, что, несмотря на всю свою массивность, он был так же легок на ногах, как и любой из них. В те дни, когда каждый сухопутный житель умел обращаться с лодкой, как моряк, каждый моряк знал хоть что-то о сельском хозяйстве и умел ездить верхом, как жокей. Всю обратную дорогу он поддерживал их в темпе, от которого у них перехватывало дыхание.

В волнении от встречи столь известного персонажа в Браттахлиде были забыты и выговоры, и любопытство. К тому времени, как они пристроили его за рогом с элем на скамье в холле, он безраздельно завладел вниманием домочадцев. Добродушный от застолья и воодушевленный вавилонской суетой вокруг, он начал плести пряжу при первом же намеке.

- Западный берег? Ни один живой человек не сможет рассказать вам о его чудесах больше, чем я, даже сам Бьорн Херюльфссон! он заявил. И тут же он рассказал обо всем приключении, начиная с опрометчивого путешествия Биорна в неизвестные моря и заканчивая его последним прибытием на побережье Гренландии.

Услышать об этих странных полумифических берегах от того, кто видел их собственными глазами, было более чем интересно. Сыновья ярла слушали, затаив дыхание, пока он рассказывал свою историю между глотками.

И попутные ветры прекратились, и постоянно дули северные ветры с туманом, так что в течение многих дней мы даже не знали, в каком направлении плывем. Затем показалось солнце, и мы смогли различить четверти неба. Мы подняли паруса и плыли весь день, прежде чем увидели землю, но когда мы подошли к ней, то знали о ней не больше, чем об этом роге. Бьорн сказал, что, по его мнению, это не Гренландия, но он хотел бы побывать рядом с ней. Там не было гор, кроме невысоких холмов, и все было покрыто лесом. Мы держали сушу слева от нас и плыли два дня, прежде чем достигли другой земли. На этот раз она была плоской и покрытой лесом. Бьорн сказал, что, по его мнению, это не Гренландия, поскольку, как говорят, там очень большие ледники. Мы хотели сойти на берег, так как у нас не было ни дров, ни воды, а попутный ветер стих. Было несколько резких слов, когда Биорн отказался, но отдал приказ повернуть нос в сторону моря. На этот раз мы плыли три дня при юго-западном ветре, и впереди показалась еще одна земля, высоко вздымавшаяся горами и ледником. Бьорн сказал, что у этого места негостеприимный вид, и он также не позволил бы нам высадиться здесь. Но мы проплыли вдоль

берега и увидели, что это остров. После этого у нас больше не было шансов, потому что четвертой землей, которую мы увидели, была Гренландия".

Со всех сторон поднялся гул комментариев. "И это все, что ты сделал из такого шанса?" — "Конечно, боги тратят свои милости на таких, как Бьорн Херюльфссон". — "Он трус или чего ему не хватает?" - Он тупой, как деревянный меч.

Совпадало ли все это с частным мнением Греттира Толстого или нет, не имеет никакого отношения к делу. Бьорн Херюльфссон был его начальником. Моряк внезапно вскочил на ноги, держа руку на ноже, с сердитым выражением на красном лице.

- Бьорн Херюльфссон не трус! - яростно крикнул он. "Я отомщу за это кровью на голове того, кто так скажет".

Эрика там не было, чтобы следить за порядком; дюжина ртов открылась, чтобы принять вызов. Но прежде чем они успели издать хоть какой-нибудь звук, Лейф поднялся на ноги. "Неужели вы такие невоспитанные мужланы, что я должен напоминать вам о том, что причитается гостю?" строго сказал он. "Научись быстрее проявлять свое гостеприимство и медленнее оценивать каждый поступок, который ты не можешь понять. Греттир, я приглашаю тебя сесть здесь, рядом со мной, и рассказать мне побольше о путешествии твоего вождя.

Когда Греттир гордо поднялся и занял свое почетное место, а остальные вернулись к своим блюдам с окороком и элем, Сигурд посмотрел на Элвина с комичной гримасой.

- Теперь я задаюсь вопросом, не превысила ли моя сообразительность, приведшая сюда этого парня, цель! Лейф жаждет прославиться; что, если ему взбредет в голову самому отправиться в это путешествие?

Элвин понизил голос до шепота: "Идея пришла мне в голову, как только он позвал к себе Греттира. Но это не твоих рук дело. Теперь доказана истинность поговорки о том, что "случается то, чему суждено случиться". Ты помнишь пророчество о том, что, когда я встану на эту землю, я буду стоять там рядом с Лейфом Эрикссоном?"

ГЛАВА XX

ПРОКЛЯТИЕ ЭЛВИНА

Все идет хуже, чем ожидалось.
Хавама'л

Свет короткого дня померк, но ветер не стих вместе с солнцем. Мелкий снег заволакивал воздух ослепительной бурей. Нельзя было различить ни одного дома, хотя он находился в футе от его глаз.

- Если я в ближайшее время не подойду к воротам, - заметил Элвин маленькому лохматому норвежскому пони, к шее которого он склонялся, - я подумаю, что заборы занесло снегом.

Его послали найти другого моряка Бьорна, который случайно оказался в гостях по соседству, пригласить его приехать в Браттахлид и рассказать, что еще он может знать о плавании своего шефа, — тема, которой Лейф почему-то заинтересовался. Элвин выполнил свое поручение и возвращался наполовину замерзший и с таким зверским аппетитом, что его вдвойне раздражало их медленное продвижение.

- Если мы не доберемся туда в ближайшее время, - повторил он пони, тыча его в бока, - я начну бояться, что сугробы занесли и дома, и мы уже едем по крышам, сами того не подозревая.

Но едва он произнес это, как по обе стороны от него поднялись высокие столбы ворот; и пони повернул налево и начал ощупью пробираться через двор к своей конюшне.

Окна большого зала сияли светом, и с каждым поворотом широкой двери в бурю врывались тепло, веселые голоса и ароматные запахи. Как только Элвин поставил свою лошадь в стойло, он нетерпеливо поспешил к ней и, притопывая и отряхивая снег, протолкался сквозь толпу домашних слуг, которые бегали в кладовую и обратно с мисками, подносами и кучей еды. Он надеялся, что Лейф был там, и ему не пришлось возвращаться через заснеженный двор на чердак, чтобы доложить о случившемся. Остановившись на пороге, он огляделся в поисках его, моргая от яркого света и отряхивая мокрый мех своего воротника.

Казалось, что все члены семьи, кроме Лейфа, бездельничали на скамейках, ожидая вечерней трапезы. Эрик облокотился на подлокотник своего высокого кресла, весело беседуя с Торхаллем, управляющим, который вернулся этим утром с охоты на тюленей. Торхильд склонилась над другой рукой и энергично жестикулировала ключами, давая своей экономке последние указания относительно еды. Чуть дальше Сигурд и Хельга сидели в кафе "шашлыки". Неподалеку, рядом с шахматной доской, лежал большой меховой шар, который был внешним и видимым признаком Тайкрера. Только мягкое сиденье Лейфа было пустым.

Элвин раздраженно нахлобучил на голову свою шапку из медвежьей шкуры и повернулся, чтобы вернуться по своим следам. Обернувшись, его взгляд упал на предмет, который Эрик только что взял у стюарда и поднес к свету, чтобы рассмотреть. Пламя жадно ухватилось за него, вспыхивая и искрясь, так что даже на таком расстоянии Элвин без труда узнал нож с медной рукоятью. Эрик разразился могучим хохотом. Его голос, никогда не слишком приглушенный, проник в каждый уголок комнаты. "Я могу поспорить головой, что это принадлежит Лейфу! Я сам подарил его ему для закрепления имени. И ты нашел это в логове Скроппы? О, это стоит послушать! Вот веселье! В логове Скроппы — христианин Лейф! Эй, Флейн, Асмунд, Адильс, товарищи, — послушайте это! Ни один шут никогда не придумывал такой шутки".

Он вскочил на ноги и поманил их обеими руками, притопывая от смеха. Заметив в дверях белое лицо Элвина — оно было пепельно—белым, — он поманил и его, разразившись новым взрывом злобного смеха.

А ты, маленькая кукла в одеянии священника, подойди поближе, чтобы не упустить ни слова. О, тебе будет очень весело! И тебе, моя Торхильд, и надменной Хельге! И старому седому Тюркеру тоже! Слушай теперь, Седобородый, и учись, даже стоя одной ногой в могиле. Я никогда не видел, чтобы ты играл в такую игру, в какую твой приемный сын играл с неизменным лицом! Он давился от смеха, так что лицо его побагровело; а домочадцы ждали, свесившись со скамеек, подталкивая друг друга локтями и перешептываясь; слуги уставились на блюда в своих руках; Элвин стоял у двери, неподвижный, как мертвый; Сигурд сидел, неподвижный, как мертвый, на своем месте.

Топая и раскачиваясь взад-вперед, колотя по подлокотнику своего кресла, Рыжий наконец перевел дух и проревел: — Лейф-христианин в логове ведьмы Скроппы! Его нож доказывает это; Торхалль нашел его среди камней у самой ее двери. Никогда не видел я такой хитрости! Подумайте об этом, товарищи; он вынужден просить помощи у Скроппы, — у того, кто притворно хмурится при одном ее имени! — у того, кто хочет заставить нас поверить в бога, в которого он сам не верит! Вот неслыханное двуличие! Такого мошенничества не было со времен Локи. Вот веселье для всех!"

Он продолжал выкрикивать это снова и снова, заливаясь издевательским смехом; его люди подталкивали друг друга локтями, хихикали, ухмылялись и выкрикивали насмешки через костер. Люди Лейфа вскочили, сгорая от ярости и стыда, — затем стояли безмолвно, не смея ни отрицать, ни возмущаться этим.

Элвин быстро шагнул вперед, туда, где свет камина открывал его взору всех присутствующих, и хрипло выкрикнул: "Вот ложь! Моя рука, и никто другой, отнесла нож Лейфа Эрикссона в логово Ведьмы Скроппы.

Движение и звуки на мгновение прекратились, как будто ледяной порыв ветра, ворвавшийся в этот момент через открывшуюся дверь, заморозил всю жизнь в комнате. Затем чей-то голос крикнул, что раб лжет, чтобы прикрыть своего хозяина; и смех Эрика разразился с новой силой, а насмешки удвоились.

Но голос Элвина заглушал все это. — Дураки! Стоит ли мне отдавать свою жизнь за ложь? Спроси Сигурда Харальдссона, если не веришь мне. Он знает, что я ходил туда в канун Йоля, чтобы спросить о своей свободе. Нож выскользнул у меня из-за пояса, когда я карабкался по скалам. Лейф знал об этом не больше тебя. Спроси Сигурда Харальдссона, если не веришь мне.

Сигурд поднялся и попытался заговорить, но язык у него во рту превратился в увядший лист, так что он смог только склонить голову.

Но с его стороны этого было достаточно. Такой рев восторга вырвался у людей Лейфа, что заглушил все насмешки, которые раздавались раньше, и заставил стропила зазвенеть от ликования. Элвин знал, что, что бы еще ему ни пришлось вынести, по крайней мере, эта ложь была не на его совести, и он глубоко вздохнул с облегчением. Свет не погас на его лице, даже когда Лист вышел из тени двери и встал перед ним.

Не солгала та, кто сказала, что огонь Эрика горел в венах его сына. В раскаленном добела гневом лицо гвардейца было ужасным. Смерть была в его сурово сжатых губах, и смерть пылала в его глазах. Рольф, Сигурд, Хельга, даже Вальбранд взывали о пощаде; но Олвин правильно прочел этот взгляд и не просил ничего такого, чего там не было.

Пока их крики все еще витали в воздухе, клинок Листа выскочил из ножен, задрожал на свету и скользнул вниз, прокусывая мех, волосы, плоть и кости. Не издав ни звука, Элвин тяжело рухнул вперед и растянулся ничком у ног своего хозяина.

Чтобы все знали, чья рука это сделала, Лист бросил окровавленный меч рядом с его жертвой и, не говоря ни слова, вышел из комнаты.

Затем произошла странная вещь. Хельга подбежала к тому месту, где лежала безжизненная грудa в расширяющейся луже крови, и, обхватив руками раненую голову, пролила на все еще белое лицо такие слезы, каких никто никогда не ожидал увидеть. Когда Торхильд пришла, чтобы увести ее, она закричала так, что все услышали:

- Неужели ты не понимаешь?— Я любила его. Я узнала об этом только сейчас. Я любила его всем сердцем, и теперь он никогда не узнает! Я...любила его.

ГЛАВА XXI

СЕРДЦЕ ДЕВЫ-ВОИТЕЛЬНИЦЫ

Скот умирает,
Родственники умирают,
Мы сами тоже умираем;
Но добрая слава
Никогда не умрет
У того, кто ее заслужил.
Хавама'л

На улице в воздухе чувствовалось весеннее движение; снег на холмах таял, на равнинах проросла трава. Встревоженное лицо Эдиты немного просветлело, когда она повернула по дорожке против солнца и почувствовала его тепло на своей щеке.

"Это дает ощущение, что растопит твои печали, как тает снег", - сказала она себе.

Затем она прошла через ворота во внутренний двор, где ее взгляд упал на спальню Лейфа, где Карк быстро взбегал по ступенькам; и сияние померкло.

- Но есть лед, который солнце не может растопить, - вздохнула она.

На пороге большого зала ее ждала Торхильд. Внутри царил полный беспорядок: мужчины расставляли столы и приносили солому; служанки расстилали вышитые скатерти и развешивали праздничные гобелены. Головной убор надзирательницы сбился набок, щеки у нее были как маки, а ключи постоянно звенели от ее суетливых движений.

Как только Эдита приблизилась на расстояние слышимости, она закричала: "Как долго тебя не было, маленькая ни на что не годная! Я четыре раза высматривала тебя. Астрид не было дома? Ты возвращался через Эрикс-фьорд и узнал, чей это корабль, который заходит?"

Маленькая служанка-саксонка сделала почтительный реверанс. Если при этом она и опустила глаза с легким смущением, то надзирательница была слишком занята, чтобы заметить это.

- Мне помешала необходимость, леди. Астрид не отлучалась из дома, но она не была уверена, захочет ли ее сын продавать солод, поэтому мне пришлось подождать, пока он не вернется из конюшни.

- Хм, - фыркнула Торхильд. - Эгиль Олафссон приобрел большое значение с тех пор, как его отец был похоронен. Это уже третий раз, когда меня заставляют ждать его отъезда. Она резко повернулась к девушке. "Я ни в коем случае не верю, что это причина твоего долгого отсутствия. Я полагаю, ты используешь это как оправдание.

Эдита ухватила за дверной косяк, и ее лицо из красного стало белым и снова стало красным.

— В самом деле, леди... - начала она.

Торхильд угрожающе погрозила ей пальцем. - Мне никогда не нужно ничего говорить! Она держит тебя здесь, чтобы ты сплетничала о моем доме. Хотя она мой друг, она такая же большая сплетница, как и все, кто когда-либо болтал языком.

Несмотря на то, что рука все еще прижималась к ее ушам, можно было бы сказать, что Эдита почувствовала облегчение. Она сказала с хорошо притворной неохотой: "Это правда, что мы иногда говорили о Браттахлиде, пока я ждала. Астрид благосклонно смотрит на мое рукоделие. Раз или два она говорила, что хотела бы купить мне...

На этот раз фыркнула Торхильд. - Она берет на себя слишком много хлопот! Хельга никогда никому тебя не продаст. Тебе не нужно вбивать себе в голову подобные мысли. Почему вы говорите такие глупости и мешаете мне работать? Не могли бы вы сказать мне вкратце, достали ли вы солод?"

- Я так и сделал, леди. Двое рабов принесут его, как только его можно будет взвесить.

- Он мне понадобится, если придут гости. А что с кораблем? Ты узнал, чей он? Чтобы вытянуть из тебя хоть что-нибудь, нужен погребальный костер.

Румяное личико Эдиты, обычно безмятежное, как у котенка, внезапно сморщилось от беспокойства. "Леди, когда я проходил мимо, он был еще далеко вниз по фиорду. Я смог разглядеть только, что это было большое и прекрасное торговое судно. Но один из моряков на берегу сказал мне, что, по его мнению, это корабль Джилли из Тронд-хьема.

Ключи домоправительницы звякнули от удивления. - Джилли из Трондхьема! Значит, он пришел забрать Хельгу!"

Эдита нервно сжимала и разжимала руки. - Я боялась, что это может быть так.

"Боишься, дурочка?" Надзирательница возбужденно рассмеялась, убирая с глаз выбившиеся волосы и подтягивая фартук, чтобы действовать. "Это станет для нее большим благом. После смерти англичанина она стала ничем не лучше сумасшедшей Брюнхильды. Вывести ее в мир и развлечь новыми видами — это будет для нее спасением! Беги скорее и расскажи ей новости; и проследи, чтобы она надела свою самую дорогую одежду. Скажи ей, что если она также наденет украшения, которые подарил ей Лейф, я разрешу ей прекратить вышивать на этот день.

Уходя, Эдита отметила про себя, что, несомненно, ее хозяйка уже сделала это, не дожидаясь разрешения. И очень скоро выяснилось, что она была права.

В большой рабочей комнате женского дома, среди заброшенных ткацких станков, веретен и рамок для вышивания, Хельга сидела в мечтательной праздности. Вихрь возбуждения, охвативший ее спутников при известии о приближающихся гостях, прошел мимо нее, даже не взъерошив волос. Ее золотистая головка тяжело прислонилась к стене позади нее; руки вяло лежали на коленях. Ее лицо было таким же белым, как нетаявший снег в долинах, и весеннее солнце не принесло блеска, который рассеял бы тень в ее глазах.

Не оглядываясь по сторонам, она мечтательно произнесла: "Сегодня был год назад, когда я зашла в лавку торговца в Норвегии и увидела его сидящим там среди рабов".

Эдита подкралась к ней, сняла ее руку с колен и поцеловала. - Леди, не стоит все время думать о нем. Ты разобьешь себе сердце, и напрасно. Кроме того, у меня есть для тебя очень важные новости. Я видел корабль, который поднимается по фиорду, и люди говорят, что это судно твоего отца, Джилли из Трондхьема.

С присущим ей прежним пылом Хельга отдернула руку и начала подниматься. - Ты знаешь это наверняка? И ты веришь, что Торхильд отдаст меня ему?

— Хуже того, леди, она даже беспокоится о том, чтобы он взял вас, думая, что это пойдет вам на пользу.

Некоторое время Хельга сидела, уставившись перед собой, с выражением гнева и отчаяния на лице. Затем, постепенно, они угасли, как пламя превращается в пепел. Она прислонилась спиной к стене, и ее взгляд снова стал тусклым и отсутствующим.

- В конце концов, какое это имеет значение? - вяло спросила она. - Там мне будет ничуть не хуже, чем здесь. Теперь ничто не имеет значения.

Эдита издала тихий стон, как от внезапной боли; но, казалось, она не осмелилась прервать размышления собеседницы. Она встала, тихонько ломая руки. Наконец тишину нарушила Хельга. Внезапно она повернулась, тусклый блеск в ее глазах сменился гневом.

- Корабль привез новые известия о битве? Точно ли, что король Олаф Трюгвассон убит?

Эдита ответила с некоторым удивлением: "Когда я была там, леди, он еще не причалил к берегу. Я не могу сообщить вам ничего нового. Но люди, которые приезжали на прошлой неделе и первыми рассказали нам о битве, говорят, что Эрик Ярл теперь король Норвегии, и нет никаких сомнений в том, что Олаф Трюгвассон мертв".

Хельга рассмеялась ненавистным смехом, от которого ее красивые губы стали жестокими, как у волчицы. "Я рада, что он мертв. Я вполне довольна, что сердце Лейфа почернело от траура. Он убил человека, которого я любила, а теперь убит король, которого он любил, — и его не было рядом, чтобы сражаться за него. Это справедливое наказание для него. Я рад, что он должен понести хоть немного тех страданий, которые он заставил выстрадать меня".

Эдита снова застонала и умоляющим жестом простерла руки. - Дорогая леди, если бы только вы не позволяли себе так страдать! Если бы только ты перенес это спокойно, как я тебя умолял! Даже если бы ты умер, это не помогло бы. Это напрасная трата твоего горя... — Она замолчала, потому что хозяйка пристально смотрела на нее.

- Я тебя не понимаю, - медленно произнесла Хельга. "Разве это напрасная траура - оплакивать смерть Элвина Английского, которого Бог никогда не создавал более благородным и возвышенным человеком?" Она поднялась со своего места, и Эдита отпрянула от нее. - Я не понимаю вас, вы, которая притворяетесь, что любила его с детства. Ты действительно хочешь, чтобы я вела себя так, как будто он мне безразличен? Неужели тебе самому было на него наплевать? Твое лицо не стало бледнее со дня его смерти; ты такой же толстый, как всегда; ты редко проливаешь слезы. Была ли вся твоя верность ему ложью? Клянусь острием моего ножа, если бы я так думал, я бы дал тебе повод поплакать! Я бы навсегда оттер кровь от твоего лживого лица!"

Она схватила саксонскую девушку за запястье и поставила ее на колени; ее прекрасные глаза были ужасны, как глаза Валькирии в битве. Рабыня закричала при виде них и вскинула руку, чтобы защититься.

- Нет, нет! Послушай, и я скажу тебе правду! Хоть они убьют меня, я скажу тебе. Опusti голову, — я не смею сказать это вслух. Слушайте!"

Машинально Хельга наклонила голову и услышала на ухо три прошепанных слова. Она ослабила хватку на запястьях собеседницы и стояла, уставившись на нее, сначала с гневом, а затем с какой-то зарождающейся жалостью.

"Бедняжка! горе свело тебя с ума", - сказала она. "А я была груба с тобой, потому что думала, что тебе все равно!" Она протянула руку, чтобы поднять ее, но Эдита поймала ее обеими руками, лаская и прижимаясь к ней.

"Милейшая леди, я не сошел с ума. Это правда, благословенная правда. Мои собственные глаза доказали это. Четыре раза Торхильд посылала меня с поручениями в дом Эгиля, и каждый раз я видел..."

- Но ты ничего не сказал мне! Ты заставил меня страдать!

"Нет, нет, избавьте меня от ваших упреков! Разве я мог поступить иначе? Если бы вы знали, все бы заподозрили: "Глаза женщины не могут скрыть этого, когда она любит". Сигурд Харальдссон крепко связал меня. Мне сказали только потому, что это было необходимо, чтобы я передал их послания. Мое сердце разрывалось, когда я позволял тебе горевать. Только любовь к нему могла удержать меня от этого. Поверь в это и прости меня. Скажи, что ты прощаешь меня!"

Хельга широко раскинула руки. - Простить? Я прощаю всех в целом мире — все! Она, рыдая, бросилась на грудь Эдиты, и они прижались друг к другу, как сестры.

Пока они все еще заливались слезами и ликованием, заглянула старая экономка с сообщением от Торхильд.

- Шмыгаете носом, как я и ожидал! Вы что, оба в своем уме? Даже сейчас Джилли из Трондхьема приближается к нам по дорожке. Торхильд приказала тебе одеться и быть готовым подать ему эль, как только он снимет верхнюю одежду. Если у тебя осталась хоть капля здравого смысла, поторопись.

Когда дверь за морщинистым старческим лицом закрылась, Эдита с сомнением посмотрела на свою госпожу. Но воительница вскочила со смехом, похожим на радостный перезвон колокольчиков.

"Я с радостью надену лучшую одежду, которая у меня есть, и буду пировать всю ночь напролет! Теперь ничто не имеет значения. Пока он жив, все должно каким-то образом наладиться. Теперь ничто не имеет значения!"

ГЛАВА XXII

В ТЕНИ МЕЧА

Лучше жить,
даже жить несчастью;

.....

Холт может ездить верхом;
Однорукий - гонять скот;
Глухой - сражаться и приносить пользу;
Быть слепым лучше
, чем обгоревшим;
От трупа никому не будет пользы.

"Эгиль! Эгиль Олафссон!" Это был голос Хельги, в нем звучали нотки счастья, похожие на трель канарейки.

Эгил отвернулся от поля, на котором находились его люди, и медленно подошел к тому месту, где она стояла, перегнувшись через забор, отделявший поле от дороги. По ее голосу он догадался, что они раскрыли ей тайну, и когда подошел достаточно близко, чтобы разглядеть, то понял это по ее лицу; это было похоже на расцвет розового сада. Его опущенный лоб нахмурился еще сильнее. После смерти отца он сбросил алую одежду людей Лейфа и надел коричневую домотканую одежду фермера. От шеи и ниже все говорило о бережливости, трудолюбии и мире. Но его свирепое смуглое лицо по контрасту казалось еще более суровым.

Хельга протянула руку через забор. - Я собираюсь увидеть Элвина, впервые за все эти месяцы. Они сказали мне об этом два дня назад, но это первый шанс, который я смогла найти. Но еще до того, как я увидела его, я подумала, что будет правильно повидаться с вами и поблагодарить вас за вашу удивительную доброту. Сигурд рассказал мне, как они ночью принесли к тебе Олвина, и ты принял его и укрыл, и...

Эгиль заставил ее замолчать грубым жестом. - Я сдержал свою клятву дружбы; не говори больше об этом. Ты знаешь, где он спрятан?

- Сигурд сказал мне, что он в хижине твоей старой приемной матери, Сольвейг. Я не помню, слева это или справа от переуллка. Но это самое хитроумное укрытие. Туда никто никогда не ходит, а Сольвейг - самая опытная из медсестер".

- Поскольку ты не помнишь, где это, я пойду с тобой, если это не противоречит твоему желанию. Он прокричал несколько последних указаний мужчинам на поле, затем перепрыгнул через забор и зашагал рядом с ней.

После того, как они тронулись в путь, ему, казалось, было нечего сказать, и они молча шли по проселку, пастбищу и полю. Но как только она разразилась новой похвалой его доброте, он обрел дар речи во всей своей резкости.

- Об этом было сказано достаточно. Я хотел поговорить с вами кое о чем, что произошло на пиру прошлой ночью. Ты знаешь, что моя родственница Астрид рассказала Джилли о своем желании купить твою рабыню и...

На мгновение в белых зубах Хельги появилось что-то волчье. Она быстро вмешалась: "Да, я знаю. Джилли согласился продать ей Эдиту в день нашего отплытия. Это именно то, чего я от него ожидал. Если бы Астрид предложила немного больше, он был бы склонен продать меня. Он самый подлый— Ба!" Казалось, у нее не хватило слов. Она развела руки в стороны в жесте крайнего отвращения. Румянец исчез с ее лица.

- Я хотел сказать, что, если таково ваше желание, я уговорю свою мать отозвать свое предложение.

Через некоторое время Хельга покачала головой. - Нет. Он всего лишь продал бы ее кому-нибудь другому. Мне было бы неприятно думать о ней среди незнакомых людей, а твоя мать относилась бы к ней по-доброму. Она остановилась на вершине перелеза, через который они перелезали, и серьезно посмотрела на него сверху вниз. - Я был бы благодарен, если бы ты пообещал мне это, Эгил. Теперь ты хозяин и можешь во всем проявлять свою волю. Обещай мне, что проследишь, чтобы с ней хорошо обращались".

- Я обещаю тебе. Хельга бросила благодарный взгляд ему вслед, когда он шел впереди нее. - Твое слово подобно скале, Эгил. За это можно было бы ухватиться, хотя все остальное должно было бы откатиться в сторону".

Туча рассеялась с ее лица. К тому времени, когда она подошла к нему, розовый сад снова был залит солнечным светом.

- В конце концов, я не чувствую, что имею право позволять чему-либо сильно огорчать меня, поскольку Бог вернул Элвина из мертвых. Я заставляю себя думать об этом, и тогда все остальное кажется незначительным и легко поправимым. Даже приход Джилли можно обратить в прибыль. У меня есть прекрасный план...

Она резко замолчала, когда сквозь заросли белых берез увидела крошечную хижину, приютившуюся в их зеленом укрытии.

"Это дом Сольвейг; теперь я вспомнил его! Как возможно, что он хранил такую тайну в течение четырех месяцев и до сих пор выглядит так же, как обычно?" Давайте поторопимся! Она схватила его за руку, чтобы потащить за собой. Только когда он вырвался и резко остановился, она замедлила шаг, чтобы посмотреть на него через плечо.

- Ты хочешь свести меня с ума? - крикнул он.

Она уже подумала, что он такой, и отстранилась.

Он подождал, чтобы вновь овладеть своим самоконтролем. Когда он наконец заговорил, это было с натужной медлительностью: "Каждую неделю в течение четырех месяцев я приходил к этой двери и спрашивал англичанина, как у него дела; и он не пожелал ничего такого, чего бы я ему не дал. В ту ночь, когда они оставили его со мной, я мог сомкнуть пальцы на его горле и убить его; и никто бы этого не узнал. Но я убрал руки за спину и позволил ему жить. До сих пор я сдерживал свою клятву дружбы. Ты хочешь, чтобы я пошел с тобой и нарушил ее сейчас?"

Прежде чем она успела собраться с мыслями, чтобы ответить ему, он исчез.

Стоя там, где он ее оставил, она смотрела ему вслед, открыв рот, пока ее взгляд не упал на хижину среди кустов, и тогда она забыла обо всем на свете. Она подбежала к нему и распахнула дверь.

В низкой комнате было дымно и плохо освещено. Прежде чем она смогла разглядеть своего возлюбленного в полумраке, он оказался рядом с ней, снова и снова выкрикивая ее имя, сжимая ее руки в своих. Она вскрикнула и подняла лицо, и его губы встретились с ее губами, теплыми и живыми. Все было так, как будто ничего не произошло с тех пор, как она видела его в последний раз.

Нет, не совсем то же самое; она увидела это, как только отстранилась. Элвин был очень худым, и в полумраке его лицо казалось белым и изможденным. Уродливый шрам тянулся через половину его лба. При виде этого ее глаза вспыхнули, она протянула руку и коснулась губами огненной метки.

- Как я ненавижу Лейфа за это! Затем она увидела величайшую перемену в нем, тихую мрачность, которая пришла к нему после ночей боли и дней одиночества.

- Это несправедливо сказано, милая. Я всего лишь заплатил ту цену, которую согласился заплатить, если удача отвернется от меня. Лейф поступил со мной только по справедливости; я буду настаивать на этом, даже если в конце концов умру от его меча.

Она сделала быстрый, резкий вдох. В радости от выздоровления она позволила себе забыть, что он жив лишь наполовину и живет под сенью смертного приговора. Она прикусила губу, чтобы она перестала дрожать, и напустила на себя железное самообладание девы-воительницы.

"Это правда, что ты все еще в большой опасности. Его гнев все еще не утих, потому что ни разу твое имя не сорвалось с его губ. Присаживайтесь сюда и расскажите мне, что вы думаете о вашем деле.

Элвин вспомнил плач и обмороки служанок своей матери в то далекое смутное время и с благодарностью пожал ей руку, занимая свое место рядом с ней на скамье. "Ты мой храбрый товарищ, а также мой лучший друг. Я могу говорить с тобой, как говорил бы с Сигурдом".

Всего на мгновение она прижалась щекой к его плечу. - Меня радует, что ты доволен мной такой, какая я есть, вместо того чтобы желать, чтобы я была похожа на Берту Трондхемскую и других женщин, - прошептала она.

Затем воспоминание, связанное с этим именем, заставило ее снова выпрямиться и с сомнением посмотреть на него. - Сольвейг рассказала тебе все последние новости?

- Она ничего не говорила мне целую неделю. Сейчас она в холле, помогает прясть, но Эдита была здесь два дня назад. Ты думаешь о короле Олафе? Она рассказала мне о битве; и я полон скорби по Лейфу. Она рассказала мне, что его комната была задрапирована черным, и что он перестал готовиться к своему исследовательскому путешествию и заперся на четыре дня и четыре ночи, ничего не ел и не разговаривал".

- Он снова начал свои приготовления. Его горе не стоит того, чтобы о нем думать. Или, скорее, я буду горевать вместе с ним, когда он будет горевать о тебе. Новости, которые я имею в виду, касаются Джилли из Трондхьема. Ты знаешь, что он приехал, чтобы забрать меня?

Она хотела увидеть отчаяние на его лице, чтобы почувствовать, как сильно он заботится; тогда она поспешила успокоить его. "Но не беспокойся об этом. Даже если я пойду с ним, это не причинит вреда. Если он попытается женить меня на ком-нибудь, я притворюсь, что считаю этот брак недостойным меня. Я воздействую на его жадность и таким образом заставлю его ждать; и через год ты придешь и спасешь меня".

- Если я буду жив! Элвин резко перебил ее. Он вскочил и принялся расхаживать по комнате, сжимая кулаки и стуча ими друг о друга. "Если я буду жив, я приду. Но отнюдь не маловероятно, что Лейф осуществит свое намерение. Тогда ты навсегда останешься во власти Джилли".

Она рассмеялась, подойдя к нему, вернула его обратно и усадила на скамейку.

"Посмотри, как любовь делает трусом не только женщину, но и мужчину! Но и об этом не беспокойся. Вы никогда не слышали историю любви Хагберта и Сигне? Как в тот самый момент, когда она увидела его повешенным на виселице, она подожгла свой дом и задушила себя своими лентами, так что их две души встретились на пороге Рая и вошли туда вместе? Если ты умрешь, я тоже умру; и это все устроит. Она на мгновение прильнула к нему, и он испугался, что она вот-вот обесчестит свой щит потоком слез.

Но через мгновение она посмотрела на него со своей храброй улыбкой. "Однако мы закончим этот разговор о смерти. Вспомни старую поговорку: "Если время человека еще не пришло, ему обязательно что-нибудь поможет". уготована тебе иная судьба, чем расстаться с жизнью в этом деле, иначе ты бы умер, когда Лейф сразил тебя. Я люблю кепку, которая спасла тебя! Мы не будем говорить о смерти, а только о наших надеждах. Я придумал, как сделать Джилли полезным, чтобы на его судне вы могли сбежать в Норвегию.

Она зажала ему рот рукой, когда он собирался заговорить. - Нет, выслушай меня, прежде чем что-то возразить. Джилли отплывает на следующей неделе. В это время Лейфа не будет в гостях у Бьорна Херюльфссона, который только что вернулся в Гренландию из Норвегии. С Лейфом пойдет Карк, так что нам не придется опасаться его любопытных глаз. Что помешало бы тебе прокрасться на берег в ночь перед нашим отплытием, доплыть до корабля и спрятаться в одном из больших сундуков в носовой каюте? Рулевой не будет вам мешать, потому что я наговорил ему столько прекрасных слов в связи с этим делом, что он готов отрубить ему голову по моему приказу. Таким образом, вы уйдете далеко в море, прежде чем они обнаружат вас. Джилли не узнает, что он когда-либо видел тебя раньше, ты так побледнела и изменилась; и когда он заберет все имущество, которое у тебя есть, он больше ничего не скажет по этому поводу. Так вас доставят в Норвегию, а оттуда недалеко и до вашей Англии, хотя я не знаю, имеет ли это какое-либо значение. Но если ты скажешь, что этот план нельзя назвать гениальным, я рассержусь на тебя".

Элвин издал короткий смешок. "Это очень остроумно, товарищ. Единственная проблема в том, что у меня нет амбиций ехать ни в Норвегию, ни в Англию".

На этот раз именно он сжал ее губы, когда ее изумление было готово прорваться сквозь них.

Выслушайте меня, и вы поймете. Я не хочу ехать в Англию, потому что там я ничего не мог сделать, чтобы хоть как-то улучшить свой кредит. Мои родичи исчезли, как пожухлая трава, а датчане всемогущи. Я не хочу ехать в Норвегию, потому что там я никогда не смог бы стать кем-то большим, чем беглый раб; и хотя я старался изо всех сил, маловероятно, что я когда-либо смог бы приобрести ни богатство, ни влияние, - а без того и другого как можно было бы завоевать тебя? Посмотри, как Север покорила меня! Сначала было связано только мое тело, и я был уверен, что, если когда-нибудь получу свободу, поступлю на службу к какому-нибудь английскому лорду и погибну, сражаясь с датчанами. И вот теперь скандинавская девушка покорила мое сердце, так что я не воспользовался бы своей свободой, если бы мне ее

предложили! Нет, нет, милая; я думала об этом день и ночь, пока, наконец, не увидела правду. Единственный шанс, который у меня есть, - это Лейф.

Хельга яростно заломила руки. - Ты, должно быть, сумасшедшая, если так думаешь! Он убьет тебя, как только его глаза...

В мои намерения не входит, чтобы он узнал меня, пока у него не будет причин смягчиться по отношению ко мне. Разве ты не помнишь пророчество Скроппы? разве Сигурд не говорил тебе об этом? — Что именно в этой новой нехоженой стране должна решиться моя судьба? Я как-нибудь замаскируюсь и отправлюсь в эту исследовательскую экспедицию среди его последователей. У меня будет много возможностей быть ему полезным".

"Но предположим, что они не придут достаточно скоро? Предположим, что твоя маскировка будет слишком поверхностной? Его глаза подобны стрелам, которые пронзают все, на что нацелены. Предположим, он сразу узнает вас?

Новая мрачность снова скривила рот Элвина. - Тогда произойдет одно из двух. Либо он простит меня за то, что я уже пережил, либо он сдержит свое первое намерение и убьет меня. Ни в том, ни в другом случае нам не будет хуже, чем четыре месяца назад".

Такая логика не допускала ответа, и Хельга уступила ей. Но на ее лице отразилось столько муки, что Элвин снова коротко рассмеялся и спросил ее:

"Из кого же теперь любовь делает труса?"

Она серьезно покачала головой. - Я не трусиха. Меня радует, что ты встречаешь смерть таким образом и знаешь, что ты не будешь роптать, даже если удача отвернется от тебя. Но я не хочу, чтобы ты рисковал своей жизнью; и ты не знаешь благоразумия. Давай поговорим об этой маскировке. На чем ты остановился?

"Я признаю, что добился очень немногого. Сольвейг рассказывала мне о коре, сок которой таков, что с его помощью я могу сделать свою кожу коричневой, как у южан. И я решил притвориться, что я франк. Я немного знаю их язык, что поможет мне замаскировать мою речь. Но как мне скрыть свои короткие волосы или объяснить свое появление в Гренландии... — Он пожал плечами и опустил подбородок на кулак.

Хельга обхватила руками колени и задумчиво посмотрела на него. "Я слышал, как Сигурд рассказывал о странном чуде, которое он видел во Франции, — не знаю, как вы это называете, — похожем на капюшон, сделанный из человеческих волос. Девушка, потерявшая волосы из-за болезни, имела обыкновение носить их; и Сигурд даже не подозревал, что у них нет корней, пока однажды она не зацепилась за концы своего плаща и не стянула его. Если бы ты мог достать один из них ...

- Если бы! - Пробормотал Элвин. Но Хельга его не услышала. Внезапно, в смутной перспективе своего сознания, она уловила проблеск плана. Когда она бросилась на него, он ускользнул от нее; но она гонялась за ним взад и вперед, видя его все яснее с каждым поворотом. Наконец она поймала его. Она вскочила и открыла рот, чтобы выкрикнуть это, когда ее коснулся порыв осторожности Эдиты, и вместо этого она обвила руками его шею и рассмеялась ему в ухо.

Он отстранился и посмотрел на нее с зарождающейся признательностью. Она взволнованно кивнула.

"Разве это не способствует успеху? Ты можешь сбежать в Норвегию, как я планировал, а после этого легко доберешься до Нормандии. Все, чего тебе не хватает, - это золота, и Лейф и Джилли обеспечили меня им.

Его лицо просветлело, когда он задумался об этом. "Звучит правдоподобно. Друзья Сигурда хорошо примут меня ради него; и после того, как я раздобуду все необходимое для своей маскировки, у меня будет еще много хороших шансов вернуться в Нидарос и сесть на корабль Арнора Гуннарссона, который каждое лето приезжает сюда в торговое плавание. Исходя из этого, кто мог бы заподозрить меня? — особенно когда все уверены, что я мертв".

"Никто!" Радостно воскликнула Хельга. "Никто! Это прекрасно!"

Во внезапном порыве благодарности он поймал ее руки и поцеловал их. - Значит, все благодаря тебе. Это неслыханный ум! Ты, должно быть, Валькирия! Только великий герой достоин такой девушки, как ты.

Рассмеявшись от удовольствия, она спрятала лицо у него на груди. И, должно быть, ее план обладал некоторыми преимуществами, о которых она заявляла, поскольку случилось так, что в тот же день, когда Джилли и его дочь отплыли в Норвегию, светлокожий раб с бритой головой исчез из Гренландии настолько бесследно, что даже зоркие глаза Карка не смогли бы его выследить.

ГЛАВА XXIII

ЗНАКОМЫЙ КЛИНОК В НЕЗНАКОМЫХ НОЖНАХ

"Теперь рассказывают, что Бьярни Херьюльфссон приехал из Гренландии к Эйреку ярлу, который хорошо его принял. Бьярни описал свое путешествие и земли, которые он видел. Люди думали, что он проявил отсутствие интереса, поскольку ему нечего было рассказать о них, и его в некоторой степени винили за это. Он стал хирдманом ярла и следующим летом отправился в Гренландию, теперь было много разговоров об открытиях суши". —ФЛЭТЕЙЯРБО'К.

Через неделю после отъезда Джилли в Норвегию Лейф вернулся из своего визита на мыс Херюльфа и обнародовал свое намерение взять бесплодное начало Биорна и довести его до определенного конца. Он привез с собой трех человек из старой команды Бьорна, а также то самое прочное маленькое торговое судно, на котором Херюльфссон совершил свое путешествие. Корабельные сараи на берегу сразу же превратились в арену бесконечного ремонта. Женщины Торхильд отложили вышивание и занялись изготовлением парусов. Начался обыск каждой хижины в общине и каждой рыбацкой станции вдоль побережья в поисках новейших охотничьих и рыболовных снастей; и день за днем Тайкер объезжал фермы, закупая запасы зерна и копченостей.

Как говорится в старой саге: "Теперь было много разговоров об открытиях суши". Счастливчик стал героем часа. При всем своем упрямстве гордость Эрика не могла не быть удовлетворена. Он начал проявлять признаки смятения. Постепенно он перестал отворачивать лицо. Однажды он даже довел себя до того, что грубо поинтересовался их планами.

"Если мы вернемся с большой славой, то, вероятно, удовольствие полностью примирит его", - посмеивались друг над другом люди Лейфа.

Дипломатический гвардеец быстро понял перемену, но, как обычно, превзошел их ожидания. На следующий день после того, как его отец сделал этот первый шаг вперед, он пригласил его осмотреть исследовательский корабль и посоветовать им относительно его оборудования. Пока они стояли на берегу, восхищаясь слоем алой краски, нанесенной на корпус корабля, он внезапно предложил Краснокожему возглавить экспедицию.

Глаза Эрика загорелись, и его жилистое старое тело выпрямилось и наполнилось рвением. Затем, хотя его глаза все еще сверкали, грудь опустилась, как проколотый мочевого пузырь.

- Я не могу поехать. Я слишком стар и менее способен переносить трудности, чем раньше.

Рольф и рулевой, услышавшие это предложение, с облегчением переглянулись и позволили себе снова вздохнуть. Но, к их ужасу, Лейф не воспользовался этим лазейкой. Он спорил и убеждал, пока Эрик не испустил еще один долгий вздох возбуждения, пока его старые мышцы не задрожали в спазме юношеского пыла, пока, наконец, в порыве почти истерического энтузиазма он не принял предложение. В порыве удовольствия он схватил сына за руку и публично вернул его в свои чувства. Но на данный момент это было слабым утешением для последователей Лейфа. Они оторвались от рисования, стучания молотком и полировки и уставились на своего повелителя с изумленным неодобрением. В тот момент, когда два вождя поднялись с берега, жалобы разразились подобно взрывам.

- Этот старый язычник у рулевого весла! Всего невезения в мире можно ожидать!" — "Нигде не живет человек более властный, чем Эрик Рыжий". "Что станет со славой Лейфа, если слава достанется этому старому язычнику?" — "Скроппа обратил проклятие против Счастливчика. Он был лишен разума".

- По-моему, отчасти это правда, - задумчиво произнес Рольф, опираясь на древко копья, которое он затачивал. "Я верю, что Книга саксонских святых околдовала его разум. Я слышал, англичанин читал о людях, которые отказались от чести, чтобы это не сделало их тщеславными. Я верю, что Лейф Эрикссон смиряет свою гордость, как какой-нибудь побитый монах".

Его прервал хор возмущенных возгласов. "Да! Если он стал такой женщиной, как эта!" — "Мужчина, который боится невезения". — "Храбрый мужчина несет ответственность за результат своего поступка, каким бы он ни был". — "Книга Святых подобает старикам, потерявшим зубы". — "Христианство - религия для женщин".

Впервые вмешался Сигурд. Хотя он и хмурился от досады, некоторое чувство раскаяния заставило его промолчать. "Я не позволю тебе говорить это, да ты и не захочешь этого говорить". Он колебался, озадаченно потирая подбородок. "Я признаю, что испытываю то же отвращение, что и ты; и все же я не совсем уверен, что мы правы. Я помню, как мой отец говорил, что то, что сделали эти святые, было сложнее, чем любое достижение Тора. И я слышал, как король Олаф Трюгвассон вычитал из Священной Книги, что человек, обуздывающий свои страсти, заслуживает большего восхищения, чем человек, завоевывающий город.

Возможно, на две или три минуты в ворчании наступило затишье. Но в тот жестокий век нельзя было ожидать, что моральная сила найдет столь высокую оценку. Действительно, слова Сигурда были далеки от его собственной убежденности. Мало-помалу недовольство вспыхнуло снова. Наконец дело дошло до мятежа, и рулевой почувствовал, что должен проявить свою власть.

- Все это глупо сказано относительно того, о чем ты ничего не знаешь. Несомненно, у Лейфа есть веская причина для того, что он делает. Возможно, он считает крайне важным заручиться дружбой Эрика. Или, может быть, он намеревается увести его в какое-нибудь необитаемое место, чтобы убить его и избавиться от его дурного характера. Несомненно, у него есть какая-то веская причина. Возвращайтесь к своей работе и успокойтесь, что сейчас, как всегда, из его действий выйдет что-то хорошее".

Мужчины все еще рычали, повинувшись ему; но каким бы правым или неправым он ни был относительно мотивов Листа, его пророчество оказалось верным. Тот момент на берегу принес пользу в виде полного примирения с Эриком. Больше не было холодных плеч, полускрытых насмешек и долгих вечеров мрачной сдержанности. Последователи Листа больше не были обязаны сидеть, прикусив язык и положив руки на мечи. Тепло удовлетворения, растопившее лед недовольства Эрика, казалось, высвободило потоки великодушия и доброй воли. Его румяное лицо сияло над доской, как полная луна; если бы Лейф согласился, он бы подарил ему все содержимое Браттахлида. Следуя примеру своего вождя, его вассалы соединили оружие со своими бывшими врагами и поклялись им в вечном братстве. Ночь за ночью они пили из одних и тех же рогов и укрепляли свои узы, восхваляя своих вождей. Никогда еще в большом зале не царил такое лучезарное веселье.

К последней неделе подготовки Лейфа интерес и энтузиазм распространились по всем уголкам обитаемой Гренландии. Вереницы людей начали совершать паломничества, чтобы поглазеть на исследовательское судно, которое когда-то находилось в пределах видимости "чудесных берегов", а теперь, казалось, было обречено действительно прикоснуться к ним. Мужчины приезжали со всех концов страны в надежде присоединиться к ее команде, и были в ярости от разочарования, когда им сказали, что ее снаряжение ограничено тридцатью пятью, и что это число уже было составлено из числа последователей Лейфа. Воины толпились, чтобы навестить Счастливого, пока скамьи в зале не заполнились, а двор не был так переполнен слугами, что слугам едва хватало места, чтобы пробежать между лошадьми с рогами для эля. За оградой

почти всегда была толпа детей, нищих и рабов, подстерегавших в засаде, подобно волчьей стае, чтобы вытянуть информацию из любого члена семьи, который осмелится выйти за ворота.

Обычно на долю этих посторонних выпадали лишь смутные слухи и скудные сообщения; но за день до отъезда Лейфа случилось так, что они узнали кое-что интересное из первых рук.

Ближе к вечеру того же дня разнесся слух, что торговый корабль Арнора Гуннарссона приближается к Эрикс-фиорду. Прибытие этого торговца стало одним из событий года. Это не только стало поводом для большого пиршества среди богатых, что означало дополнительную милостыню для бедных, но, помимо возможности насытить свой желудок, это означало возможность полюбоваться красивой одеждой и замечательным оружием; и в дополнение ко всему прочему, это означало такой запас новостей, сплетен и захватывающих историй, что должен был снабдить местные разговоры годовым запасом тем, запас которых всегда иссякает и довольно изношен к концу долгих зим. При первом намеке на приближение "Истмена" толпа зевак появилась из ниоткуда так же быстро, как стервятники появляются из пустого места.

Когда тяжелое торговое судно серовато-коричневого цвета медленно подошло к своему причалу и якорь с грохотом и всплеском опустился, разношерстная толпа пронзительно зааплодировала. Когда румяный золотоволосый торговец появился у борта, готовый забраться в лодку, которую спускали на воду его люди, они снова зааплодировали. И они сочли уместной данью важности события, когда один из них прибежал по песку и, затаив дыхание, объявил, что сам Лейф Эриксон спускается поприветствовать прибывших в сопровождении ни много ни мало своего высокородного приемного сына.

"Хотя неудивительно, что Счастливец испытывает интерес", - сказали они друг другу. "В последний раз, когда Эрик Рыжий встречался с торговцами, они ответили на его приветствие взмахом рук в сторону своих кораблей и приглашением взять все, что ему больше понравится".

"Меня больше всего удивляет, - пробормотал один старик, - что подарки всегда дарят тем, у кого достаточно денег, чтобы их купить. Возможно, Один знает, почему подарки редко раздаются бедным: конечно, я думаю, что нужно быть мудрым, чтобы понять это".

Его товарищи зажали ему рот ладонями и указали на приближающуюся лодку.

"Смотрите!" — "Смотрите туда!" - "Это сын короля!" — закричали они. И тут их голодные зубы сомкнулись на своем лакомстве от возбуждения.

На носу лодки, сияя подобно драгоценному камню на темном фоне серовато-коричневой мантии торговца, стоял великолепно одетый молодой воин. Угасающие солнечные лучи, игравшие на его позолоченном шлеме, обнажали сверкающие доспехи и золотой крест, выбитый на щите с золотой оправой. Подойдя еще ближе, можно было разглядеть, что его плащ был из малинового бархата, подбитого соболями, и что золотое шитье и украшенные драгоценными камнями застёжки сверкали при каждом движении.

Сгорая от любопытства, они столпились у кромки воды, чтобы встретить его. Киль коснулся песка; он ступил на берег в самую гущу толпы, и даже это пристальное разглядывание не уменьшило его привлекательности. Его оливковое лицо было надменно красивым; его прекрасные черные волосы ниспадали на плечи длинными шелковистыми локонами; он был высок, строен и гибок, а его осанка была дерзкой и гордой, как у орла.

"Он вполне подходит на роль королевского сына", - повторяли они друг другу. И те, кто был впереди, почтительно расступались перед ним, в то время как те, кто был сзади, переступали друг через друга, чтобы приблизиться на случай, если он заговорит, — и сам Лейф сделал паузу, приветствуя Арнора Гуннарссона, чтобы с любопытством посмотреть на незнакомца.

Юноша стоял, обводя глазами лица окружающих, пока его взгляд не упал на Сигурда Харальдссона. Он издал громкое восклицание и бросился вперед с протянутой рукой.

Щеки Сигурда, которые до этого казались довольно бледными, внезапно сильно покраснели; он спрыгнул с коня и поскакал вперед. Затем он заколебался, остановился и в нерешительности уставился на меня.

"Друг мой!" - сказал незнакомец на каком-то странном языческом наречии, сильно отличающемся от доброго простого норвежского. "*Mon ami!*" Он сделал еще один шаг вперед, и на этот раз их ладони встретились.

Зрители, наблюдавшие за Сигурдом Харальдссоном, шептались, что молодой воин, должно быть, последний человек на земле, которого он ожидал увидеть в Гренландии, а также человек, которого он любил больше всех своих названных братьев. Светловолосый сын ярла и тот, у кого волосы цвета воронова крыла, стояли, держась за руки и глядя друг другу в глаза, как будто забыли, что в мире есть кто-то еще.

- Он выглядит человеком, способным проявлять смелость в присутствии вождей, не так ли? трейдер заметил Лейфу Эриксону, что тот благожелательно разглядывает пару, покручивая свои длинные желтые усы. - Он сказал мне, что сын ярла был его другом; это большая удача, что он нашел его так скоро. Он несколько надменен, как это свойственно норманнам, но свободно распоряжается своим золотом. И бережливый торговец рассеянно похлопал по своему кошельку с деньгами.

Толпа распространила эту новость возбужденным шепотом. "Он друг Сигурда Харальдссона". — "Он нормандец". — "Это объясняет смуглость его кожи". — "Они говорят на нормандском языке?" — "Нормандия? Это та земля, которую Рольф Бандит положил под свой меч?" — "Тише! Сигурд ведет его к вождю". — "Теперь мы узнаем, в чем заключается его поручение".

И самый смелый из них приблизился к паре почти на расстояние удара хлыстом.

Но расслышать было нетрудно, потому что Сигурд заговорил громким и ясным голосом: "Приемный отец, я хочу представить тебе моего друга и товарища, который только что прибыл на судно Истмена. Его зовут Робер Безгрешный, потому что его храбрость встречается редко. Я был очень добр к его родственникам, когда был в Нормандии".

Нормандец ничего не сказал, но сделал то, что зрители сочли довольно неожиданным для француза, сгибающего колени. Не сгибаясь и не снимая шлема, он скрестил руки на груди и посмотрел прямо в глаза Счастливику.

"Как будто, - пробормотал один парень, - как будто он мог прочитать по самому лицу шефа, было ли у него намерение быть дружелюбным!"

- Тише! - прервал его сосед. - Лейф снимает перчатку. Возможно, он собирается воздать ему должное за его смелость".

И это действительно оказалось правдой. В следующее мгновение вождь протянул надменному южанину голую руку.

"У меня есть почетное приветствие для всех храбрых мужчин, даже если у них нет друзей", - сказал он с подчеркнутой вежливостью. "Насколько теплее тогда мои чувства к тому, кто также является другом Сигурда Харальдссона? Добро пожаловать, Роберт беззаботный. Лучшее, что может предложить Браттахлид, не должно считаться слишком хорошим для вас".

Независимо от того, умел он говорить на нем или нет, было очевидно, что Бесстрашный понимал северный язык. Его надменность слетела с него, как тень. Обнажив свои волосы цвета воронова крыла, он низко поклонился — и приложился бы губами к протянутой руке, если бы вождь, предвидя опасность, не спас себя, ловко отдернув ее.

Сигурд, все еще раскрасневшийся и нервничающий, заговорил снова: "Ты так хорошо воспринял это, приемный отец, что мне пришло в голову попросить тебя о милости, которую я был бы благодарен, если бы ты даровал. Даже в Нормандии до моего друга дошли вести об этом вашем исследовательском путешествии; и он проделал весь этот путь в надежде, что ему позволят присоединиться к вашим последователям. Он принимает это дело близко к сердцу. Если мои желания имеют для тебя хоть какую-то силу, ты не откажешь ему.

По толпе пробежал восторженный гул. То, что этот великолепный персонаж пришел отдать дань уважения своему герою, было последним драматическим штрихом, которого жаждало их воображение. Они с трудом подавили радостные возгласы.

Но гвардеец выглядел озадаченным до недоверия.

- Дошли вести до Нормандии? - повторил он. - Вопрос, который ни для кого не имеет большого значения? Насколько это вероятно? Выпрямившись в седле, он на мгновение взглянул на норманна взглядом, в котором было больше проницательности, чем учтивости.

"Тот, кто попытается обмануть Лейфа Эрикссона, навлечет на себя беду", - прошептал рожденный в рабстве.

Робер Сан-Пер несколько не смутился. Встретив проницательный взгляд, он ответил на простом, хотя и запинаящемся норвежском: "Знаменитый вождь забыл, что в начале этого сезона отсюда в Трондхьеме ходило торговое судно. Немало ее товарищей по кораблю отправились дальше Нидароса. Один из них, которого звали Гюдбранн со Шрамом, добрался даже до Руана, где мне посчастливилось с ним встретиться".

- Это правда, что я забыл об этом, - медленно произнес вождь. Он опустил взгляд на уши своей лошади и некоторое время сидел, погрузившись в раздумья. Затем он еще раз протянул руку южанину.

"Мне кажется, вы человек энергичный и находчивый", - сказал он с возвращением своей прежней сердечности. - Поскольку ветер и волны не помешали тебе исполнить твоё желание, с моей стороны было бы неслыханной грубостью отказать тебе. А теперь садись в мое седло и позволь своему другу проводить тебя в зал. Необходимо, чтобы я проследил за хранением этих товаров, но после вечерней трапезы мы еще поговорим об этом деле. Чтобы предотвратить дальнейшие попытки поцеловать руку, он спрыгнул с лошади и направился к торговцу.

С видом серьезной церемонии, которую зрители восприняли разинув рты, Сигурд придержал стремя своего друга; затем, быстро вскочив на своего коня, пара уехала.

На этот раз толпа не поддавалась сдерживанию и разразилась восторженным ревом.

"Наконец-то произошло великое событие, которое мы видели собственными глазами!" - говорили они друг другу, расположившись на безопасном расстоянии и наблюдая, как Лейф и торговец переворачивают тюки с товарами, которые моряки доставляли на берег. "В будущем об этом будет что рассказать — великое событие, относительно которого мы все понимаем".

- "Относительно которого мы все понимаем!" - подслушав их разговор, со смехом повторил Сигурд своему другу, когда они галопом неслись по тропинке.

Роберт Бесстрашный тоже рассмеялся, но в этом раскате слышалась нотка беспокойства.

"Мало кто способен так похвастаться", - ответил он. "Даже ты, товарищ, не способен на это. Вот сейчас кое-что, что стоит послушать". Наклонившись с седла, он излил на ухо Сигурду поток негромких слов, которые заставили Серебряноязычного резко остановиться и недоверчиво уставиться на него, а затем снова посмотреть на стоящий на якоре корабль и в ярости стукнуть себя по колену.

Облачко оставалось на солнечном лице Сигурда до конца вечера. Торхильд, очарованная данью уважения своему обожаемому сыну, уделяла незнакомцу все свое внимание; и сам Карк, несмотря на свои лисьи глазки, снял позолоченный шлем с гладких черных локонов, даже не подумав попробовать, были ли они родными для кожи головы, из которой они росли, — но лоб Сигурда не посветлел.

Когда они в последний раз начистили свои щиты и повесили их на стену за своими сиденьями, Рольф сказал ему, испытующе взглянув на него: "От меня скрыто, почему ты такой черный, товарищ. Если бы не недостаток старого Эрика за рулевым веслом, конечно, все обстоятельства были бы настолько благоприятными, насколько можно было ожидать.

Сигурд встал и резким рывком снял с вешалки свой плащ.

"Есть и другие безмозглые люди, помимо Эрика Рыжего, которые лезут туда, где их не хотят видеть", - мрачно возразил он. Затем, резко повернувшись, он вышел в темноту, и никто из домочадцев больше не видел его до утра.

Солнце взошло в прекрасный день, теплый и яркий, ветер дул в нужную сторону, устойчивый и сильный. И словно для того, чтобы убедиться, что ни одна мелочь не должна омрачить столь благоприятное начало, удача Листа смела единственный недостаток, который смог назвать Рольф.

Внизу, на дорожке, на полпути между подножием, где она выходила на берег, и началом, где она заканчивалась у забора, лежал обломок камня. Это был всего лишь маленький камешек или крупная галька, но в руках Лейфа удача придавала им значение валуна.

Когда настал момент отправления и кавалькада выехала из ворот внутреннего двора, бряцая доспехами и хлопая великолепными новыми плащами, согретые рогами прощального эля, от которого шел пар в их глотках, распевая песни, хвастаясь и смеясь, подбадриваемые сбродом,

который бежал рядом, их путь к берегу лежал прямо над головой этого ничтожного камешка. Кому бы пришло в голову избегать этого? И все же, хотя десятки детских ножек танцевали по нему невредимыми, а шестьдесят пар лошадиных копыт беспрепятственно гарцевали по нему, когда Эрик добрался до него, его добрая гнедая кобыла споткнулась об него и упала, так что ее всадник был выброшен из седла и покатился в пыль.

Кости не были сломаны; он был не более чем потрясен; он поднялся прежде, чем они смогли добраться до него; но лицо его было серым от разочарования, а тело ссохлось, как увядший лист.

"Это предупреждение богов о том, что я на неверном пути", - хрипло сказал он. "Это знак того, что мне не суждено быть первооткрывателем какой-либо другой земли, кроме той, на которой мы сейчас живем. Моя удача сопутствует тебе, сын мой, но я не могу.

Прежде чем они успели возразить, он развернул свою лошадь и покинул их, скакая со склоненной головой и поникшими плечами старого-престарого человека.

Строгий знак Вальбранда удержал людей Лейфа от того, чтобы разразиться радостными криками, которые их так и распирали; но взгляды, которые они бросали на своего предводителя, а затем друг на друга, говорили так же ясно, как слова: "Это его никогда не подводящая удача. Почему мы когда-либо сомневались в нем? Мы последовали бы за ним в Море червей и верили, что все закончится благополучно".

В таком многообещающем расположении духа они покинули свою дружественную гавань и уплыли в неизвестный мир.

ГЛАВА XXIV

РАДИ ВСЕЙ МОЕЙ ЛЮБВИ

Только тот знает,
Кто много путешествует
И имеет большой опыт,
какими наклонностями
руководствуется каждый человек,
Обладающий здравым смыслом.

Хавама'л

Первая ночь выхода в море была безлунной, которая закрыла мир вод и скрыла даже облака и волны, составлявшие компанию одинокому судну. Маленький кораблик превратился в пятнышко света в бездне тьмы, в атом жизни, плавающий в пустом пространстве. Под тентовыми крышами, при свете горящих факелов, команда пила, развлекалась играми; но за пределами этого круга были только чернота, пустота и безмолвие.

Сигурд выглянул за борт судна, зевая и дрожа одновременно. "Такое чувство, что воздух полон призраков, а мы были единственными живыми существами во всем мире", - пробормотал он.

Светловолосый гигант, известный как Длинный Лодин, услышал его и громко рассмеялся, ткнув большим пальцем через плечо в сторону палубы, где высоко над их головами виднелось орлиное лицо Листа.

"Его удача может провести нас в целости и сохранности даже через мир мертвых", - заверил он его.

Но Рольф прервал свою шахматную партию, чтобы бросить на друга пронизательный взгляд. - Серебряный язык был из тех, кто не склонен говорить женские слова, - серьезно сказал он. - У тебя на уме что-то такое, что беспокоит тебя, товарищ.

Сигурд взял себя в руки, попытавшись изобразить свой обычный беспечный смех. - По-твоему, я единственный человек, который думает о призраках сегодня ночью? он парировал: - Посмотри вон туда, на Карка, как он боится повернуться спиной к теням, чтобы Зло не настигло его! Я уверен, что он предпочел бы умереть, чем рисковать оказаться в темноте передней комнаты.

Проследив за его взглядом, они увидели матроса, прислонившегося к мачте с лицом, бледным, как поганка. Когда моряк швырнул в него куском вяленой рыбы, он подскочил так, словно его ударили камнем. Нежная улыбка Рольфа превратилась в широкую ухмылку, и он позволил так легко отвлечь себя от своей цели.

"Теперь это правда; я не наблюдал его раньше. Он выглядит так, как будто богиня Ран уже схватила его за ноги, чтобы утащить под воду. Давай немного позабавимся с ним. Я пошлю его в переднюю с поручением.

Роберт Нормандский резким движением поставил свой рог, и Сигурд поспешно наклонился вперед, но мягкий голос Борца уже ускорил его команду.

- Эй, ты, доблестный Карк-с-белыми-щеками! Проходите в переднюю и принесите мою сумку с шахматными фигурками из окованного медью ящика.

Карк выслушал приказ, не шевельнувшись, только сердито нахмурившись, и Сигурд отступил назад с чем-то вроде вздоха облегчения. Но Рольф сделал внезапное движение, словно собираясь подняться на ноги, и эффект был волшебным.

"Я уйду, как только будет необходимо", - прорычал раб. "Ты ничего не говорил о спешке". И он, шаркая, подошел к одному из факелов, чтобы зажечь щепку в его пламени, и, волоча ноги, двинулся вперед.

Сигурд и норманн оба бросились за ним.

- Говорю тебе, Рольф, я что-то имею против этого! Сигурд бушевал, когда железная рука Борца сомкнулась на его плаще. - Мои— мои— мои ценности в том же сундуке. Я не допущу, чтобы он их лапал. Отпустите меня, я говорю! Ему удалось выскользнуть из-под плаща и вывернуться из-под руки Рольфа.

Искра чего-то очень похожего на гнев зажглась в обычно кротких глазах Борца; он схватил норманна за талию, когда тот попытался обойти его, и подбросил в воздух. На мгновение показалось возможным, что он может сбросить его за борт корабля в океан. Но в конце концов он легко швырнул его на груды кожаных спальных мешков, повернулся и поспешил за сыном ярла.

Догадавшись, что затевается какая-то дружеская перепалка, матросы добродушно расступились перед ним, и он добрался до бака всего на мгновение позже Сигурда. Свеча Карка как раз исчезала в тенях под палубой.

Прежде чем преследователи успели что-либо сказать, лучник прыгнул на них с пронзительным криком, который разрезал воздух.

- Там Ран! Я видел ее волосы, свисающие с бочки. Они были длинными и желтыми. Это сама Ран! Мы утонем...

Сигурд Харальдссон отвесил ему подзатыльник, который свалил его с ног, как бревно.

"Этот простак не способен отличить клочок желтого лисьего меха от женских волос", - презрительно сказал он. - Раз уж ты здесь, Рольф, поддержи мне фонарь, а я сам принесу сумку с шахматами. Он говорил достаточно громко, чтобы мужчины на скамейках услышали, рассмеялись и повернулись обратно к своим развлечениям. Затем он увлек Рольфа дальше в помещение, зажал ему рот рукой и указал в самый дальний угол, где бочки и тюки образовывали ширму на полпути через носовую часть.

Волосы у него были длинные и желтые, как и сказал простак; но из-под них выглядывал не мстительный Ран. Растрепанная, бледнеющая и покрасневшая, в короткой юбке и с отчаянными глазами, Хельга Прекрасная стояла перед ними.

"Посмотри, как благоразумная дева-воительница помогает в делах, которые и так находятся в затруднительном положении", - сухо сказал сын ярла.

Борец в ужасе отшатнулся.

Хельга виновато опустила глаза. - Я не могу винить тебя за то, что ты злишься, - пробормотала она. - Я стала для тебя большой помехой.

- Это неслыханное несчастье! - выдохнул Рольф. "Сбежав от Джилли, вы нарушили норвежский закон; и, заставив Лейфа помочь вам в вашем побеге, вы сделали его сообщником. Плохой результат неизбежен".

Голова Хельги склонилась еще ниже. Затем внезапно она всплеснула руками в страстной мольбе.

"И все же я ничего не мог с этим поделать, товарищи! Пока я жив, я ничего не мог с этим поделать! Как у меня могло хватить духу оставаться в безопасности, не зная, жив Элвин или умер? Как я мог тратить свои дни, наряжаясь в красивую одежду, в то время как мой лучший друг боролся за свою жизнь? Можно ли было ожидать, что я не приду? Она говорила тихо, наполовину присев в своем укрытии, но ее сердце звучало в каждом слове.

Ее судьи не могли противостоять ей. Рольф поклялся, что она была бы недостойна имени девы-воительницы, если бы действовала иначе. И Сигурд с братской нежностью пожал ей руку.

- Ты должна знать, что я не виню тебя всерьез, моя сводная сестра, потому что я немного ворчу, когда не вижу выхода из этой передраги. Он склонился над Карком, чтобы убедиться, что тот действительно без сознания, как кажется; затем нервно понизил голос. - Что делает это большим несчастьем, так это то, что твое присутствие удваивает риск для Элвина, а также потому, что никогда нельзя быть полностью уверенным, на что способен сын Эрика, даже с той, кого он любит так же сильно, как тебя. Если бы я мог найти какой—нибудь хороший способ сообщить ему новость до того, как он увидит тебя...

Хельга выскочила из своей ниши и встала перед ними, прямая и непреклонная. - Вы не должны подвергать себя опасности, защищая меня. Тебе будет достаточно того, что ты уже натворил. Первый взрыв его гнева я переживу сам, это мое право".

Прежде чем они успели догадаться о ее намерении, она проскользнула мимо них, легко перепрыгнула через неподвижное тело Карка и оказалась в свете факелов. В следующее мгновение со скамеек донесся рев изумления и восторга, и мужчины, бросив свои игры и опрокинув кубки, столпились вокруг нее.

- Она совсем выжила из ума, - удивленно произнес Рольф.

- Он убьет ее, - процедил Сигурд сквозь зубы. - И вполтину по такой же причине Олаф Трюгвассон ударил королеву по лицу.

Они последовали за ней на корму, как люди, бредущие во сне; но между кольцами широких плеч вскоре потеряли ее из виду. Все, что они могли видеть, - это смуглое лицо норманна, когда он взобрался на скамью и молча наблюдал за приближающимся призраком.

- Троль его заberi! Если он не может избавиться от этого взгляда, почему он их не закроет? Раздраженно пробормотал Сигурд.

Возможно, именно этот взгляд, который встретила Хельга, делая последний шаг, и столкнул ее лицом к лицу с вождем. В этот момент с ней произошла большая перемена. Когда гвардеец отодвинулся до крайних пределов своего кресла, чтобы посмотреть на нее с каким-то недоверчивым ужасом, она не упала к его ногам, как все ожидали от нее и как она сама думала сделать. Вместо этого она вскинула голову с таким пылом, что длинные локоны взметнулись в стороны. Даже когда гнев начал искажать его лицо, — гнев безудержный и ужасный, как у Эрика, — ее взгляд пронзил его, как лезвие меча.

- Тебе не нужно так смотреть на меня, родственник, - яростно сказала она. "Это ты сама виновата, что отдала меня во власть подлого животного, ты, кто воспитал меня свободной норвежской воительницей!"

Если бы доски палубы поднялись против них, мужчины не смогли бы смотреть друг на друга в большем ужасе. Ее смелость, казалось, парализовала даже Лейфа. Или его остановило зерно правды в упреке? Он позволял мгновению проходить за мгновением, не отвечая. Он сидел, явно пытаясь сдержать ярость, вцепившись в подлокотники кресла так, что костяшки его кулаков побелели.

Некоторое время с любопытством вглядываясь в него, словно пытаясь угадать его желания, его пронизательный старый приемный отец отложил шахматную доску, на которой они играли, прихрамывая подошел и успокаивающе положил руку на плечо девочки.

- Ты говоришь о Джилли? - спросил он. - Расскажи нам, как он плохо обращался с тобой.

Эта пауза лишь слегка охладила мужество Хельги.

"Он обращался со мной как с лошадью, которую торговцы украшают дорогими вещами и выставляют напоказ мужчинам, чтобы те посмотрели и предложили за нее деньги", - горячо ответила она.

Хотя они знали, что поведение Джилли было полностью в рамках закона, и не было ни одного человека, который не поступил бы так же, они все презрительно хмыкнули. Тиркер погладил бороду, искоса взглянув на своего приемного сына, и осторожно сказал:

"Ичто? Эйбер, как тебе удалось от него сбежать?"

"Там почти нечем было управлять. Как я уже говорил вам, он нагрузил меня драгоценными вещами, после чего оставил меня сидеть дома со своей слабоумной женой, а сам, по своему обыкновению, отправился в торговое путешествие. Лошадь доставила меня в Нидарос; золото купило мне билет с Арнором Гуннарссоном, и его корабль доставил меня во фьорд Эрика.

Затем, впервые за все время, Лейф заговорил. Его слова выплескивались, как волки, жаждущие жертвы.

- Не останавливайся на достигнутом! Расскажи, как ты перешел с его корабля на мой. Расскажи, кого ты нашел во фьорде Эрика, кто стал предателем из-за твоего золота.

Она храбро ответила ему: "Никто, родич. Никто не получал от меня даже кольца. Пусть Великан заберет меня, если я лгу! Я проплыл расстояние между кораблями под покровом темноты и...

Его голос прозвучал в ее ушах подобно раскату грома: "Кто нес вахту на борту прошлой ночью?"

Полдюжины мужчин вздрогнули во внезапном ужасе; но они были избавлены от необходимости отвечать, потому что Сигурд Харальдссон вышел из толпы и встал рядом с Хельгой.

- Прошлой ночью я нес вахту, приемный отец, - тихо сказал он. - Пусть никто из твоих людей не пострадает живым или невредимым. Это я принял ее на борт, когда была очередь остальных ложиться спать, и только я спрятал ее в кают-компании.

Те, кто надеялся, что любовь Лейфа к своему приемному сыну перевесит его гнев, плохо представляли силу негодования, которое он сдерживал. При этом предложении жертвы, которое он мог свободно принять, его гнев можно было сдерживать не больше, чем неконтролируемый поток. Это вырвалось потоком обличений, от которых красивая голова

Сигурда склонилась и кровь бросилась ему в щеки. Трус и предатель были самыми мягкими из его упреков; презрение и вечное недовольство были наименьшей из его учащей. Хотя Хельга умоляла глазами и руками, поток бушевал с яростью, которую никогда не мог превзойти даже гнев Эрика.

Только нехватка воздуха положила этому конец. Вождь бросился обратно в свое кресло и облокотился на него, тяжело дыша и бросая горящие взгляды из-под нахмуренных бровей — то на Рольфа и норманна, то на Хельгу, то снова на неподвижную фигуру Сигурда Харальдссона, молча ожидающего его удовольствия. Когда он заговорил снова, это было с внезапностью удара.

- Я также не совсем верю, что она решилась на это предприятие только для того, чтобы сбежать от Джилли. По ее собственному рассказу, Джилли уехала на сезон и оставила ее на свободе. Я считаю, что потребовалось нечто более важное, чтобы лишить ее рассудка ".

Хельга побледнела. Если он собирался вывести ее мотивы, то чего не могли прояснить следующие слова? Под шелковой туникой норманна подпрыгнуло английское сердце, а затем замерло. Наступила пауза, в которой, казалось, никто не дышал. Но следующие слова были такими же неожиданными, как и предыдущие.

Внезапно Лейф вскочил с нетерпеливым жестом. "Неужели мне не о чем думать, кроме твоих безумств? Не тревожь меня больше своим видом. Тайркер, отведи девушку вниз и проследи, чтобы о ней позаботились. В то время как преступники устали на него, едва осмеливаясь поверить своим ушам, он еще раз дал понять, что инцидент исчерпан, повернувшись к ним спиной и пригласив Робера Сансера занять место немца за шахматной доской.

В полном замешательстве Сигурд позволил Рольфу увести себя. "Что он может иметь в виду под таким концом?" "Что это?" - изумился он, как только смог высказать свои мысли вслух. "Как получилось, что он остановился, прежде чем выяснил ее истинный мотив? Не может быть, чтобы он бросил это дело вот так. Разве ты не заметил, каким мрачным взглядом он одарил меня, когда я уходил? Он поднял глаза на лицо Рольфа и обиженно отпрянул. - Чему ты улыбаешься? - спросил я. - потребовал он ответа.

- Над твоей глупостью, - рассмеялся Рольф ему в ухо. - Разве ты не видишь, что он верит, будто разгадал ее истинные мотивы? Поскольку Сигурд продолжал пялиться, Борец встряхнул его, чтобы пробудить дремлющие способности. "Простофиля! Он думает, что Хельга сбежала из Норвегии из-за любви к тебе!

-Именем дьявола! - выдохнул Сигурд. И все же, чем дольше он думал об этом, тем яснее видел. Мало-помалу у него вырвался вздох облегчения, который закончился смехом. "И он думает вызвать у меня зависть, поставив моего нормандского друга выше меня! Вы понимаете? Он использует это в качестве наказания. Клянусь Святым Михаилом, это кажется слишком забавным, чтобы быть правдой!"

ГЛАВА XXV

"ТАМ, ГДЕ НИКОГДА НЕ СТУПАЛА НОГА ЧЕЛОВЕКА"

Остроумие необходимо
тому, кто путешествует далеко:
дома все легко.
Хавама'л

Четыре дня пробирания сквозь заросли тумана и борозды водных пустошей, и маленькое прочное суденышко приблизилось к первой из неизвестных земель. Он возвышался впереди, как грозовая туча, унылый и бесплодный, как сама Гренландия. Из-за его негостеприимных высот и ледников, холодно поблескивающих на солнце, они сразу узнали в нем страну, которую видели в последний раз из рассказа Биорна.

- Мне кажется хорошим предзнаменованием, что мы начнем с того места, где остановился Бьорн, - заметил Рольф одному из матросов, спускавших шлюпку с корабля.

Этот парень был крепким исландцем, у которого все современные суеверия были на кончике языка, и он даже обладал даром ясновидения. Он скептически пожал плечами, склонившись над канатами.

"По моему мнению, добрые предзнаменования имеют мало общего с этой землей", - ответил он. "Это очень похоже на Страну Великанов, которую посетил Тор".

"Я думаю, это сам Хельхейм", - дрожащим голосом произнес Карк.

Борец взглянул на побледневшие щеки раба и рассмеялся долгим мягким смехом. Такая демонстрация была одной из немногих вещей, которые вызывали у него веселье. Внезапно он подхватил лодочника, как подхватывают котенка, и, перегнувшись через борт, швырнул его в баркас.

"Тогда вот тебе и шанс войти в мир мертвых в хорошей компании", - рассмеялся он. Он стоял на страже у планшера, пока Лейф и остальные десять человек из команды лодки не были готовы спуститься на воду; колотил беднягу по пальцам, когда тот пытался взобраться обратно, в то время как ряд ухмыляющихся лиц насмехался над ним за бортом.

Неперспективный вид берега не уменьшался по мере того, как исследователи приближались к нему. Если бы они не совершили легкую посадку на усыпанную гравием полосу между двумя скалистыми выступами, они бы почувствовали, что их труд был потрачен впустую. От моря до покрытых льдом гор простиралась равнина, на которой не было ничего, кроме широких плоских камней. Они тщетно искали какие-либо признаки жизни. Ни дерево, ни куст, ни даже травинка

не нарушали мертвой пустоты. Когда они увидели лису, перепархивающую из одной скалистой берлоги в другую, это испугало их и заставило перекреститься.

- Именно над такими пустырями, как это, мертвые любят взывать друг к другу, - пробормотал Вальбранд вслух.

И его сосед смущенно пробормотал: "Я думаю, вполне вероятно, что это одна из равнин, на которых Женщины, которые ездят верхом по ночам, проводят свои собрания. Если бы не везение Счастливого, я бы предпочел глотать горячие утюги, чем приходить сюда".

Затем оба замолчали, потому что Лист развернулся и ожидал их полного внимания, прежде чем объявить следующий ход. "Мне не нравится видеть, как храбрые люди позорят свои бороды болтовней рабынь", - сурово сказал он. "Запомните позор, который говорили о Бьорне Херюльфссоне из-за отсутствия у него предприимчивости. О нас нельзя сказать того же. Рольф Эрлингссон, Оттар Рыжий и трое других последуют за мной; и мы будем идти вглубь острова, пока свет на самой высокой горной вершине не померкнет совсем, а следующая точка внизу не станет желтой, как золотая еловая шишка. Остальные из вас будут следовать за Вальбрандом в течение того же периода времени, но пойдут на юг вдоль берега, поскольку может оказаться, что за этими выступами скрыто что-то интересное...

Вой Карка прервал его. "Я не пойду! Клянусь Тором, я не пойду! Духи скрыты за этими точками. Кто знает, что выскочит на нас? Я не отойду от Счастливого ни на шаг. Я не отойду! Я не отойду!" Бормоча что-то от ужаса, он вцепился в плащ Лейфа и прижался к нему, как кошка.

На мгновение шеф заколебался, глядя на него сверху вниз с невыразимым отвращением. Затем он тихо расстегнул золотую застежку на плече, сбросил мантию с таким размахом, что раб отшатнулся назад, и зашагал прочь во главе своих людей.

Вальбранду и раньше приходилось иметь дело с взбунтовавшимися рабами.

Тряся парня до тех пор, пока у него не кончилось дыхание, от которого он мог бы выть, рулевой коротко сказал: "Маловероятно, что мы увидим каких-нибудь призраков, но совершенно очевидно, что моя шкура потрогает вашу шкуру, если вы не прекратите эту возню".

Карк сделал свой выбор с поразительной быстротой. Он, бедняга, извлек все возможное утешение из тщательно выбранного положения. Как между двумя щитами, он прокрался между загадочным исландцем и бесстрашным нормандским воином. Вальбранд шел впереди, его каменное лицо было настроено противостоять дьяволу и всем его ангелам; а трое рослых шведов замыкали шествие с обнаженными мечами и колотящимися сердцами.

Если бы только путь мог лежать прямо и открыто перед ними, даже если бы он кишел зверями и врагами! Но на всем протяжении он ввинчивался в череду пляжей в форме полумесяца, каждый из которых лежал между скалистыми отрогами жукообразных утесов.

Каждая точка, которую они огибали, не обнаруживала ничего более тревожного, чем покрытые лишайником валуны и каменистый берег, где валялась дохлая рыба, а там - куча блестящих змеистых водорослей, а вон там - стая испуганных чаек, — но кто мог сказать, что может скрываться за следующим выступом? Они шли, крепко сжимая в кулаках оружие, их глаза бегали, уши были напряжены, в то время как волны шипели у их ног, а чайки кричали над их головами.

Свет на вершине горы медленно угасал и ложился на следующую вершину, золотым конусом выделяясь на синем фоне. Наконец-то даже чувство долга Вальбрана было удовлетворено. "Сейчас мы повернем назад", - объявил он, останавливая их. "Но сначала я заберусь на утес, здесь, где он самый низкий, и попытаюсь заглянуть немного вперед, чтобы у нас было как можно больше новостей для доклада вождю".

Говоря это, он мощным прыжком взобрался на пологий выступ и подтянулся к следующему выступу; грохочущий ливень песка и гальки продолжал отмечать его восхождение. Роберт Бесстрашный пошел дальше, чтобы осмотреть скалу, до которой они почти добрались; но остальные остались на месте, с тревогой следя за движениями своего предводителя.

Они были так увлечены, что подпрыгнули, как испуганные лошади, услышав восклицание исландца. Он показывал на полоску пляжа, лежавшую между Карком и Нормандией.

- Посмотри туда! - крикнул он. - Посмотри туда! - крикнул я.

Их тревога несколько не уменьшилась, когда они посмотрели и увидели, что помещение пусто. Холодные капли выступили на их телах, и волосы встали дыбом у них на головах.

Роберт Нормандский, который уловил крик, но не слова, вернулся, расспрашивая о причине переполоха; и при этих словах исландец закричал громче прежнего:

-Смотри, куда идешь! Разве ты этого не видишь? Твой прекрасный плащ запачкается кровью. Он у твоих ног".

В полном изумлении норманн уставился сначала на землю, а затем на провидицу.

- Неужели у тебя украли разум? Там, куда ты показываешь, нет даже рыбы-дьявола.

Исландец снял шапку и начал вытирать крупные бусины со лба. "Ты начинаешь слушать после того, как песня спета", - раздраженно ответил он. "Тварь убежала, как только ты приблизился. Это была лиса, которая вся была в крови.

Крик ужаса вырвался из горла Карка.

- Лиса! - завизжал он. - Мой дух-хранитель следует за мной в этом обличье; знающая женщина сказала мне об этом. Это мое предзнаменование смерти! Я обречен на смерть! Колени у него подкосились, так что он рухнул на землю и съежился там, заламывая руки.

Исландец бросил торжествующий взгляд на скептически настроенного незнакомца. "У тех, кто впервые слышит о странных чудесах, нет необходимости высоко поднимать подбородок", - сурово сказал он. "То, что у людей есть духи-хранители, так же несомненно, как и то, что у них есть тела. Твой, Роберт Нормандский, несомненно, ходит в облике волка из-за твоей воинской натуры; и я советую тебе сейчас, когда ты увидишь перед собой окровавленного волка, тебе пора будет надеть свои адские башмаки. Животное подбежало ближе всех к рабу...

Причитания Карка слились в крик надежды. - Это неправда! Оно лежало у ног норманна, ты сам ему так сказал!

В то время как провидец обернулся и довольно обиженно посмотрел на него, он вскарабкался по этой тонкой линии жизни, как человек, которого преследуют акулы.

"Ты видел вовсе не лису, а волка! Ты был так взволнован, что твои глаза были обманчивы. Это был волк, и он был ближе всех к норманну. Слепой понял бы, что это значит.

Исландец снова снял кепку, но на этот раз для того, чтобы с сомнением почесать затылок. "Когда незнакомец приблизился к нему, оно было ближе всего к нему", - настаивал он. "Хотя это может означать, что он будет искать смерти, я не могу сказать, что это доказывает, что он ее настигнет. И все же я не могу поклясться, что это был не волк. Солнце било мне в глаза...

Роберт Бесстрашный разразился презрительным смехом. "О, назовите это волком, и давайте закончим этот разговор!" - презрительно сказал он. - Я не умру, пока не настанет мой смертный час, даже если ты увидишь их стаю. Назови это волком, трусливый раб, если это удержит твой язык.

На большее у них не было ни малейшего шанса, потому что в этот момент к ним присоединился Вальбранд. "Здесь нет ничего, что отличалось бы от того, что мы уже испытали", - коротко сказал он, и они двинулись в обратный путь.

Они добрались до места высадки первыми; но прошло совсем немного времени, прежде чем головы их товарищей показались над скалистым гребнем. Было очевидно, что эта группа развлекалась получше. Несколько человек несли шляпы, наполненные яйцами морских птиц. У другого исследователя под мышкой был маленький толстый медвежонок, которого он где-то подобрал. Ловкость Рольфа в метании камней принесла ему в качестве трофея пушистый желтый лисий хвост.

Отряд продвинулся вглубь материка достаточно далеко, чтобы обнаружить, что на холмах растут ползучие кустарники, а на болотах - камыш; что это остров, как и утверждал Биорн, и что леса, равные по размеру гренландским, растут в защищенных местах. Но они не увидели ничего, что могло бы изменить их нелестное первое мнение. Какими бы викингами они ни были, воинами, с которых содрали бы кожу заживо, не дрогнув, облегчение отразилось на каждом лице, когда предводитель наконец отдал приказ отправляться.

Вероятно, именно потому, что он понимал опасность заходить слишком далеко в своей верности, вождь отдал приказ возвращаться так скоро. Со своей стороны, он, казалось, был не совсем удовлетворен. Стоя одной ногой на корме лодки, а другой все еще на камнях, он неуверенно замешкался.

"И все же мы не поступили с этой землей так, как Биорн, который не сошел на берег", - пробормотал он. Рольф размашисто продемонстрировал лисьего роста.

- Мы добились большего, чем Эрик после того, как он пробыл в Гренландии столь же короткое время, вождь. Мы взяли дань с жителей. Лейф соизволил слегка улыбнуться. Он занял свое место и с кормы окинул долгим критическим взглядом бесплодный берег — от лисьих берлог до гор с высокими пиками и снова к морю.

"Мы будем давать так же хорошо, как и брать", - сказал он наконец. "Я дам название этой земле и назову ее Хеллуланд, потому что это действительно ледяная равнина".

На борту их встретили гулом любопытства. В обмен на детеныша и лисий хвост было предложено почти все ценное, что было на корабле. Жуткие рассказы об этом месте проглатывались с разинутыми ртами, с такой жадностью, что неудивительно, что с каждым

повторением рассказы становились длиннее и полнее. При свете факелов, на безопасном расстоянии от Листа, каждый валун принял форму сидящего на корточках гнома, а слабый писк лисиц превратился в визг духов. История о предзнаменовании смерти разрослась до таких размеров, что Карк был бы перепуган до смерти, если бы не пребывал в твердой уверенности, что видение принадлежало волку. Исследователи, получившие мало удовольствия от своего приключения на момент его возникновения, стали считать его своим самым ценным достоянием. Огонь исследования разгорелся в каждой жилке. Каждый человек выставил себя особым наблюдателем, чтобы следить за любым рассветным пятнышком на горизонте.

Поскольку Фортуна любила удивлять человечество, следующий из "берегов чудес" подкрался к ним ночью. Солнце, зашедшее за пустынный океан, возшло над низким берегом, лежащим менее чем в двадцати милях отсюда. В ярком свете песчаные обрывы сияли, как утесы из расплавленного серебра; а в одной точке росло больше деревьев, чем когда-либо росло во всей Гренландии. Даже Лейф был тронут и воскликнул при виде этого.

"Несомненно, это земля, которая называет сама себя!" заявил он. "Вам не нужно долго ждать того, на чем я остановлюсь. Он будет называться Маркленд, в честь его лесов.

Энтузиазм Сигурда перерос в безрассудство. "Я приму участие в этой высадке, даже если мне придется умолять Лейфа об этой привилегии", - поклялся он. И когда во второй раз Рольфу сделали выговор за место в лодке, и во второй раз его притязаниями пренебрегли, он был так же безрассуден, как и своим словом.

- Неужели за все это время моя репутация совсем не улучшилась, приемный отец? - спросил он, подстерегая вождя, когда тот спускался с бака. "Я прошу вас подумать о том позоре, который навлечет на меня, если я буду вынужден вернуться в Норвегию, даже не ступив ногой на новооткрытые земли".

Некоторое время пристальный взгляд Листа рассеянно останавливался на нем, как будто груз других дел полностью выбросил его из головы. Вскоре, однако, его брови начали хмуриться над ястребиным носом.

- Скажите тем, кто спросит, что вас оставили на борту, потому что там требовался сильный духом и верный сторож, - коротко ответил он и повернулся к нему спиной.

Роберт Бесстрашный стоял у борта, жадно вглядываясь в сторону берега. Словно внезапно вспомнив о его существовании, вождь остановился у него за спиной и тронул его за плечо.

"Норманн настолько же слишком скромн, насколько его друг слишком смел", - сказал он с ноткой обычной для него учтивости. "Человек, который счел нужным отправиться в такое далекое путешествие, безусловно, имеет право на участие в каждом опыте. Пусть Роберт Сансеур спустится вниз и займет то место, которое принадлежит ему по праву".

Когда лодка отчалила вместе с Бесстрашным на последней скамье, лицо Сигурда было напряженным. Смешанный между унижением и весельем, он был настолько взволнован, что Рольф, сидевший рядом с нормандцем, не смог сдержать своего тихого смеха.

- Независимо от того, подарил тебе свою удачу Красноречивый или нет, видно, что для себя у него ничего не осталось, - рассмеялся он на ухо своему спутнику.

Норманн налег на весло с такой силой, что оно ушло глубоко в воду и вышло далеко за пределы гребка.

"Независимо от того, осталось у него что-нибудь для себя или нет, мне он точно ничего из этого не отдал", - пробормотал он. "Вот мы и на нашей второй посадке, и у меня еще не было возможности подвергать свою жизнь опасности ради шефа. Я также не вижу никаких причин ожидать благоприятных перспектив в этой, кажущейся безобидной стране. Есть ли смысл надеяться здесь на диких зверей?"

Борец посмотрел на него через плечо веселыми глазами. - Ты считаешь, что Лейфу Эрикссону нужна твоя защита от диких зверей? - спросил он.

Несмотря на смуглый цвет лица норманна, Элвин Английский внезапно покраснел. Когда желание коренится в самом сердце человека, трудно уйти достаточно далеко, чтобы увидеть его в истинных пропорциях.

По мере приближения лодки сверкающие серебром утесы превращались в обрывистые утесы из побитого непогодой песка; но белый пляж, впадающий в воду, и зеленые заросли, покрывающие высоты, оставались прекрасными и манящими. Не боялись темных предзнаменований на этом сверкающем песке; не опасались злых духов в этом залитом солнцем лесу. Все было чистым, ярким и свежим от руки Бога. Вместо шпоры исследователям нужен был повод, причем натянутый. Если бы не власть вождя, они бы рассредоточились по этому месту, как мальчишки, гнездящиеся в птичьих гнездах.

"Вы знаете не больше меры, чем свиньи", - строго сказал Лист, сдерживая их порыв подчиниться призыву мириад покрытых листвою рук. - И к тому же вы безмозглые, как дети. Разве вы еще не усвоили, что холодная сталь часто прячется под светлой туникой? Мы разделимся на два отряда, как сделали при нашей первой высадке; и я запрещаю, чтобы кто-либо отделялся от своего отряда по какой бы то ни было причине".

Затем он приступил к отбору тех, кто должен был последовать за ним; и, к великой радости Роберта Нормандского, он был включен в это привилегированное число.

Люди Вальбранда ломанулись прочь сквозь кустарник и ежевику, а последователи вождя бросились, как ликующие пловцы, в море подлеска. Теперь, по пояс в колючих кустах, они прокладывали себе путь, используя только силу. Теперь они перешагивали через сеть низко свисающих лиан, связывающих лодыжки прочнее, чем моржовая шкура. И снова, подражая четвероногому первопроходцу, который проделал едва заметный путь к тропе, они поползли на четвереньках. Каждое гнездо, на которое они натыкались, и каждый ягодный куст давали им тяжелую дань; но они щедро вознаграждали шиповников одеждой, волосами и мясом.

"Я думаю, что, скорее всего, я не смог бы вернуться по своим следам ничем иным, кроме волос, оставшихся на шипах", - печально заметил исландец Эйвинд, когда они наконец остановились перевести дух на одном из немногих открытых мест.

Бесстрашный подслушал его и рассмеялся. "Когда я обнаружил, что мои локоны могут полностью оторваться от головы, я избавился от них таким образом", - сказал он. Он наклонился вперед со своего места на поваленном дубе, чтобы показать, как его черные кудри аккуратно

заправлены за воротник, когда крик боли из чащи позади них заставил всех мужчин вскочить на ноги.

Вождь окинул взглядом маленькую группу. - Пропал Лодин, - сказал он. - Вероятно, он задержался у тех последних ягодных кустов. С ножом в руке он нырнул в джунгли.

Пока шуршащий зеленый занавес все еще скрывал трагедию, спасатели поняли, в какой опасности находится их товарищ; внезапно, перекрывая крики о помощи и треск топчущихся кустов, раздался рев разъяренного медведя.

Сердце Элвина подпрыгнуло в груди, а ноздри расширились от такой неистовой радости, что он завоевал вечное уважение окружающих его спортсменов. Расталкивая своих товарищей, он пробрался сквозь путаницу переплетающихся гибких рук и оказался рядом с вождем.

Лист отодвинул в сторону последний нависающий сук, и битва развернулась перед ними.

Заклученный в объятия самого большого медведя, какого им когда-либо доводилось видеть, стоял Лодин Пожиратель Ягод. То, что зверь напал на него с тыла, было очевидно, потому что похожие на долото когти одной огромной лапы разорвали мантию, тунику и плоть в клочья; но викингу, должно быть, каким-то образом удалось повернуться и схватиться со своим врагом, потому что теперь его искаженное лицо было совсем рядом с челюстями, с которых капала вода. Два кровавых рваных пятна на обеих руках указывали на то, где побывали зубы зверя; но если лапы медведя сжимали плечи человека, то руки человека все еще были сомкнуты вокруг ушей медведя. О том, что эта пара уже однажды падала, свидетельствовали листья и грязь в волосах и мехе; и теперь они снова падали, вспахивая землю, визжа и тяжело дыша, рыча и ревя; одна из задних лап животного поднялась и ударила вниз движением, исполненным ужасного значения.

Это было слишком жуткое зрелище, чтобы бездействовать. Ножи уже были у каждого в руках, и трое мужчин пригнулись для прыжка, когда вождь строгим жестом отогнал их назад.

"Атакуя таким образом, вы не сможете достичь жизненно важной части тела", - напомнил он им. И он крикнул сопротивляющемуся мужчине: "Симулируй смерть! ты ничего не сможешь сделать без своего оружия. Притворись мертвым".

Элвину показалось, что для этого потребуется больше мужества, чем для борьбы; но пока слова еще висели в воздухе, человек подчинился. Его руки ослабили хватку, голова упала на землю, и он лежал под косматым телом, как мертвый. Черная морда с любопытством ткнулась ему в лицо, но он не пошевелился.

Подозрительно приняв себя, победитель, казалось, принял правду о своей победе. Точно так же, как если бы он сказал: "Приди! Вот одно хорошее дело сделано; что дальше?" Он с ворчанием поднялся на задние лапы и стоял, рыча и переводя свои горящие маленькие глазки с одного на другого из незваных гостей в кустах.

- Если бы только можно было метнуть копье ему в сердце! - пробормотал моряк, стоявший за плечом Элвина. Но трудности с поиском пути через сплошную чащу удерживали людей от того, чтобы обременять себя таким громоздким оружием.

Лейф быстро заговорил: "Нет другого выхода, кроме как довериться нашим ножам. Поскольку я превосхождлю любого по силе, я схвачу его первым. Если я потерплю неудачу, чего я не ожидаю, я сохраню свою жизнь, как это делает Лодин; и настанет черед Бесстрашного здесь".

Элвин был слишком вне себя от восторга, чтобы помнить что-либо еще. - За это я благодарю тебя, как за корону! - выдохнул он.

Даже когда он вышел навстречу врагу, Лист иронически улыбнулся. "Конечно, тебя лучше называть Бесстрашным, чем Вежливым", - сказал он. - С вашей стороны было бы не более чем вежливо пожелать мне удачи.

Все дальнейшее потонуло в реве медведя, когда он сделал быстрый вразвалку шаг вперед и выбросил вперед свои ужасные лапы. Даже огромное тело Лейфа не выдержало шока от этой встречи. Его левая рука схватила зверя за горло и железными сухожилиями удержала его покрытые пеной челюсти; но толчок от схватки лишил его опоры. Они падали, сжимались и катались по земле снова и снова; эти ужасные задние лапы поднимались и наносили удары все более и более метко.

Элвин больше не мог этого выносить. - Отдай мне его сейчас! - взмолился он. - Пришло время оставить его мне. Следующим ударом он разорвет тебя на куски. Я заявляю, что моя очередь.

Вряд ли кто-нибудь его услышал: в этот момент, покачиваясь и шатаясь, борцы поднялись на ноги. Поднимаясь, Лейф ослабил хватку на горле медведя, и косматая голова метнулась вбок и сомкнула челюсти на его обнаженной руке с ужасным рычащим звуком. Но в тот же момент правая рука мужчины с ножом в руке метнулась к цели, которую она искала. В незащищенное тело он вонзил лезвие по самую рукоять, затем отклонился влево и пошел вверх. Удар, которого тщетно добивались подкованные долотом лапы, был достигнут маленькой полоской стали. Рев, который эхом отдавался между невысокими холмами, конвульсивное движение могучих конечностей, а затем мышцы зверя расслабились, напрягаясь при выпрямлении; и огромное тело откинулось назад, мертвое.

От вождя исходило почти такое же ворчание, какое издал медведь при падении своего врага. Взглянув лишь с каким-то презрительным любопытством на свою раненую руку, он быстро подошел к своему расprostертому последователю и склонился над ним.

- Ты получишь по заслугам за то, что нарушил мой приказ, - мрачно сказал он. - И все же повернись, чтобы я мог заняться твоими ранами, прежде чем ты истечешь кровью до смерти.

В последовавшей за этим деятельности Роберт Нормандский не принимал никакого участия. Он прислонился к дереву, скрестив руки на груди, не сводя глаз с убитого медведя, которого половина отряда торопливо превращала в бифштексы и шкуру. Мужчины бормотали друг другу, что южанин был в ярости из-за того, что упустил свой шанс, но это была только часть правды. Его неподвижные глаза больше не видели медведя; его уши были глухи к голосам вокруг. Он снова увидел темную комнату, освещенную прыгающим пламенем и бегающими глазами; и снова шепелявый голос прошипел ему в ухо свой "жаргон".

"Я вижу Лейфа Эрикссона, стоящего на земле там, где никогда раньше не стоял человек; и я вижу тебя, стоящего рядом с ним, хотя ты выглядишь не так, как сейчас, потому что у тебя

длинные черные волосы... Я вижу, что именно в этой новой стране решится, будет ли ваша удача хорошей или плохой..."

Он медленно сказал себе, как человек, разговаривающий во сне: "Все решено, и это будет плохо".

Затем комната исчезла из поля его зрения. Вместо этого он увидел насмешливую улыбку Рольфа и снова услышал его насмешливый вопрос: "Вы считаете, что Лейф Эрикссон нуждается в вашей защите от диких зверей?"

Внезапно он запрокинул голову и разразился громким смехом, который резанул по ушам, как скрежет стали.

Когда, наконец, раны Лодина были перевязаны так, что ему могли помогать двое его товарищей, отряд начал медленное возвращение. К тому времени, когда они снова вышли на сияющий белый пляж, вид у них был потрепанный. Среди них не было ни одной мантии, которая висела бы клочьями, ни одного поцарапанного лица, на котором кровь не смешивалась бы с ягодным соком. Но во главе их, как захваченное знамя, несли огромную медвежью шкуру. При виде этого их ожидавшие товарищи разразились криками восхищения и зависти, которые донеслись до стоявшего на якоре корабля.

"Никогда не слышали о таком виде спорта!" — "Лучшей земли нигде не найти!" - кричали они. "За один месяц мы могли бы добыть достаточно шкур, чтобы разбогатеть на всю оставшуюся жизнь!"

А затем послышалось невнятное бормотание в сторону: "Очень жаль покидать такое место". — "Глупо отказываться от определенного богатства ради смутных возможностей". И хотя недовольство росло не громче ропота, оно распространилось по всем сторонам, как пожар в кустах.

Теперь среди исследователей был один человек, который был членом команды Бьорна Херюльфссона и был полон самомнения и амбиций стать лидером среди своих собратьев. Когда прозвучала команда подниматься на борт, ропот усилился почти до откровенного ропота, он подумал, что увидел шанс выделиться, и с важным видом двинулся вперед.

- Если вы не намерены возвращаться и извлекать выгоду из этого открытия, шеф, я должен сказать вам, что добровольно мы не вернемся на корабль. Конечно, нет, пока мы не добудем по крайней мере по одному медведю на каждого. Мы свободные люди, Лейф Эрикссон, и нам не приходит в голову полностью подчиняться...

Имел ли он в виду "нос" или нет, никто так и не узнал. В этот момент вождь обернулся и посмотрел на него взглядом, настолько непохожим на кроткий взгляд Бьорна Херюльфссона, что слово застряло у парня в горле, и он инстинктивно отскочил назад.

Лейф презрительно отвернулся от него и обратился к членам своей старой команды: "Вы свободные люди, - сказал он, - но я вождь, которому вы по собственной воле поклялись в верности на острие ваших мечей. Ты думаешь, это повышает твою честь, если незнакомец осмеливается оскорблять избранного тобой лидера в твоем присутствии?"

- Нет! - взревел Вальбранн громовым голосом.

И Лодин погрозил мятежнику своей раненой рукой. "Если бы моя рука могла сомкнуться на мече, я бы разрубил тебя им на куски", - закричал он.

Дремлющая гордость других мужчин проснулась. В те дни для верности редко требовалось больше, чем короткий сон, несмотря на всю тяжелую работу, которая на нее ложилась.

"Пригните его!" — "Поджарьте его!" - "Окуните его в океан!" - кричали они. И так энергично, что главарь, проклиная непостоянство мятежников, счел целесообразным немедленно выхватить свой меч и занять оборонительную позицию.

Но снова рука Лейфа была протянута вперед.

"Оставь его в покое", - сказал он. "Он чужой среди нас, и твои собственные слова ответственны за его ошибку. Оставь его в покое и покажи свою преданность своему лидеру, выполняя его приказы без дальнейших неподобающих задержек.

Они повиновались ему молча, хотя и неохотно; и вскоре тех, кто оставался на борту корабля, снова охватил приступ завистливого возбуждения.

Однако последующие дни были не из приятных. Для тех, кто соскучился по этому виду спорта, медвежья драка была словно терзающая заноза. Вахты, во время которых северо-восточный шторм заставлял их мчаться по пустынным морям, почти ничего не делая и имея много времени для сплетен, были золотыми часами для роста змеи недовольства. Хотя существо не осмеливалось напасть снова, его шипение было слышно вдалеке, а в темных углах виднелся блеск его клыков. Если бы Лейфу не повезло, как Биорну, и он начал не с того конца своего путешествия, так что теперь перед ним лежала бесплодная земля Хеллулэнд, затаившийся змей мог бы раздуться, подобно змеиному питомцу Торы Борга Хиорт, и превратиться в разрушительного дракона.

Разве Лейфу не повезло, что земля, открывшаяся им на третье утро, оказалась настолько же прекраснее, чем их хваленая Маркленд, насколько это место приятнее, чем пустоши Гренландии? земля, где, как повествуют старые книги, на холмах буйно росли виноградные лозы, а на равнинах - пшеница; где реки изобиловали рыбой, а в зарослях шуршала дичь, а острова были покрыты бесчисленными дикими птицами; где даже роса на траве была сладка как мед!

Когда они смотрели на цветущие берега, леса и невысокие холмы, теплые и зеленые от солнечного света, крики восхищения вырывались из каждого горла.

Вальбранд набрался смелости предупредить своего вождя: "Хотя я не оспариваю вашу волю в этом, как и во всем остальном, я скажу, что следует ожидать трудностей, если люди будут разлучены с такой землей, не отведав хотя бы ее вкусов".

Даже для тех, кто пробыл с ним дольше всех, Этот Счастливчик был полон сюрпризов.

"В мои намерения никогда не входило продолжать плавание после того, как мы совершили три посадки", - спокойно ответил он. "Мы были бы неблагодарны Богу, если бы не смогли проявить уважение к тем хорошим вещам, к которым Он нас привел. Я рассчитываю остаться в этом месте на зиму".

ГЛАВА XXVI

ВИНЛАНД ДОБРЫЙ

"... Они поплыли к этой земле и пристали к острову, лежащему к северу от нее, и в хорошую погоду сошли на берег и огляделись. Они нашли росу на траве, и потрогали ее руками, и поднесли ко рту, и им показалось, что они никогда не пробовали ничего более сладкого, чем эта роса. Затем они поднялись на борт "клада" и вошли в пролив, который находился между островом и мысом, идущим на север от материка. Они миновали мыс, держа курс на запад. Там было очень мелко, и их корабль сел на мель, а во время отлива море было далеко от корабля. Но им так не терпелось поскорее сойти на берег, что они не могли дожидаться, пока паводок достигнет их корабля, и выбежали на берег, где река вытекала из озера. Когда паводок поднял их корабль на плаву, они взяли свою лодку, подплыли к кораблю и отбуксировали его вверх по реке в озеро. Там они бросили якорь, и отнесли свои кожаные сумки на берег, и там построили шалаши". - ФЛАТЕЙЯРБО'К.

Был октябрь, и это был новый лагерь, и это была Прекрасная Хельга, спотыкающаяся на зеленом фоне в юбке из красных и желтых ягод терновника и в венке из огненных осенних листьев на своей солнечной голове.

Там, где полоска суши проходила между похожим на озеро заливом и рекой, которая спешила броситься в его объятия, лежало новое поселение. Пять недавно построенных хижин, обращенных окнами к морю, стояли на опушке рощи, венчавшей речные обрывы. За ними тянулось на несколько сотен ярдов лесистое нагорье, заканчивающееся крутым спуском к реке, который служил своего рода черной лестницей, ведущей в крепость. Перед ними зеленые равнины и песчаные отмели спускались к белому берегу залива, который покачивал на своей груди их стоящий на якоре корабль. Над их низкими крышами величественные дубы, вязы и клены шептали неумолчные колыбельные, словно женщины, давно бездетные, которым после утомительного ожидания даровано успокоить прислушивающийся слух их пением.

"У меня такое чувство, что эта земля всегда ждала нас; и что теперь, когда мы пришли, она рада", - счастливо сказала Хельга, остановившись там, где сын ярла прислонился к дверному проему, наблюдая, как костры Карка прыгают и выпускают клубы голубого дыма. "Разве это не

чудесная мысль, Сигурд, что так давно Богу пришло в голову, что однажды мы захотим прийти сюда?"

"Это прекрасная земля", - рассеянно согласился Сигурд. И тут Хельга впервые заметила, как нахмурилось его лицо, и ее собственное немного померкло.

- Увы, товарищ, ты размышляешь о немилости, которую я навлекла на тебя! - сказала она, нежно кладя руку ему на плечо. "Я действую бездумно, когда забываю об этом".

Сигурд предпринял добродушную попытку прийти в себя. "Пусть это тебя не беспокоит, *ма ми*", - беспечно сказал он. "Когда ей взбредет в голову напасть на мужчину, она войдет через окно, если дверь будет закрыта. Это не имеет большого значения".

Он похлопал ладонью по своей руке, и его улыбка стала еще озорнее. "Тем не менее, я ничего не скажу против, если ты захочешь заплатить какую-нибудь неустойку", - добавил он. "Смотри, вон Лейф сидит и играет с медвежонком, пока тот ждет свой завтрак. Теперь, когда он обращает свой взор на нас, протяни руку и подари мне такой нежный поцелуй, который навсегда убедит его, что ты бежала из Норвегии из-за любви ко мне.

Ответом ему был сильный удар по уху; но еще до того, как ее щеки остыли, Хельга смягчилась и повернулась обратно.

- Даже на твою французскую глупость я не обращаю внимания из-за того несчастья, которое я причинил тебе. Возьмите теперь горсть этих ягод и придумайте предлог, что вы хотите отдать их медведю. Пока вы это делаете, решительно поговорите с Листом и расскажите ему о своем желании. То, что он играет с детенышем, - признак того, что он в хорошем настроении".

Взгляд Сигурда тоскливо скользнул за пределы кухонных очагов и складов к последней хижине в ряду, перед которой дюжина мужчин застегивала плащи и вооружалась в суе радостного ожидания. Он протянул ладонь с внезапной решимостью.

- Клянусь святым Михаилом, я так и сделаю! Я поклялась, что никогда больше не буду умолять его уйти, но на этот раз рядом нет никого, кто мог бы увидеть мой позор, если он мне откажет. Ну вот — этого достаточно! Мне нужно поторопиться: вон идут Эйвинд и Одд с рыбой; Карк не заставит себя долго ждать, чтобы приготовить ее.

Старательно сохраняя беспечность, он прошел мимо открытого сарая, в котором хранилась свежеприобретенная пшеница, мимо спального дома и группы парней, чинивших сети, и подошел к большому клену, под которым стояла грубая скамья. Там, словно Гигантский Трайм со своими борзыми, сидел Лейф, задумчиво поглаживая усы, а свободной рукой взъерошивая голову лагерного любимца.

Почуввав лакомство, медведь оставил своего друга и заковылял навстречу вновь прибывшему. Вождь поднял глаза и посмотрел на своего приемного сына поверх своей руки, казалось, с меньшей суровостью, чем обычно. И все же он не выглядел настолько ослепленным добродушием, чтобы не видеть маневра. Сигурд решил нанести удар прямо с плеча.

Волчонок, обнаружив, что одним восхитительным глотком угощение не съешь, поднялся на задние лапы и приглашающе разинул пасть. Пока он одну за другой перекладывал ягоды между белыми зубами, Сигурд высказал свое мнение.

- Прошло уже две недели, приемный отец, с тех пор, как были закончены зимние стоянки и ты начал практиковать отправку исследовательских групп. За все эти дни ты лишь однажды позволил мне поучаствовать в спорте. Я прошу тебя сказать мне, как долго мне придется это терпеть?"

Оказалось, что рука, поглаживавшая усы вождя, также скрывала сухую улыбку.

- Ты берешь свое оружие не за тот конец, приемный сын, - возразил он. "Вы забываете, что каждый раз, когда я выбирал исследовательскую группу для выхода, я также выбирал группу для того, чтобы оставаться дома и охранять товар. Как это возможно, что я мог выделить из их числа человека, который показал себя настолько выдающимся в здравом смысле и твердости ума..."

Нога Сигурда опустилась с безошибочным топотом, и оставшиеся ягоды были раздавлены в его сжатом кулаке.

"На эту нить было нанизано достаточно шуток! Я терпеливо подчинялся вам, потому что мне казалось, что ваш гнев был неспроста, и все же для вас не более чем справедливо помнить, что я был беспомощен в этом вопросе. Поскольку девушка была уже так далеко, с моей стороны было бы подлостью отказаться от ее помощи. Я же не выманивал ее из Норвегии..."

Смутное воспоминание заставило его внезапно остановиться, кровь прилила к его щекам. Он знал, что глаза над коричневой рукой стали пронзительными, но было много причин, по которым ему не хотелось встречаться с ними взглядом. После минутного колебания он откровенно отказался от этого подхода и попробовал новый. Опустившись на одно колено, чтобы вытереть испачканную ягодами руку о траву, он поднял глаза со своей веселой улыбкой. "Есть еще одна причина, по которой ты должен позволить мне поступать так, как я хочу, приемный отец. В тот единственный раз, когда я действительно сопровождал группу, были обнаружены те поля самосевной пшеницы, которые вы так высоко цените. С тех пор я оставался дома, и ничего ценного не обнаружилось. Кто знает, чего бы ты не нашел на этот раз, если бы взял с собой мою удачу?"

Лист оттолкнул детеныша в сторону и поднялся на ноги, усиливающийся аромат жареного лосося возвещал о скором приближении утренней трапезы.

"Хотя я не могу сказать, что считаю это аргументом, который позволил бы вам выиграть дело перед представителем закона, - заметил он, - все же я не буду настолько суров, чтобы наказывать вас дальше. Воспользуйся своим шансом с "роверами", если хочешь; хотя маловероятно, что у тебя будет время и поесть, и привести себя в порядок.

Сигурд уже был далеко.

"Мне не потребуется много времени, чтобы выбрать между этими двумя", - радостно крикнул он через плечо.

Пока остальные шумно пировали за длинным столом перед складами с провизией, Красноречивый метался между спальным домом и кладовой, доставая свои самые тяжелые сапоги, самую прочную тунику, самую старую накидку. В последний момент лезвие его ножа оказалось неудовлетворительным, и он пошел, сел у одного из костров для приготовления пищи и принялся за точильный камень.

По другую сторону костра, скрестив ноги, сидел на земле Карк, освежившая кроликов из кучи, которую только что принесли трапперы. Он поднял глаза с наглой ухмылкой.

- Хорошо, что твое положение наконец улучшилось, Сигурд Ярлссон. Не похоже, чтобы норманн принес вам много удачи в обмен на вашу поддержку. Он взглянул в ту часть стола, где в лучах утреннего солнца блестели черные локоны Роберта Бесстрашного, гладкие, как крыло черного дрозда. "У южанина властное лицо", - добавил он. "Оно напоминает мне кого-то, кого я ненавижу, хотя я не могу вспомнить, кого".

Пылкий порыв Сигурда ударить его был остужен внезапным похолоданием. Он сказал как можно небрежнее: "Вы грубый дурак, но, вероятно, вы видели Роберта Сансера в Нидаросе. Он был там незадолго до того, как мы уехали.

Раб кивнул в знак согласия, но его интерес, казалось, принял другой оборот, потому что через некоторое время он рассеянно сказал: "Ты снова назовешь меня дураком, когда я скажу тебе, о ком норманн заставил меня подумать вначале. Не кто иной, как тот тупоголовый английский раб, которого Лейф убил прошлой зимой, - если бы не то, что один черный, а другой белый, и один живой, а другой мертвый.

Он начал ухмыляться над своей работой, настоящее воплощение злобы, совершенно не сознавая, что глаза Сигурда сверкают над его головой. Мало-помалу он разразился нестройным ревом.

"Это слишком весело, чтобы хранить молчание! Какое это может иметь значение теперь, когда Горячая Голова мертв? Ах, это была прекрасная месть!" Он смело взглянул Сигурду в лицо, хотя и не повысил голоса, чтобы его услышали за дверью. - Ты знал, что не Торхалль, управляющий, нашел нож, который предал англичанина? Тебе это снилось, сын ярла? Знаешь ли ты, что именно я последовал за тобой из зала той ночью, и слушал тебя из тени, и шел по твоему следу на следующем рассвете, пока не наткнулся на нож у самой двери Скроппы? Ты никогда не подозревал об этом, сын ярла. Я был слишком хитер, чтобы позволить тебе вонзить в меня зубы. Торхалль, ты не мог причинить вреда...

- Жалкий шпион! Ты хвастаешься своим подвигом? молодой викинг горячо перебил его. - Что теперь помешает мне кусаться? Он перепрыгнул через пламя, и его рука оказалась на горле противника прежде, чем тот закончил говорить.

Но раб отбивался от него с необычной смелостью.

- Тебе не рекомендуется наносить ущерб собственности Лейфа, Сигурд Харальдссон, - задыхаясь, произнес он. - Сейчас моя жизнь для него ценна. Ты еще не избавился от позора. С твоей стороны было бы неразумно снова оскорблять его.

Каким бы презренным ни был ее нынешний рупор, это была правда. Сигурд сделал паузу, хотя его пальцы дрожали от страсти. Пока он колебался, призывный крик Вальбрана решил дело. Ослабив хватку, молодой воин выплеснул свою ярость одним яростным ударом ноги и поспешил присоединиться к своим товарищам.

Двенадцать мускулистых викингов с двенадцатью короткими мечами на боку и двенадцатью длинными ножами за поясом выступили вперед, возглавляемые Вальбрандом с Каменным Лицом и — Тюркером! Маленький немец снял самую длинную из своих меховых туник; на поясе

у него действительно висел очень длинный нож, а вместо посоха он использовал копье. Однако ни одно из этих приготовлений не придавало ему грозного вида. Сигурд изумленно уставился на него.

"Тайкер! Я глазам своим не верю, что у тебя есть намерение предпринять такой поход! Не пройдет и сотни шагов, как это станет для тебя таким испытанием, что ты упадешь на камень в обмороке".

Старик уставился на него своими маленькими блестящими глазками.

"И что?" - сказал он, посмеиваясь. "Тогда мы заключим сделку: для меня ты будешь ногами, а я для тебя мозгами. Тогда мы не будем брошены на съедение диким зверям, и все же наш разум не будет подобен сдувшейся пивной пене, если так случится, что прекрасная девушка встретится на нашем пути".

Сигурд выругался нечестивой французской руганью, когда раздался смех. Неужели эти шутки никогда не зачерствеют у них на языке? он задумался. Он бросил слегка обиженный взгляд туда, где стоял Роберт Сан-Пьер, спокойный и величественный, наблюдая за отъездом. Что бы еще ни угрожало Элвину Английскому, он не собирался терпеть всю эту чепуху. Уходя, Красноречивый бросил через плечо хитрую гримасу своему другу.

Норманн уловил гримасу, но ответная улыбка не тронула горькую линию его губ. Улыбки были чужими на его изможденном смуглом лице уже много недель.

Моряки говорили о нем: "С тех пор как южанин упустил свой шанс в "медведе", у него вид человека, потерявшего надежду попасть на Небеса".

Когда шум удаляющихся исследователей затих вдали, Робер Сансеур отошел от шумных групп и растянулся в тени старого вяза. Вождь снял с себя мантию и верхнюю тунику и отправился в лес с топором на плече. Стук молотков плотников издавал веселую музыку, когда они сооружали койки в новом спальном доме. На солнце приходили и уходили рыбаки и трапперы; сборщики урожая, пошатываясь, входили под золотые снопы; группа купальщиков кричала и плескалась в озере. Но норманн ничего не видел и не слышал об этой приятной суматохе. В течение долгих золотых часов он лежал без звука и движения, рассеянно глядя на зеленый дерн и увядающие листья, которые долетали до него с каждым дуновением ветерка.

Прием пищи в полдень не был обычаем браттахлидов; но когда наступил полдень, в работе наступило затишье, пока Карк разносил хлеб, мясо и эль. Сочетая благоразумие с экономией труда, раб не делал попыток приблизиться к задумчивому незнакомцу; и последний не подавал никаких признаков того, что заметил пренебрежение. Но зоркие глаза вождя видели это, как они видели все.

Со своего места под кленом он крикнул властным голосом: "Выносливых бойцов с медведями не делают воздержанием от пищи, и ум не обостряется от того, что они дуются. Я приглашаю норманна посидеть со мной, пока он пьет свой эль и рассказывает мне о том, что у него на уме.

Роберт Сан-Пер откликнулся на это приглашение скорее со смущением, чем с удовлетворением.

- Может быть, у меня голова кружится оттого, что я выпил слишком много эля, - извинился он, усаживаясь на свое место.

Поверх куска хлеба, который он подносил ко рту, вождь критически оглядел своего гостя.

- Есть старая поговорка, - заметил он, - что, когда с человеком случается, что его голова клонится ко сну днем, это потому, что его разум находится не в теле, а блуждает по миру в другом обличье. В какой стране и в какой форме путешествуют мысли норманна?"

Через мгновение Роберт Бесстрашный поднялся на ноги и низко поклонился. "Они вернулись, чтобы спокойно отдохнуть в безымянной стране, - ответил он, - и носят форму благодарности Лейфу Эриксону за его многочисленные милости. Я пью за здоровье Счастливого и за его неувядающую славу! Скоал!"

Когда он поставил свой рог после тоста, взгляд норманна случайно встретился с взглядом проходившей мимо девы-воительницы. Взяв у раба еще один рог, он снова поклонился с вошедшей в поговорку французской галантностью; затем залпом выпил вторую порцию эля в честь Хельги Прекрасной.

Лист обернулся как раз вовремя, чтобы уловить довольно необычное выражение на лице девушки, хотя ее вежливость была образцом официальности. Он безапелляционно протянул руку.

- Подойди сюда, родственница, и расскажи мне, как у тебя идут дела, - приказал он. - Остается надеяться, что Тайкер не выбросил тебя из головы, как это сделал я в течение этих последних недель. Как ты развлекаешься сегодня утром, пока его нет?

Хельга отогнала виноватую мысль в некий зеленый уголок на берегу реки и вознесла к небесам благодарственную молитву за то, что отложила до полудня свое ежедневное паломничество к любимому святилищу.

Она с готовностью ответила: "До сих пор я развлекалась очень плохо, родич, потому что выполняла ту женскую работу, которую так хвалит Торхильд. Я была в твоей спальне, пришивала кожаные занавески, которые будут украшать четвертую стену моей комнаты.

Лейф взглянул на норманна с сухой улыбкой. - Комната! - прокомментировал он. - Узнай из этого, Роберт Нормандский, как норвежская девушка относится к прилавку! И все же, какая бы враждебная тварь ни напала на нас, нормандская леди в своей беседке не была бы в большей безопасности. Спальные места Тюркера, мои и Вальбранда, находятся между дверью в дом и комнатой Хельги, дочери Джилли. Он отпустил руку девушки, хотя по-прежнему не сводил с нее глаз. - Куда ты теперь направляешься? - требовательно спросил он. "Долгие прогулки небезопасны в незнакомой стране".

Сохраняя совершенное самообладание, Хельга даже рассмеялась; серебристый перезвон вызвал трепет удовольствия среди задумчивых старых деревьев.

- Клянусь моим ножом, родственник, ты слишком серьезно относишься к своей ответственности теперь, когда ты вообще вспомнил об этом! - парировала она. - Я не хожу далеко, только немного вверх по реке, где растет тростник, из которого я хочу сделать корзины.

Тогда вождь отпустил ее, и вскоре она исчезла среди деревьев.

Один за другим мужчины покончили с едой и вернулись к своим различным занятиям. Молотки снова начали свою веселую дробь; и спорящие голоса игроков в кости сменили крики купальщиков. Однако, за исключением них, в зале было тихо. Жарко светило солнце, и деревья, казалось, дремали в дремотном воздухе.

Возможно, потому, что он предпочитал задавать вопросы, а не отвечать на них, Роберт Сан-Пьер завел серьезный разговор об урожае, ловушках и рыбной ловле. Но по мере того, как шел час, промежутки между его расспросами становились все больше. Когда древолазы перестали даже кивать и застыли неподвижно, ответы вождя стали короче и медленнее. Наконец настал момент, когда ответа вообще не последовало. Подняв глаза, норманн обнаружил, что его хозяин безмятежно спит, прислонившись спиной к стволу клена.

У молодого человека вырвалось что-то вроде вздоха облегчения. Тем не менее, настороженно наблюдая за спящим лицом, он попробовал задать другой вопрос. Забвение. Он поднялся на ноги, демонстративно зевнув и потянувшись, и стал ждать результата этого теста. Глубокое дыхание ни разу не прерывалось.

Тогда Элвин-Влюбленный больше не колебался. Спокойно и прямо, как человек, идущий знакомой тропинкой, он завернул за угол последней хижины и исчез среди деревьев.

Множество ног протоптали четкий след через лес к краю обрыва и вниз по крутизне к воде; но только две пары ног свернули в сторону на середине спуска и нашли тропинку в Эдем. Подобно розовому занавесу, высокий куст сумаха скрывал начало тропы; нависающие утесы скрывали ее сверху; переплетение кустарников и лиан, покрывавших берег от кромки воды, скрывало ее снизу. Едва ли больше кроличьей тропы, узкой полочки у стены обрыва, она тянулась на дюжину ярдов и заканчивалась там, где из почвы выступал покрытый мхом камень.

Когда Элвин отодвинул в сторону листья, Хельга стояла и ждала его с протянутыми руками. "Ты долго шел, товарищ. Я не смею надеяться, что это из-за того, что Лейф задержал тебя из-за какого-то нового дружелюбия?"

Ее возлюбленный покачал головой и наклонился, чтобы поцеловать ей руки.

- Ни на что не надейся, милая, - устало сказал он. - Это единственный способ не разочаровываться. Он бросился на камень у ее ног, не подозревая, что ее гладкие брови внезапно озабоченно нахмурились.

Она сказала с серьезной медлительностью: "Мне не нравится слышать, как ты так говоришь. Ты первый среди мужчин по храбрости, но, услышав тебя сейчас, можно было бы подумать, что ты малодушен."

Губы Элвина изогнулись в горькой улыбке, а глаза уставились вдаль, на реку. - Храбрость? - повторил он, наполовину про себя. - Да, у меня это есть. Когда-то я считал это настолько ценной вещью, что мог поставить на кон честь и жизнь и выиграть от одного поворота колеса. Но теперь я знаю, чего это стоит. Смелость, дерзость самого дьявола, у кого на Севере кроме нее есть? Это дешевле, чем дорожная грязь. Если я и не был трусом, то, по крайней мере, был дураком".

Внезапно Хельга потрянула своими развевающимися локонами, похожими на множество золотых боевых знамен, и решительно повернулась к нему лицом. "Ты не должен так говорить и думать, - сказала она, - потому что теперь я вижу, что в этом нет здравого смысла. Раньше, хотя мое сердце говорило мне, что ты ошибаешься, я не понимал почему; но теперь я прокручивал это в уме, пока не увидел ясно. Провал твоей первой попытки завоевать расположение Лейфа - это нечто само по себе; по крайней мере, это не доказывает, что у тебя пока мало хороших шансов. Я не стану отрицать, что мы, возможно, ожидали слишком много возможностей для доблестных поступков, но неужели нет других способов служить? Это был ратный подвиг, которым вы завоевали свою первую честь у вождя? В этом не было ничего более героического, чем умение читать руны, которое за пять дней принесло тебе больше пользы, чем сила Рольфа Эрлингссона за пять лет. Ваши достижения настолько ограничены вашим оружием, что, когда вы не можете использовать свой меч, вы должны бездействовать? Многие мелкие услуги будут иметь такое же значение, как и одна большая, когда придет время расплаты. Вытряхни сонную занозу из своего уха, мой товарищ, и снова будь таким же храбрым, решительным человеком. Без мужества Роберт Санс-Пер никогда бы не приехал в Гренландию, а Хельга, дочь Джилли, не последовала бы за ним в Норвегию. Не презирай это, но соедини это со своим здравым смыслом, и они оба все же приведут нас к победе".

Прошло много времени, прежде чем Элвин ответил. Внизу плескалась и журчала река; птицы шелестели в кустах вокруг них или ныряли в зеленые глубины с мягким шелестом крыльев. Кролик остановился, чтобы посмотреть на них, а две белки поссорились из-за ореха, до которого можно было дотянуться руками, — так неподвижны они были. Но когда, наконец, Элвин поднял на нее глаза, их взгляд успокоил ее.

- Сонный шип вытащен, милая, - медленно произнес он. - Теперь мне впервые ясна вся моя глупость. Никогда больше у тебя не будет повода позорить мое мужское достоинство подобными словами.

"Позор! Позор вам, самым лучшим и храбрым в мире! - страстно воскликнула она и бросилась на колени рядом с ним, умоляя.

Но он заставил ее губы замолчать поцелуями и осторожно опустил ее обратно на камень.

"Не будем больше говорить об этом, дорогая. Я так много думал и так мало сделал. После этого ты увидишь, как я буду себя вести... Но давай забудем об этом сейчас и немного отдохнем. Давай забудем обо всем на свете, кроме того, что мы вместе. Вложи свою руку в мою и поверни свое лицо так, чтобы я мог заглянуть в него; и так мы будем уверены в этом счастье, что бы ни лежало за его пределами".

Смутный страх на мгновение сжал ледяными пальцами храброе сердце Хельги, но она яростно стряхнула его. Крепко сжав руку своего товарища, она позволила всей любви своей души вырваться наружу и засиять в ее прекрасных глазах. Так они и сидели, держась за руки, пока шли часы, тени вокруг них удлинялись, а свет на реке становился красным.

С заходом солнца донеслись звуки далеких голосов. Хельга вскочила, приложив палец к губам.

"Это исследовательская группа, они возвращаются! Возможно, что кто-то из них может забрести сюда случайно. Как ты думаешь, мы сможем взобраться на утес до того, как они завернут за поворот и увидят нас?"

Голоса стали отчетливыми. Элвин покачал головой.

"Я думаю, лучше оставаться там, где мы есть. Сигурд знает, что мы, скорее всего, будем здесь. Он отгонит их, если понадобится. Смотри, вон там сейчас его синий плащ, у..."

Он замолчал и медленно поднялся на ноги, выражение его лица заставило Хельгу инстинктивно обернуться и посмотреть через плечо. Она больше не оборачивалась, а сидела, словно застыв на месте, потому что за кустом сумаха стоял Лейф, наблюдая за ними.

Как долго он пробыл там, они понятия не имели, но его глаза были устремлены прямо на них; и они поняли, что наконец-то он по-настоящему понял, ради кого Хельга, дочь Джилли, сбежала из дома. Его губы сжались в прямую линию, а брови нахмурились.

Голоса звучали все ближе и ближе, пока синий плащ Сигурда не затрепетал у самого подножия тропы. Увидев, что алая мантия вождя сливается с алыми листьями сумаха, сын ярла сделал большой прыжок вперед. Однако прошло не более одного вздоха, прежде чем он пришел в себя.

Его чистый голос зазвучал, как сигнал горна: "*Дьявол!* приемный отец! Я только что сделал открытие, совершенно отличное от того, которое я вам обещал, — Тайркер остался позади".

Вождь в три длинных прыжка оказался на берегу, обрушивая град яростных вопросов. Каждый член группы немедленно повысил голос, защищая себя и обвиняя своего соседа. Остальная часть лагеря, привлеченная шумом, оглашает воздух упреками и тревогами. Когда дева-воительница внезапно появилась из ниоткуда и встала посреди них, мужчины даже не заметили ее; да и появление Норманна не привлекло большего внимания. Как случайность, это было невероятно удачно; как отвлекающий маневр, это был мастерский ход.

Однако вождю не потребовалось много времени, чтобы утихомирить поднявшийся рев, когда, наконец, он принял решение, какого курса придерживаться. Схватив щит у человека, стоявшего рядом с ним, он колотил по нему мечом до тех пор, пока все остальные звуки не утонули в грохоте.

"Молчать!" - крикнул он. "Молчать, дураки! Вы бы спасли его, оглушив друг друга? Мы должны добраться до него раньше, чем это сделают дикие звери: в их лапах он будет как ребенок. Десять из вас, кто на ногах, возьмите оружие и следуйте за мной. Наименее сумасшедший из вас, кто сопровождал его, проведет нас обратно.

Только когда он повернулся и налетел на него, тот, казалось, вспомнил о существовании норманна. Его глаза зловеще сверкнули.

- Ты тоже следуй за мной, - приказал он.

Когда маленькая колонна двинулась по холмам в сгущающихся сумерках, Хельга смотрела им вслед, наполовину ошеломленная.

"Что это значит?" - прошептала она сыну ярла, стоявшему рядом с ней. "Несомненно, Лейф узнал его, и все же он выбрал его сопровождать их. Я этого не понимаю".

Ничто не могло быть тверже манер Сигурда; она и не подумала взглянуть ему в лицо.

- Это легко может случиться, - ответил он. - Поскольку шеф полиции разозлился, обнаружив вас двоих вместе, было бы не более чем естественно, что он хотел убедиться в том, что вы разлучены.

Хельга, казалось, не слышала его. Она стояла, оцепенев от ужаса внезапного осуждения.

- Это для того, чтобы убить его! - выдохнула она. - Вот почему он забрал его, чтобы убить тихо и без помех. Я пойду за ними... Если я побегу, я смогу догнать тебя — отпусти меня, Сигурд!"

Тот факт, что его предчувствие было таким же мрачным, как и у нее, не помешал Сигурду сжать руку еще крепче, почти до грубости.

Он строго сказал: "Успокойся. Ты причинила достаточно вреда своими безумными действиями. Если по какой-либо случайности его не обнаружат, ты наверняка предашь его. В любом случае ты не можешь причинить ничего, кроме вреда".

Когда он почувствовал, что она уступает его хватке, он добавил менее резко: "Скорее всего, ничего сколько-нибудь важного не произойдет; если Тайкер будет найден невредимым, радость Лейфа будет слишком велика, чтобы позволить ему причинить кому-либо вред, каким бы ни был его проступок".

Она прервала его тихим криком боли. - Но если Тиркер не будет найден, Сигурд! Если Тиркер не будет найден, Лейф изольет свой гнев под любым предлогом. Норвежец в горе подобен медведю с раной: не имеет значения, кого он кусает".

Закрыв лицо руками, она опустилась на землю и стала раскачиваться взад-вперед. Из укрытия длинных волос, которые струились по ней, доносились жалобные стоны.

Он убьет его и оставит там, в темноте... Меня не будет рядом, чтобы поднять его голову и поплакать над ним, как я делала раньше.... О, Ты, Бог, если в Тебе есть помощь—! Меня не будет с ним... Лейф убьет его и оставит в темноте, одного..."

Лицо Сигурда побелело, когда он посмотрел на нее, и он сжал руки так, что ногти глубоко вонзились в плоть.

"Ничего не остается, как ждать", - коротко сказал он. "Если Тиркер будет найден, все будет хорошо". Он расхаживал перед ней взад-вперед, приложив ухо к реке.

Перед поварней начали мерцать костры Карка, похожие на алтари хорошего настроения. Подобно приверженцам, спешащим поклониться им, голодные мужчины подошли и бросились на траву кружком; играя в кости, рассказывая истории и шутя, они довольно приятно коротали время.

Для пары в тени мгновения тянулись на обутих в свинец ногах. Раз за разом Сигурду казалось, что он слышит звуки, которые так жаждал услышать, и он направлялся к реке — только для того, чтобы медленно возвращаться, обманутый. На дереве над ними закричала сова, и с тех пор Хельга всегда связывала этот звук со смертью и отчаянием и содрогалась от него.

Когда, наконец, до них донесся отдаленный гул голосов, они не поверили этому; но сидели, уткнувшись глазами в землю, хотя их слух был напряжен. Но когда один из приближающихся

голосов разразился разухабистой застольной песней, которую подхватили собравшиеся у костра и радостно запели взад-вперед, сомнений в этом больше не могло быть.

Сигурд вскочил и с радостными криками поднял свою спутницу на ноги. "Они бы так не пели, если бы принесли тяжелые вести", - заверил он ее. - Не порть дело сейчас отсутствием осторожности. Оставайся здесь, пока я сбегаю им навстречу.

Затем, впервые после того, как удар не прошел, Хельга со стыдом вспомнила, что она бесстрашная воительница; и она обеими руками взяла себя в руки.

С пением и криками спасатели наконец вышли из леса в круг света костра. На плечах двух лидеров сидел Тюркер, его маленькие глазки плясали от возбуждения, его тонкий голосок комично писклял, когда он пытался вытубить немецкую застольную песню, отбивая такт каким-то маленьким темным предметом, которым он размахивал. Шеф полиции шел позади него с лицом, которое было не только ясным, но и почти сияющим. Еще дальше шел Роберт Сан-Пер, совершенно невредимый и энергичный. Во имя всего святого, что с ними случилось?

"Это самая странная вещь, которая когда-либо происходила".— "Это Божье чудо!" — "Растет густым, как смородина".—"Из такого сока получится лучшее вино в мире!"— "Бьорн Херюльфссон вышибет себе мозги от зависти".— "Была ли когда-нибудь такая удача, как у Счастливого?" были бессвязные фразы, которыми они обменивались.

Размахивая темным предметом над головой, Тайкер с трудом спустился со своего наместа. "Wunderschoen! Как в Отечестве растет! И я пошел ненамного дальше тебя, всего на шаг, а там — как змеи на деревьях, свернувшиеся кольцами! Такие плотные гроздья, что их пальцами не разглядишь. Прекрасный виноград! Приемный сын, в связи с сегодняшней работой я прошу тебя назвать эту страну "Земля винограда". Такое чудо требует этого. Ах, это снова делает меня ребенком!"

Он бросил плод в их нетерпеливые руки и тут же принялся усердно вытирать глаза подолом своего халата. Гроздь быстро переходила из рук в руки. Каждый раз, когда сочный шарик попадал в измученное жаждой горло, поднимался громкий ропот удивления и восторга.

"Там, откуда это взялось, есть еще что-нибудь? Много, вы говорите?" они обеспокоенно спросили. И когда их убедили, что склон за склоном покрыты изгибающимися венками пурпурных гроздей, их восторгу не было предела.

Эль был вполне хорош, но вино!— Они не только жили бы как короли всю зиму, но и весной забрали бы с собой такое сокровище, которое сделало бы их дом таким, что люди смотрели бы на него даже больше, чем на древесину и пшеницу.

"Тебе не нужно бояться характера Лейфа", - прошептал Сигурд на ухо Хельге. "Это открытие делает его миссию столь же уверенной в успехе, как если бы она уже была выполнена. Никто не поднимет носа при виде древесины, но два таких чуда, как пшеница и виноград, посаженные без рук и растущие без ухода, — это не что иное, как знаки божественного благоволения! Счастливчик пощадит своего самого смертоносного врага сегодня вечером.

"Это звучит возможно", - признала Хельга, с тревогой вглядываясь в лицо шефа. Когда она посмотрела, пристальный взгляд Лейфа внезапно встретился с ее, и она почувствовала дискомфорт, увидев, как в его глазах проснулось воспоминание об их последней встрече. И все

же они не потемнели до черноты, которая сошла с них у обрыва. В них появилось больше выражения тихого сарказма. Повернувшись туда, где стоял нормандец, безмолвный свидетель этой сцены, вождь поманил его к себе.

"Некоторое время назад, Робер-одиночка, у меня была мысль проткнуть тебя шпагой", - сухо сказал он. - Но с тех пор я вспомнил, что ты у меня в гостях, а также что будет правильно принять во внимание твое французское происхождение. И все же, хотя смотреть на каждую красивую женщину глазами, полными любви, вполне может быть нормандской привычкой, допускать это в равной степени противоречит норвежским обычаям. Не утруждайте себя больше из-за моей родственницы, Роберты Нормандской. Прикрепитесь ко мне и поберегите свое красноречие для моих ушей, и только для моих.

ГЛАВА XXVII

СИЛЬНЕЕ МЕЧА

Посредственно мудрым
Должен быть каждый человек,
Никогда не бывает слишком мудрым;
Счастливее всего живут
те люди,
Которые хорошо знают многие вещи.
Хавама'л

Они, должно быть, упустили немало удовольствий, для которых новый мир означал лишь новый источник золота и рабов. Для этих людей с замерзшего севера новый свет был земным раем. Единственный подарок, за который следует быть благодарным, - долгий ясный день под теплым солнцем. Погрузить свободные руки в накопленные веками богатства, первым поохотиться в лесу, изобилующем дичью, первым закинуть крючок в реку, кишашую рыбой, — так сказать, впервые снять пенку с природных креманек - было наслаждением столь острым, что, за исключением войны и любви, они не могли представить себе ничего равного ему. Как дети на мед, они набросились на дар, который последним выпал из рога изобилия природы, и пронеслись по винограднику опустошительной армией. Вдыхая сладкий аромат нагретого солнцем винограда, они ели, пели и шутили, собирая урожай, предаваясь самому невинному

веселью в своей жизни. Крича и распевая песни, они ночью приносили свою ношу — носилки пурпурных убитых, которые сгибали даже их крепкие спины. Крыши были покрыты сушеными фруктами, из которых готовили изюм, и бочонок за бочонком кислого острого вина вкатывали в сарай для провизии рядом с собранным зерном.

"Король Норвегии не живет лучше этого", - поздравляли они друг друга. "Мы нашли путь в дом снабжения всего мира".

Их восторгу не было предела, когда они обнаружили, что приход зимы не помешает занятиям спортом. Зима в Браттахлиде означала айсберги и метели, недели непрерывных сумерек и дни безделья за дверями. Зима в этой новой стране — да ведь это была вовсе не зима!

"Нет ничего хуже второй осени", - удивленно произнесла Хельга. "Они подлатали вторую осень, чтобы дотянуть до весны".

В лесах по-прежнему было полно дичи, а трава на равнинах оставалась почти не пожухлой. В воздухе было достаточно мороза только для того, чтобы вдыхать его с тонизирующей силой, с покалывающим наслаждением. Над спокойной бухтой не образовалось даже корки, и воды реки прыгали и танцевали в солнечных лучах, бросая воздушный вызов оковам ледяного короля.

В последний день декабря осенние занятия были еще в самом разгаре. Последние лучи заходящего солнца, пробивающиеся в залив сквозь голые ветви, упали на группу рыбаков, возвращавшихся с грузом блестящей рыбы, свисающей с их копий. Из рощи донесся звон топоров, раздирающий визг обреченного дерева, трескучий гром его падения. Внизу, у подножия утеса, лодка ткнулась носом в мягкий берег, чтобы исследовательская группа могла высадиться на берег после трехдневного путешествия по извилистому руслу реки.

На носу стоял вождь, а за ним Сигурд Харальдссон и Рольф, а за ними Роберт Нормандский.

С громкими радостными возгласами в поддержку своих товарищей по лагерю команда выпрыгнула на берег. В то время как некоторые остались, чтобы нагрузиться шкурами и дичью, сложенными под сиденьями, остальные начали подниматься по тропе, смеясь и шумно разговаривая.

Сигурд прыгал между Рольфом и нормандцем, положив руку каждому на плечо и тряся их, когда их чувства были неудовлетворительными.

"Сколько мне еще ждать, пока у тебя выдастся свободная половина дня?" - спросил он своего друга из Нормандии. "Прошло больше недели, прежде чем мы уехали, когда я нашел те медвежьи следы, и я все еще откладываю занятия спортом, чтобы вы могли принять в нем участие. Это намерение Лейфа вечно держать тебя у себя на пятках, как кисточку на фартуке? Конечно, он не может думать, что есть опасность, что ты будешь говорить Хельге о любви, пока сражаешься с медведями.

- Хотя когда-то я бы сказал, что ухаживать за девой-воительницей - очень похожий вид спорта, - любезно добавил Рольф.

После чего Сигурд встряхнул их обоих с такой энергией, что все трое растянулись ничком, к огромному удовольствию тех, кто пришел следом.

Они с трудом поднялись на ноги перед высоким кустом сумаха, росшим на полпути вверх по склону. Взгляд Элвина упал на узкую тропинку, похожую на уступ, которая отчетливо виднелась между голыми ветвями, и он с улыбкой кивнул в ее сторону.

"Пропускать медвежьи бои, безусловно, нежелательно", - сказал он. "Но не так давно — и на этом самом берегу — я ожидал худшей участи, чем эта".

"Тем не менее, я никогда не видел, чтобы от королевского пажа требовали столько услуг", - проворчал Сигурд, наклоняясь, чтобы отряхнуть грязь с колен.

Но Рольф со спокойной решимостью покачал головой.

- Никогда не говори мне, что шеф требует твоего постоянного присутствия только для того, чтобы помешать тебе говорить Хельге приятные вещи. Это потому, что он пришел, чтобы найти утешение в вашем превосходном интеллекте и ценить ваше присутствие выше нашего. Вот, он зовет вас сейчас! Я предсказываю, что и завтра ты не будешь драться с медведями". Он от души хлопнул по широкой спине, что в то же время было дружеским толчком вперед.

В голосе вождя даже появились нетерпеливые нотки к тому времени, когда молодой оруженосец подошел к нему.

"Я бы очень хотел знать, в чем причина твоей глухоты! Ты что, умер или с ума сошел, что я должен крикнуть двадцать раз, прежде чем ты ответишь?" Если твои мозги начинают ходить во сне, тогда давай лучше сдадимся, потому что я полагался на них, как на костыли. Я хочу, чтобы вы запомнили для меня, что деревья, которые я хочу отметить, растут не за вторым поворотом реки направо, а за ее четвертым поворотом налево. А весна... Весна — это...

- А источник находится за третьим поворотом направо, - с готовностью закончил молодой человек. - Главному не нужно беспокоиться. Это написано в моем мозгу, как на пергаменте".

Лейф отвернулся от него с чем-то вроде сердитого вздоха.

"Это должно быть нечто большее, чем просто написано", - сказал он. "Это нужно вырезать, как ножом".

На гребне утеса он внезапно остановился и в бессильной ярости потряс кулаками.

- Человек, у которого нет ничего, кроме тренированного тела, имеет меньшее значение, чем животное! - воскликнул он. "Мой мозг почти разрывается от подробностей, которые я пытался запомнить относительно этих открытий, и все же, есть ли у меня уверенность, что хотя бы половина из них верна? Что я не вспомнил то, что было наименее важным, и перепутал это место с тем, и исказил все это так, что следующий человек, который придет после меня, назовет меня лжецом и посмеется над моими претензиями? И даже если я передам каждый факт так же правдиво, как саму Священную Книгу, что от него останется к тому времени, когда он пройдет через сотню глупых мозгов там, в Гренландии? Говорю вам, эта запачканная тряпка плаща, которую я ношу, ближе к тому, что было вначале, чем эта сказка станет после того, как свиньи рты прожуют ее целый день. Это проклятие древних богов, наложенное на язычников. И я бросаю им в ответ свое проклятие за цепи, которые они повесили на мои свободные руки, и за звериную тупость, с которой они заткнули рот моему мужчине кляпом".

В порыве ярости он потряс обоими кулаками высоко над головой, глядя на рассеянные звездные лики, выглядывавшие с бледного неба.

Только после того, как он повернулся и зашагал прочь по хрустящим веткам, его люди вышли из оцепенения.

Когда они возобновили восхождение, Айвинд-ледоход глубокомысленно заметил: "Никогда не видел я никого, чья речь так сильно напоминала бы мне горячие источники у нас дома.

Внезапно, без предупреждения или причины, слова взмывают в воздух, обжигая; и попытка остановить их стоила бы жизни. Это непостижимо".

Обмениваясь веселыми замечаниями, они поднялись на гребень и исчезли за ним, не заметив, что норманн все еще стоял там, где его оставил вождь, и, судя по всему, был в равной степени лишен чувств.

С приоткрытыми губами и нервно сжимающимися руками он стоял, уставившись в темноту перед собой, пока до его слуха не донеслись голоса тех, кто шел следом с добычей, разбудив его. Затем он поднял к звездам лицо, искаженное волнением, и преодолел оставшуюся часть подъема тремя дикими прыжками.

"Наконец-то он открылся моему взору!" - бормотал он снова и снова, спеша сквозь темноту к освещенным кабинкам. "Благодарение Небесам, наконец-то он открылся моему взору!"

Когда он достиг конца самой большой хижины и в нетерпеливой спешке сворачивал за угол, из тени быстро протянулась рука и коснулась его плаща. Инстинктивно его рука потянулась к ножу, но в следующее мгновение она опустилась совсем другим жестом, когда голос Хельги прошептал ему на ухо:

"Элвин, это я! Я ждал тебя с первого звука приземления. Я прошу—тише, ты не должен этого делать! Мне нужны мои губы, чтобы сказать "Нет, нет!" Послушайте; я хочу предупредить вас...

- И я должен рассказать тебе, что только что произошло. Волнение Элвин пересилило ее осторожность. "Я разгадал загадку, в чем заключается моя служба, — или, говоря по правде, удача разгадала ее за меня, сова я такая! Вот оно..."

Но рука Хельги мягко закрыла ему рот. - Ты будешь немым и слепым, пока я не закончу! Я уже достаточно долго отсутствовал, чтобы возбудить подозрения. Послушай мое предупреждение; Карк подозревает, что у тебя неглубокий цвет лица. Вчера я подслушал, как он задавал Тайркеру вопрос, возможно ли, чтобы краска могла окрасить кожу человека в темный цвет, чтобы она не стиралась.

— Дьявол поberi...

- Тише, это еще не все! Я никогда не думал, что стоит рассказывать тебе об этом в тех немногих словах, которыми мы обменялись вместе; но теперь я знаю, что это существо подозревало нас с того самого дня, когда Лейф наткнулся на нас на утесе. На следующий день после этого Карк осмелился сказать мне: "Неужели дева-воительница так же непостоянна, как и другие женщины, несмотря на всю ее стальную рубашку? В Гренландии Хельга, дочь Джилли, полюбила англичанина. " Я хорошенько избила его за это, но так и не смогла выкорчевать эту мысль из его головы; и теперь..."

- А теперь я говорю вам, что не имеет значения, что он думает, - нетерпеливо перебил ее Элвин.
- Сегодня вечером я нашел средство, с помощью которого я так же уверен завоевать расположение, как...

Но он не смог договорить. Хельга, услышав шаги в роще позади них, отскочила от него, как испуганная птица. Он успел только прошептать ей вслед: "Сегодня ночью... смотри на меня через костер!" - прежде чем она исчезла среди теней, как одна из них.

Через мгновение молодой человек завернул за угол хижины и вошел в открытую дверь, где его товарищи сидели за ужином.

Зал, который также был самым большим из спальных домов, не был недостойным продолжением великолепия Браттахлида. Здесь, как и там, грубые стены были увешаны сверкающим оружием и щитами, которые сияли, как солнца, в красноватых отблесках костра. А вместо гобеленов здесь была благородная смесь медвежьих когтей, рыбных сетей, блестящих птичьих крыльев, сохнувших шкур, ветвистых рогов и беличьих хвостов. Двухъярусные кровати, пристроенные у стен, демонстрировали богатство в расстеленных на них кожаных покрывалах; лисьи шкуры покрывали скамьи, а волчьи шкуры лежали под ногами. Трон вождя больше не мог похвастаться резными колоннами или вышитыми подушками, но ни по чему из этого не было недостатка, когда на подушки из душистых сосновых иголок была наброшена шкура огромного медведя. И хотя сервировка стола была не такой изысканной, как позолоченные сосуды на столе Эрика, все же рыба, мясо и птица, которыми были наполнены блюда, и пурпурный сок, которым были наполнены рожки, никогда не имели себе равных в Гренландии.

"Только ради того, чтобы раздобыть такое вино, стоило бы отправиться в путешествие", - пробормотал Рольф деве-воительнице, рядом с которой он сидел, когда наконец с едой было покончено и началось удовольствие от выпивки. Говоря это, он откинул голову назад, с закрытыми глазами и блаженной улыбкой, и позволил содержимому своего рога медленно стекать себе в горло.

Даже у женщины хватило бы ума не беспокоить его в такой момент, и все же Хельга наклонилась вперед и без малейших угрызений совести дернула его за руку.

- Ты что, собираешься вечно глотать? она резко прошептала. - Посмотри через огонь и скажи мне, что Элвин делает своими руками. Он отвернулся в сторону, так что я не могу видеть.

Борец с отчетливым стуком поставил свою пустую чашку, и отчетливым рычанием прозвучал его ответ через плечо. - Немало людей было убито за подобную грубость. Почему меня должно волновать, что делает норманн? Разве сейчас время кататься верхом или ловить рыбу? Поскольку рядом с ним нет болтающей женщины, вполне вероятно, что он пьян".

Но рука Хельги не ослабила хватку на его руке.

- Тише! - взмолилась она. - Что-то действительно должно произойти; он предупредил меня об этом. Что-то очень важное. Ты будешь действовать не более чем по доброй воле, если согласишься и скажешь мне, что видишь.

Возбуждение заразительно; даже несмотря на угрюмость, Рольф уловил это и, наклонившись вперед, с любопытством уставился поверх пламени. Норманн сидел на своем обычном месте по левую руку от вождя. Было очевидно, что мысли его витали где-то далеко, потому что забытый

им рог для питья стоял у его локтя, и он рассеянно напевал, работая. Его пальцы были заняты длинной занозой и пучком лисьей шерсти, которые он осторожно вытаскивал из ковра, на котором сидел.

Глаза Рольфа расширились от явной тревоги, когда он наблюдал за происходящим. "У него вид сумасшедшего!" - сообщил он. "Или, может быть, он творит заклинание, и это странная песня, которую он бормочет. Смотри, он наконец—то привлек к себе внимание Листа!"

"Он действует не без цели", - настаивала Хельга. "Он сказал мне следить за ним. Смотри! Что он сейчас делает?"

Все еще напевая, с неторопливым видом человека, который работает ради собственного удовольствия, нормандец выполнил свою задачу и критически поднес результат к свету. Это была ни больше ни меньше, как неуклюжая маленькая щетка из лисьей шерсти. Откинувшись на медвежью шкуру, вождь продолжал с любопытством разглядывать ее. Но пара по другую сторону костра внезапно повернулась друг к другу со вздохом понимания.

Норманн, все еще беззаботно напевая, одной рукой придвинул свой рожок поближе, а другой отодвинул с дороги чашу. Затем, обмакнув кисть в пурпурное вино, он начал рисовать странного вида руны на прекрасных новых досках перед собой.

"Мне пришло в голову попробовать, смогу ли я вспомнить слова той французской песни, которую мы вместе слушали в Руане", - беспечно сказал он Сигурду Харальдссону, сидевшему рядом с ним. "Разве не так шла первая строка?"

Рука Листа опустилась ему на плечо почти с силой удара.

- Руны! - крикнул он голосом, который заставил всех подняться на ноги, даже тех, кто заснул из-за выпивки. - Руны? Возможно ли, что вам удалось их написать?"

Его хватка на плече внезапно усилилась до такой степени, что молодой человек едва не выронил кисть со вздохом агонии и не схватился за сжимающую ее руку. "У тебя была такая сила все эти месяцы, что ты знал о моей великой нужде? Как получилось, что ты ни разу не протянул руку, чтобы помочь мне?" прогремел он.

По другую сторону костра Хельга, дочь Джилли, держалась за скамейку обеими руками. Но хотя его губы были скривлены от боли, начертатель рун непоколебимо встретил взгляд Листа.

- Помочь вам, шеф? - удивленно переспросил он. - Откуда мне было знать, что нормандское письмо поможет вам? Когда ты вообще говорил мне о своей нужде?

Хотя его пристальный взгляд продолжал удерживать норманна некоторое время, хватка Листа на его плече медленно ослабла. Затем, постепенно, его глаза тоже ослабили свою хватку. Наконец он разразился громким смехом и хлопнул его по спине.

"Клянусь острием моего меча, твой ум проворен, как у кролика!" - выругался он. "Я не могу винить тебя за это. По крайней мере, вы не потеряли много времени, придя ко мне на помощь, как только я сообщил о своей нужде. Клянусь Мессой, Роберт Сансеур, вы не смогли бы представить свое достижение на лучшем рынке! Я говорю тебе откровенно, что это для меня

ценнее, чем мастерство любого воина в мире, и я не слишком скуп, чтобы заплатить столько, сколько оно стоит.

Сняв с шеи золотую цепочку, он набросил ее норманну на голову.

"Возьми это для начала, Роберт Нормандский", - сказал он с серьезной вежливостью. "И я обещаю вам, что, если ваша помощь окажется такой большой, как я ожидаю, вы сможете попросить немного такого, чего я не был бы рад дать".

Облаченный в сияющее золото своего триумфа, замаскированный раб стоял, опустив голову, и по его лицу скользнуло выражение почти стыда. Но, вероятно, вождь опасался, что он замышляет еще одну попытку поцелуя руки, поскольку этот бесцеремонный командир начал быстро и отрывисто говорить о совершенно несентиментальных вещах.

- У меня нет ни кусочка лайковой кожи, из которой делают ваши южные книги. Но разве рулет свежего белого вадмала не станет хорошей заменой? И, конечно, здесь достаточно вина...

Этого, конечно, было достаточно, и даже больше; и все же при этом предложении невозможно было подавить возмущенный ропот.

"Хотя я никогда ни в чем не оспариваю вашу мудрость, мне кажется, это немногим лучше, чем осквернение", - откровенно заявил Вальбранд.

Нормандец с усилием заставил себя подняться. - В этом нет необходимости, - сказал он рассеянно. "Я знаю, как приготовить жидкость из коры, которая будет иметь темный цвет и не пострадает от воды".

Он не заметил выражения, вспыхнувшего в глазах Карка, не услышал вздоха Хельги и не почувствовал ноги Сигурда. Его взгляд снова опустился в пол в угрюмой рассеянности.

Вождь коротко ответил на перешептывания: "Неразумно противиться моей прихоти писать вином; кто знает, может быть, я променяю это на прихоть писать кровью? Приведи сюда вадмала, тралл, и мы больше не будем терять драгоценных мгновений.

Начиналась ли когда-нибудь монашеская работа в более нецерковной обстановке? Элвин задумался: праздничная доска вместо письменного стола и кубок для вина вместо чернильницы! Шумная компания на скамейках пила, пела и стучала костями в своих ночных кутежах; а в углу Лодин боролся с подросшим медвежонком перед кругом ликующих зрителей. Свет костра мерцал на увешанных трофеями стенах, выхватывая то отрубленную лапу, то ухмыляющийся череп, пока все это место не стало казаться жутким святилищем дикости.

Воин-писец писал с мучительной медлительностью; и не раз, пытаясь уловить что-нибудь из болтовни Хельги у костра, он писал такие запутанные предложения, что их было невозможно разобрать, когда он начинал переводить. И все же он писал. Медленно, запинаясь, неуклюже, он все еще ловил мимолетные мысли, когда они проносились мимо, и закреплял их пурпурно-белыми красками, чтобы они сохранялись до тех пор, пока одна нить не ляжет рядом с другой. Никому больше не нужно мучить свой мозг, чтобы вспомнить, росли ли самые высокие клены за вторым поворотом реки налево или за четвертым справа, или между третьим поворотом направо и пятым налево. Маленькая щетка из лисьей шерсти ухватила за этот факт и связала его, сделав пленником на оставшееся время.

Удовольствие шефа было слишком велико, чтобы его можно было контролировать. Он набросился на работу, как умирающий с голоду набрасывается на еду, и зависал над ней, как пьяница над своей рюмкой. Тайркер с заметной суетой поднялся, чтобы отправиться в другой дом; Вайбранд шумно топал взад-вперед, меняя факелы на стенах; но монотонная настойчивость диктовки ни разу не нарушилась. Один за другим люди вокруг Листа засыпали, похрапывая; и он обращал на это внимания не больше, чем на завывание ветра в роще. Мало-помалу даже свежие факелы начали сердито потрескивать; и огонь, который уже давно начал сонно подмигивать, закрыл свой последний красный глаз и погрузился в полное забытие.

Лейф неохотно сел и со вздохом сожаления закинул руки за голову. "Мой разум выходит из этого так же упрямо, как меч Зигмунда из ствола дерева. Мы вернемся к этому первым делом утром. Вы оказали мне услугу, которую я никогда не забуду, пока мой разум жив во мне".

Откинувшись на медвежью шкуру, чтобы снова вытянуть руки и зевнуть, он задумчиво добавил: "Ваши достижения исправили мое несчастье, когда прошлой зимой я был вынужден убить юношу, который представлял для меня огромную ценность".

Писец сидел, вытянув перед собой ноги и шевеля пальцами сведенной судорогой руки, в оцепенении усталости. Он внезапно проснулся и при мерцающем свете единственного оставшегося факела украдкой взглянул в лицо вождя.

Через некоторое время он небрежно сказал: "Обязан, шеф? Как так получилось? Разве его ценность не могла перевесить его преступление?"

Подавив зевок, Лейф поднялся на ноги и стоял, глядя сверху вниз на своего последователя, пока тот застегивал плащ. - Да, - медленно произнес он, - да, его ценность могла бы перевесить его преступление, но не его обман. Я убил его не только потому, что он нарушил мои строжайшие приказы; это было потому, что, притворяясь, что подчиняется мне, на самом деле он замыслил одержать надо мной верх. И потому, что у него и его вспыльчивого друга Сигурда Харальдссона было честлюбивое намерение проникнуть в состояние моих чувств и обращаться со мной так, как вы обращаетесь со своей кисточкой для письма. Можно ли ожидать, что мужчина спокойно отнесется к тому, что его одурачила пара мальчишек?"

Норманн долго сидел, уставившись на огромную пушистую шкуру, висевшую перед ним на стене. Иногда она вздрагивала на сквозняке, и когда на нее падал свет, она была похожа на какое-то дрожащее бесформенное животное, пригибающееся, чтобы прыгнуть на него из тени. Через некоторое время он хрипло рассмеялся.

"Если он был настолько прост, что рассчитывал поиграть с тобой, а потом пережить раскрытие своего трюка, он заслуживал смерти только за свою глупость", - с горечью сказал он.

Он внезапно выпрямился и глубоко вздохнул, как будто собираясь говорить дальше. Но в этот момент шеф повернулся и вышел из кабинки.

Пока Южанин стоял, глядя ему вслед, из угла, где спал Карк, донесся звук, похожий на сдавленный смех. Элвин повернулся к нему, но прежде чем он успел сделать шаг, рука Рольфа протянулась со своей койки у высокого сиденья и зажала ремень его друга в тисках.

- Сейчас нет необходимости пачкать свои руки змеиной кровью, - мягко сказал он. - Помимо змеиных клыков, в его уродливой голове есть еще и змеиная хитрость. Он знает, что Лейф ни по

какой причине, которую язык не поворачивается назвать, не причинит вреда человеку, который записывает его историю. Подождите, пока не будут готовы записи; тогда придет время действовать".

Он уложил своего товарища на койку рядом с собой и держал его там до тех пор, пока сон от крайней усталости не забрал его под свою защиту.

ГЛАВА XXVIII

"ТО, ЧЕМУ СУЖДЕНО СЛУЧИТЬСЯ"

Засыхает ель,
Стоящая на огороженном поле;
Ни кора, ни листва не прикрывают ее;
Таков человек,
Которого никто не любит;
Зачем ему жить долго?
Хавама'л

В череде удлиняющихся золотых дней и смягчающихся серебряных ночей наступила весна.

Инстинкт, который выводит животных из их берлог, чтобы побродить на солнышке, проснулся в груди скандинавов и сделал их беспокойными среди изобилия. Инстинкт, побуждающий птиц строить гнезда среди молодой зелени, обратил сердца бродяг к их скованному льдом дому.

Радостными аплодисментами они приветствовали заявление Лейфа из-под распускающегося клена:

"Через четыре недели, если сезон продолжит развиваться успешно, вполне вероятно, что паковый лед вокруг устья Эрикс-Фиорда будет достаточно проломлен, чтобы пропустить нас. Через четыре недели, с Божьей помощью, мы отплывем в Гренландию".

В лагере наступил период бурной деятельности. Плотники принялись за переоборудование корабля, пока вся тихая бухта не наполнилась эхом их ударов. С бесконечным трудом огромные

бревна спустили по реке и втащили на борт. Носильщики сновали к берегу и обратно с грузами мешков с зерном и бочонков с вином. Упаковщики на складах жужжали над изобилием фруктов, как пчелы. Даже Карк Ленивый подхватил заразу и с радостной энергией бил своими кастрюлями и заварочными чайниками.

"Еще немного времени, и смертоносный волк получит по заслугам", - пел он над своей работой. "Еще немного времени, и смертоносный волк получит по заслугам!"

Утром последнего дня в Винланде Роберт Норманн вписал последнее слово в гротескную исследовательскую летопись и навсегда отложил кисть.

- На этом вопрос исчерпан, шеф, - медленно произнес он.

Они сидели в большей из спален, как в ту декабрьскую ночь, когда началась работа. Но теперь поток желтого солнечного света лился через открытую дверь, и цветущий розовый куст прижался своим милым личиком к окну.

Лейф посмотрел на него тусклым, отсутствующим взглядом. "Да, все кончено", - неохотно сказал он и молчал так долго, что молодой человек удивленно поднял глаза.

На лице шефа появилось странное выражение, похожее на сожаление. Встретившись взглядом со своим спутником, он рассмеялся коротким резким смешком, в котором было меньше веселья, чем презрения.

"Все кончено", - повторил он. "И хотя я знаю не лучше тебя, почему я такой дурак, все же я полон печали, потому что все закончилось. Я чувствую, что потерял из своей жизни то, что было мне дорого ". Он снова погрузился в хмурое молчание; когда он вышел из него, то только для того, чтобы направиться к двери. - В этом нет никакого смысла, - свирепо сказал он, - и все же настроение держит меня по рукам и ногам. Я не в настроении о чем-либо говорить. Сегодня вечером мы поговорим о твоей награде. А теперь иди и проведи остаток дня так, как тебе больше нравится".

Он не поднял глаз, когда его спутник повиновался: он сидел, задумчиво склонившись над большим белым свертком, как будто это было мертвое тело человека, которого он любил.

Мужчины стояли небольшими группами под ласковым весенним солнцем, строя веселые планы на предстоящий спортивный день. Приготовления к отъезду завершены, впереди у них день ничем не ограниченной свободы; и какое времяпрепровождение настолько скучно, что ему не придает изюминку мысль о том, что оно проводится в последний раз? Пребывая в веселом расположении духа, они точили свои ножи для последней охоты и бросали друг другу дружеские вызовы. Приглашая их на борцовский поединок, голос Рольфа звучал громче всех; но хотя в ответ раздавалось много смеха и насмешек, согласия не последовало.

Когда нормандец вышел из кабинки, Борец прекратил свои возгласы и с приветливой улыбкой направился навстречу своему другу. "Теперь я думаю, что Лейф вел себя хорошо, - сердечно сказал он, - помня, что последний день в таком месте, как Винланд Добрый, слишком драгоценен, чтобы тратить его впустую на монашеские дела. Сигурд рассердится на себя за то, что не стал дольше ждать твоего прихода.

Тень разочарования пробежала по лицу норманна.

- Куда ушел Сигурд? - спросил он. "Он заплыл на остров в заливе, где у него есть любимое место для рыбалки, которое он не может покинуть, не посетив еще раз".

- А Хельга? Где она?

Борец удивленно посмотрел на него. - Она ушла куда-то в лес с Тайкером, но ты, конечно, не был бы настолько безумен, чтобы приставать к ней, даже если бы она была перед тобой.

Элвин ответил со странной улыбкой. "Человек, который вот-вот умрет, совершит много поступков, которые были бы безумием для человека, у которого вся жизнь впереди", - сказал он. Его глаза смотрели в глаза друга с мрачным значением. "Я закончил записи этим утром".

- Вы закончили записи сегодня утром? - Что? - недоверчиво переспросил Рольф.

Нотка нетерпения прозвучала в голосе собеседника. - Я не могу понять, что в этом такого, что тебя удивляет. Конечно, вы, должно быть, слышали, как Лейф сказал вчера вечером, что еще сотня слов положат конец работе. И это было ваше собственное суждение, что Карк не стал бы ждать дольше, чем его завершение...

Рольф с неожиданной яростью ударил кулаком по дереву, к которому они прислонились. - Змея! - закричал он. - Так вот, значит, почему сегодня утром он показал мне свои клыки в такой издевательской улыбке. И все же, как я мог поверить, что человек с вашим умом позволил бы такому случиться? С помощью нескольких слов ты мог бы убедить Лейфа, что было множество вещей, о которых он забыл. Ты мог бы продлить выполнение задания ..."

Элвин покачал головой с суровой, хотя и спокойной решимостью.

"Нет, с меня хватит лжи", - сказал он. "Ни за свою жизнь, ни за любовь Хельги я не стану продолжать этот обман. Он окутал меня таким удушающим туманом, что я не могу ни видеть, ни дышать сквозь его удушающие складки... Но давайте оставим этот разговор. Поскольку вполне вероятно, что мои конечности будут долго отдыхать после сегодняшней ночи, давайте проведем сегодняшний день, бродя по окрестностям в поисках того вида спорта, который мы сможем найти. Даже если я не смогу провести свой последний день с мужчиной и женщиной, которые мне дороже всего, все равно ты следующий в моей любви; ты будешь сопровождать меня, не так ли?"

- Куда пожелаешь, - согласился Рольф.

Они отправились в путь так же молча, как и в то весеннее утро два года назад, когда вышли из норвежского лагеря, чтобы стать свидетелями конного боя Торгрима Свенссона. Сейчас, как и тогда, воздух был золотым от весеннего солнца, и весь мир, казалось, трепетал от чистой радости жизни. В щебете птиц чувствовалась радость, в жужжании насекомых - довольство; и все белки в этом месте, казалось, спешили по радостным делам, потому что нельзя было завернуть за угол, чтобы группа белок не разбежалась у него под ногами. Такая обычная вещь, как капля росы, попавшая в паутину, стала прекраснее, чем усыпанное драгоценными камнями кружево. Шорох перепела в кустах, даже вид свернувшейся кольцом змеи, нежащейся на солнечном клочке земли, были полны интереса, потому что говорили о жизни, радостной, бесстрашной и свободной.

Они посетили укромный уголок на утесе, снова укрытый благоухающей, шелестящей зеленью; затем спустились к реке и прошли вдоль ее берега милую за милей. То тут, то там они сворачивали в сторону и пробирались сквозь заросли, чтобы в последний раз взглянуть на место какой-нибудь с любовью вспоминаемой охоты или осмотреть некоторые из ловушек, которые, как они помнили, там были. Но когда в одной из ловушек они нашли несчастного маленького кролика, все еще живого, но обезумевшего от ужаса, Элвин положил руку на нож Рольфа, удерживая его.

- Отпусти его, - коротко сказал он. - Он тебе не нужен, и его жизнь - это все, что у него есть. Пусть он сохранит это — ради меня".

Он не стал задерживаться, чтобы посмотреть, как белая точка высокой птицы, подпрыгивая, уносится прочь над папоротниками. Он поспешил дальше с несколько пристыженным видом, и когда Рольф догнал его, они прошли еще милую молча.

Ближе к полудню они достигли места на реке, где берега больше не вздымались обрывистыми горами, а представляли собой поросшие травой склоны, окаймленные поникшими деревьями. Солнце пекло прямо над головой, и одежда тяжело давила на спины. Рольф предложил остановиться и поплавать.

- Это подойдет не хуже всего остального, - согласился Элвин. Но когда восхитительная прохлада воды сомкнулась вокруг него, и он почувствовал ее бархатную мягкость на своей пыльной коже, он решил, что это лучшее, что они могли сделать. Посидеть на травянистом берегу, пока они сушились на солнце, было мечтательно приятно. Даже после того, как он собрался с силами, чтобы снова влезть в свою одежду, Элвин лениво медлил, ожидая, когда его спутник сделает первый шаг к отъезду.

"Это спокойное место", - сказал он, глядя на небо сквозь сеть переплетающихся ветвей. "Это дает ощущение, что это так далеко, что нога человека никогда раньше здесь не ступала, и что никто никогда не придет снова, когда мы уйдем".

Оторвавшись от муравейника, который он лениво протыкал травинками, Рольф поднял глаза и улыбнулся. "Тогда твоим ощущениям нельзя доверять, товарищ, - сказал он, - потому что на реке мало мест, которые наши люди посещали бы чаще. Даже эта ленивая невольничья гончая приходит сюда почти ежедневно, чтобы посмотреть на перепелиные ловушки вон в той чаще, потому что это единственная еда, которую он любит настолько, что ради нее стоит приложить усилия. Если бы он навестил их сегодня!"

Элвин, казалось, не слышал его. Его взгляд по-прежнему был прикован к раскачивающимся верхушкам деревьев. "Это прекрасная земля для жизни, - мечтательно произнес он. - и все же я не могу не думать о том, каково это - быть здесь мертвым. Тебе не кажется, что если мой дух выйдет ночью из могилы и не найдет никого, кроме волков и медведей, к кому можно было бы обратиться, он испытает одиночество, гораздо худшее, чем муки смерти? Подумай об этом! На всей этой земле ни единого человеческого духа! Бродить по роще и лагерю и находить только пустоту и вечное безмолвие!"

Его тело внезапно напряглось, он вскинул руки высоко над головой и сжал кулаки в агонии.

- Боже! - воскликнул он. - Что я такого сделал, что заслужил такую участь? Почему я не мог умереть, когда Лейф зарубил меня? Почему я не мог быть похоронен там, где по мне проходили бы человеческие ноги, а по ночам до моего слуха доносились человеческие голоса?" Он бросился ничком и лежал неподвижно.

Рольф положил руку на плечо своего товарища, и на этот раз его голос был искренне добрым. "Трудно знать, что сказать тебе, Элвин, друг мой. Вы, так мужественно перенесшие испытания, имеете право на лучшую участь. Я могу предложить тебе только одно: выбери любого человека, которого пожелаешь, — лишь бы это не был тот, с кем я поклялся в дружбе, — и я обещаю тебе, что перед нашим завтрашним отплытием я затею с ним ссору и убью его; так что, если случится худшее, твоему духу составит компанию по крайней мере один призрак. Я..."

Он не закончил фразу. Внезапно его прикосновение к руке Элвина превратилось в железную хватку, которая подняла сакса на ноги.

- Смотри! - выдохнул Борец, затаскивая его за большой дуб, в укрытии которого они лежали. - Смотри! Это призраки или дьяволы?

Наполовину ошеломленный, Элвин мог только смотреть вдоль указующего перста. На противоположном берегу, примерно в сотне ярдов ниже их наблюдательного пункта, стояли двое длинноволосых мужчин в кожаных одеждах. Еще одна пара уже нырнула в реку и была почти на половине пути. И пока белые люди смотрели, еще четыре существа выбрались из подлеска и присоединились к своим товарищам.

- Хвала святому, который повесил листья на деревья плотными, как занавеси! Рольф выдохнул на ухо своему товарищу. - Поднимайся, спасай свою жизнь! И не поднимай шума по этому поводу.

С ловкостью кошек они взобрались на огромный ствол, и добрые листья сомкнулись за ними.

- По-вашему, это призраки или дьяволы? - спросил я. - Спросил Элвин, когда каждый растянулся на разветвленной ветке и начал с любопытством вглядываться сквозь щели в обволакивающей листве. "Мне всегда казалось, что призраки были белыми, а дьяволы - черными, в то время как эти существа кажутся бронзового цвета".

"Мы увидим их еще до окончания игры", - ответил Рольф. "Первые из них уже приземляются".

Пока он говорил, двое косматых пловцов вылезли из воды, как мокрые спаниели, на то самое место, куда менее часа назад придавили тела белых людей.

- Я рад, что мы сейчас не лежим там без одежды, - пробормотал Элвин.

И Рольф пробормотал себе под нос: "Теперь я уверен, что предпочел бы быть единственным человеком на земле, чем находиться в компании таких, как эти, признавая, что они люди. Ибо, клянусь молотом Тора, они больше похожи на гномов, чем на людей!"

Судя по тому, что можно было разглядеть сквозь листву, они, конечно, не были внушительными. Две их худые руки не составили бы одной из великолепных белых конечностей Борца, а самый высокий из них не мог бы достигать плеч Элвина. Шкуры были их единственным прикрытием, а по жесткости их щетинистых черных локонов с ними могла сравниться только грива дикой

лошади. Хотя двое из восьми были вооружены луками и стрелами, остальные несли только каменные топоры грубой формы, заткнутые за пояса. Когда они начали разговаривать друг с другом, это было чередование хрюканья, рычания и гортанных звуков, которые больше походили на звуки животных, чем на человеческую речь.

Рольф презрительно фыркнул. - Тьфу! Паразиты! Я думаю, мы могли бы обратить в бегство весь рой, только обнажив наши ножи.

Но в этот момент один из стоявших внизу поднял лицо, и Элвин мельком увидел свирепую звериную пасть и маленькие хитрые глазки в огромных глазницах. Саксонец с сомнением приподнял брови.

"Я далеко не уверен, чем закончится эта попытка", - ответил он. "Хотя, вероятно, это придется попробовать, если они намерены обосноваться здесь на день, как это, похоже, происходит".

Люди с каменными топорами действительно устроились поудобнее, всем своим видом показывая, что остались. Хотя один из лучников продолжал расхаживать по берегу, как часовой, его товарищи удобно растянулись на траве, с глубокой серьезностью ведя свою грубую беседу.

"Нам определенно придется проторчать здесь весь день, если мы ничего не предпримем", - Рольф наклонился со своей ветки, чтобы прошептать своему спутнику. Элвин не ответил, потому что в этот момент резкие голоса внизу резко смолкли, и наступила напряженная тишина.

Наверху, на дереве, саксонские серые глаза и норвежские голубые задали друг другу тревожный вопрос, а затем ответили на него решительным покачиванием головой. Было невозможно, чтобы их шепот разнесся так далеко или проник сквозь рычание этих голосов. Должно быть, это был какой-то шум извне. Они напрягли слух, насторожившись.

На этот раз услышать его не составило труда; в сонном полуденном воздухе раздался пронзительный мужской свист, быстро приближающийся со стороны норвежского лагеря.

Пока Элвин слушал с расширенными глазами, губы Рольфа произнесли только одно слово: "Карк!"

Почти не дыша, они лежали, вглядываясь сквозь листву. При первом звуке люди внизу вскочили на ноги и схватились за оружие. Теперь, обменявшись парой слов, они бесшумно, как тени, разошлись и исчезли среди кустов, даже не хрустнув веткой. Невинно улыбаясь на солнце, маленький уголок был таким же мирным и пустым, как и раньше.

Свистун приближался все ближе и ближе, пока не послышался хруст его ног по опавшим листьям. Рольф откинул волосы с глаз и приготовился наблюдать со вздохом почти детского удовольствия.

"Вот это спорт! Вот шахматная партия, где фигуры не из слоновой кости. Я бы не отказался от этого даже за золотую цепочку!" - сказал он своему спутнику. "Представь лицо Карка, когда они набросятся на него! Его мысли настолько сосредоточены на твоей смерти, что он мог бы спуститься в яму с открытыми глазами. Ты никогда не сможешь быть достаточно благодарен, Элвин из Англии, за то, что Судьба, уничтожающая твоего врага, дает тебе также привилегию сидеть в стороне и наблюдать за весельем".

Неуверенность отразилась на лице Элвина, когда он посмотрел вниз сквозь ветви и увидел, как белая туника раба внезапно появилась среди зеленых кустов.

— Я не оспариваю, — медленно произнес он, — что это похоже на руку судьбы... И это правда, что он мой враг... Что это его жизнь или моя...

Дикий крик тревоги прервал его. Один за другим худощавые смуглые люди выскользнули из кустов и образовали молчаливый круг вокруг раба. Они не причинили ему никакого вреда; они даже не прикоснулись к нему; и все же вида их сморщенных тел в звериных шкурах, со звериными мордами, выглядывающими из-под щетинистых черных кудрей, было достаточно, чтобы испытать нервы покрепче, чем у Карка. Вопль за воплем безумнейшего ужаса сотрясают воздух.

Услышав это, Рольф мягко улыбнулся. "Примерно в это время наш друг внизу начинает различать смертоносных волков и смертоносных лисиц", - заметил он.

Взглянув на товарища в поисках реакции на его веселье, выражение его лица изменилось. - Что ты собираешься делать? - резко спросил он.

Элвин принял сидячее положение и одной рукой потянул за рукоятку своего ножа. Услышав этот вопрос, он смущенно покраснел и даже не поднял глаз, отвечая на него.

"Я иду вниз, чтобы помочь зверю", - сказал он. "Я не смогу исправить это, если буду дураком. Я не отрицаю, что Карк - дворняжка, но он белый, как и мы, и одинок. Я не могу смотреть, как его убивают.

Он рывком вытащил нож и, зажав его в зубах, приготовился повернуться и спуститься.

Прежде чем он успел сделать хоть одно движение, Рольф спрыгнул с ветки наверху и приземлился рядом с ним. Под его весом сучья скрипели так громко, что, если бы не крики Карка, парочку наверняка обнаружили бы.

Борец заговорил, не растягивая слова и не проявляя мягкости: "Либо ты ребенок, либо безмозглый дурак. Ты понимаешь, что они избавляют тебя от твоего врага? Какое тебе дело, если его разрубят на куски? Ты и пальцем не пошевелишь, чтобы помочь ему".

Забыв о кинжале в зубах, Элвин сердито открыл рот. Оружие выскользнуло у него из губ и упало, блестящей полосой пробежав по стволу дерева, и бесшумно зарылось в мягкий дерн между корнями. В следующее мгновение шарф с шеи Рольфа был намотан на челюсти саксонца; одна из железных рук Борца обхватила его и прижала к широкой груди; одна из огромных рук Борца сомкнулась вокруг его запястий, как железные оковы; и мускулистая нога согнулась назад, охватывая его ноги, как стальной обруч. С таким же успехом можно сражаться со сталью или железом!

Голос Рольфа снова стал довольно ласковым в своей мягкости. "Я охотно перенесу твою борьбу, если тебе угодно так использовать свою силу, товарищ; и все же я говорю тебе, что для тебя было бы разумнее поберечь себя. Я не позволю тебе уйти, что бы ты ни делал; тогда как, если ты будешь лежать тихо, я позволю тебе переместиться туда, где ты сможешь видеть, что происходит. Похоже, это станет интересным".

Это действительно произошло. В этот момент, устав от завываний, коричневые люди начали проводить эксперименты с целью изменения мелодии. Приблизившись к рабу, они начали ощупывать его одежду и бритую голову и осторожно щипать его своими худыми пальцами.

Удвоение его криков вызвало судороги неистовых корчей в скованном теле Элвина, но поведение Рольфа было таким же безмятежным, как и раньше.

- Теперь видишь, чего тебе не хватает в твоей голове - силы духа, - упрекнул он своего пленника. "Редко у людей бывает возможность сидеть, как сидим мы, и узнавать на опыте другого, какой была бы их судьба, если бы их судьба была столь же неудачной. Это такая большая удача, что я почти боюсь твоей неблагодарности. Будет великой милостью, если какой-нибудь бог не накажет тебя за твою неблагодарность... Клянусь Тором! В своем ужасе дурак напал на них... Ах!"

Снизу донеслось внезапное рычание, внезапный дикий вопль, шум борющихся тел, а затем крик Карка другого рода, уже не крик простого предчувствия, а резкий, пронзительный вопль телесной агонии.

- Отпустите меня! Элвин тяжело дышал сквозь сжатые челюсти. - Для нас это ничтожный поступок — допустить смерть одного из нас - так что. Отпусти меня, Рольф, он человек. Отпусти меня!"

Человек из дерева не мог быть более неумолимым, чем Рольф; человек из камня вряд ли мог быть менее тронут.

Он дружелюбно аргументировал этот вопрос: "Это правда, что по той или иной ошибке Карк принимает человеческий облик, - признал он, - однако легко заметить, что во всех других отношениях он собака. Действительно, я думаю, что мало найдется собак, у которых было бы меньше храбрости и преданности. Отнесись к делу разумно, товарищ. Если ты не можешь радоваться смерти своего врага, то, по крайней мере, подумай, какой интерес представляет изучение повадок гномов. Пес, который был бесполезен при жизни, будет удостоен чести послужить благой цели своей смертью. Лейф сочтет очень важным узнать, как эти существа относятся к белым людям. У них есть самые необычные способы развлечь самих себя. Теперь они что—то делают с его ушами..." Возобновившиеся крики о помощи и пощаде заглушили остаток его слов и потребовали от Элвина новых усилий.

Но когда, наконец, Бесстрашный умолк и, измученный, тяжело дышал, прижавшись к мускулистой груди, он почувствовал, что крики становятся все слабее.

"Хотя они ни в коей мере не торопили события, я полагаю, что сейчас он почти мертв", - утешал Рольф своего пленника.

Не успел он договорить, как последний слабый крик перешел в бульканье — и наступила тишина.

Шарф мгновенно сорвался с губ Элвина, и живые оковы сами собой снялись с его конечностей.

— Благодаря мне... - начал было Рольф.

Короткий промежуток тишины был нарушен криком часового на берегу реки, за которым последовало либо эхо, либо ответный вопль с противоположного берега. Рольф вытянулся на ветке как раз вовремя, чтобы увидеть, как люди внизу в диком замешательстве разбегаются и с головой ныряют в чашу.

"Во имя тролля!" - воскликнул он. "Когда карлики так бегают, должно быть, приближаются великаны!"

Элвин поднялся на ноги и стоял, высунув голову сквозь покрытую листьями крышу.

"Это скорее из того же гнезда!" - выдохнул он. "Они приближаются с другого берега, целые стаи....Там! Некоторые из них приземлились..."

Рольф рассмеялся своим особенным мягким смехом тихого удовольствия. "Клянусь Тором, существовала ли когда-нибудь такая игра!" - воскликнул он. "Теперь я вижу их; они охотятся за первой партией, как волки за овцами — нет, овцой был Карк! Это охотники за волками. Услышь, как они воют!"

- Последние выбрались из воды, - доложил Элвин, наклонившись. - Они тоже следуют за нами?

"Как собаки преследуют оленей. Такого вида спорта я никогда не видел! Когда мы больше не сможем их слышать, для нас настанет время провести собственную гонку".

Элвин ничего не ответил, и они молча ждали. Постепенно расстояние набросило мягкие складки на резкие крики и приглушило их, как женщины набрасывают свои плащи на острые мечи драчунов в зале. Снова вокруг них стали слышны гул и щебетание, и в воздухе стала видна улыбка солнечного света. Элвину пришло в голову, что миролюбие природы подобно мягкости Борца; и в его голове всплыли слова морщинистой старой няни из его детства: "Англичане могут умереть, не дрогнув; французы могут умереть со смехом на устах; но только северяне могут улыбаться, убивая". Когда последний сдавленный крик безошибочно стих, Рольф спрыгнул с ветки; мгновение повисел там, удобно потягиваясь и стряхивая судороги с конечностей, затем опустил на землю; Элвин последовал за ним.

Мягкий дерн был истоптан и изрезан скрежещущими каблуками, а удлиняющиеся тени указывали темными пальцами на середину укромного уголка, где лежало бесформенное бело-красное существо.

Рольф с любопытством склонился над ним.

"Должно быть, эти люди любят убивать ради самого убийства, раз идут на такие неприятности из-за этого", - прокомментировал он. "Очевидно, им нравится не азарт борьбы, а удовольствие от пыток. Я не буду уверен, но какие они тролли в конце концов".

- Это было дело рук дьявола, - хрипло сказал Элвин. Он посмотрел на ужасную кучу с содроганием отвращения. "И мы не без вины виноваты в том, что допустили это. Не имеет значения, каким человеком он был; он был человеком и нашего вида, а они были извергами. Вам не нужно говорить мне, что мы ничего не могли с этим поделать, - добавил он, яростно опережая события. "Если бы он был Сигурдом, мы бы помогли этому, или мы оба лежали бы вот так".

Рольф покорно пожал плечами, когда они отвернулись. - Будь по-твоему, - согласился он. - По крайней мере, ты не можешь отрицать, что был беспомощен; пусть это утешит тебя. Пусть виселица заберет мое тело, если ты не самый неблагодарный человек, которого я когда-либо встречал! Вот ты избавился от своего врага, и в тот момент, когда он был для тебя самой большой помехой, и ты не только пожинаешь плоды содеянного, но и не несешь никакой опасной ответственности..."

Он остановился, мельком увидев лицо Элвина, повернутое к нему. Гордость и отвращение, страсть и суровость - все смешалось в его выражении.

Саксонец медленно произнес: "Да снизойдет милость небес на душу, пожинающую награду за этот поступок! Легче было бы перенести эти муки, увеличенные во сто крат. Извлеки выгоду из такого поступка, Рольф Эрлингссон! Неужели ты думаешь, что я стал бы жить жизнью, проистекающей из такой смерти? Чтобы очистить свою руку от пятна такого убийства, хотя кровь лишь забрызгала ее, я бы отрубил ее по самое запястье".

ГЛАВА XXIX

БИТВА СИЛЬНЫХ

Счастлив тот,
кто добивается для себя
похвалы и расположения.
Хавама'л

Это была картина лесного разгула, окрашенная закатным светом в красный цвет, когда он прощался с норвежским лагерем на берегу реки. На лужайке перед хижинами двое светловолосых боролись друг с другом в зажигательном перетягивании каната. Теперь шкура была неподвижно натянута между ними; теперь ее оттянули на фут вправо под залп насмешек; и теперь ее отдернули на фут влево под ответный хор одобрительных возгласов. Вождь сидел под раскидистым кленом, критически наблюдая за игрой и время от времени аплодируя. Поверх головы медвежонка, которого она ласкала, Хельга тоже наблюдала за ним невидящими глазами. Те, кто вернулся с охоты и рыбалки, непринужденно растянулись на траве и выкрикивали веселые замечания над своими кубками с вином.

Они приветствовали Рольфа и норманна криками, когда пара появилась на опушке рощи.

"Привет, товарищи!" — "Мы думали, что вы пропали!" — "Ваш приход мы воспримем как предзнаменование того, что Карк тоже когда-нибудь вернется". - "Да, возвращайтесь и приготовьте нам немного еды". - "Мы становимся пустыми, как мыльные пузыри".

Рольф принял их приветствия с легким поклоном.

"Вы тоже станете тонкими, как пузырьки, если будете ждать, пока Карк приготовит вам еду", - беспечно ответил он. "Я принес вождю плохие вести о том, что он потерял своего раба". Мягко оттолкнув своего спутника в сторону, он подошел к тому месту, где сидел Счастливчик. - Для тебя это будет звучать как сказка старой женщины, вождь, - предупредил он его, - но это не что иное, как правда.

В то время как снимающие шкуры прекратили свое состязание и, скрестив ноги, уселись на шкуру, чтобы послушать, а ближний круг взял свои рога для питья и подобрался поближе, он рассказал все, что произошло, просто и совершенно правдиво, от начала до конца.

Когда он закончил, со всех сторон раздались возгласы изумления и ужаса. Только шеф полиции молча разглядывал его, скептически приподняв уголок рта.

Наконец Лейф сказал: "Правда прозвучала из твоих уст, когда ты предсказал, что это покажется мне таким же странным, как сказки, которые рассказывают старые женщины. До последнего месяца мы проходили через этот район почти ежедневно, и до сих пор ни разу не обнаружили ничего, указывающего на присутствие людей. Чтобы они предстали перед вами такими...

"Они пришли, как чудовища из сна, и исчезли, как они", - заявил Рольф.

- За исключением того факта, что монстры из снов не оставляют после себя искалеченных тел, - напомнил ему Лейф; и его глаза сузились с неприятной пронизательностью. "Рольф Эрлингссон, - посоветовал он, - признайся, что это именно те сны, с которыми ты их сравниваешь. То, что Карк не нравился ни тебе, ни твоему другу, — он кивнул в сторону норманна, — видели все. Признайтесь, что раб встретил свою смерть от меча одного из вас.

На этот раз лицо Борца утратило свою мягкость. Его огромное тело надменно напряглось, когда он выпрямился.

— Лейф Эрикссон, — яростно возразил он, - когда-нибудь - из любви к добру или из страха перед злом - вы видели, чтобы я лгал?

Шеф полиции недоверчиво посмотрел на него.

- Вы поклянетесь, что рассказ правдив?

- Я поклянусь в этом своим ножом, своей душой, распятием, которое ты носишь на груди.

Через мгновение Лейф встал и протянул руку. "В таком случае я бы поверил заявлению, которое было бы вдвойне неправдоподобным", - сказал он с благородной откровенностью. И когда они пожали друг другу руки, раздались аплодисменты.

С того места, где остановился норманн, когда его спутник двинулся вперед, донесся легкий шорох. Сигурд схватил своего друга за плащ и что-то страстно умолял вполголоса, все больше

отчаиваясь при каждом решительном покачивании черной головы. В тот момент, когда Лейф вернулся на свое место, Бесстрашный высвободился и шагнул вперед. Рольф попытался преградить ему дорогу, но Робер Сансеур увернулся и от него и занял позицию перед скамейкой под кленом.

- Похоже, сегодня вечером Судьбы уравнивают свои чаши весов, шеф, - мрачно сказал он. "Что касается мертвеца, которого вы считали живым, то вы видите здесь живого человека, которого вы считали мертвым. Взамен раба, которого ты потерял, я дарю тебе другого.

Запустив руку в свои длинные черные локоны, он откинул их с головы, обнажив жесткие волны собственных светлых волос.

С обеих сторон послышался гул изумления и недоверия, смешанный с одобрительными возгласами, грубыми комплиментами и невнятными просьбами о снисхождении. Только два человека не вскрикнули и не пошевелились. Хельга стояла в жестком, лишенном слез молчании, как и обещала, ее глаза изливали в глаза своего возлюбленного всю отвагу, преданность и любовь своей отважной души. А вождь сидел и смотрел на возвращенного к жизни мятежника, даже не моргнув от удивления, без всякого выражения на своем непроницаемом лице.

Через мгновение Элвин твердо продолжил: "Я спрятался под этим обличьем, потому что верил, что удача может предоставить мне шанс оказать вам какую-нибудь услугу, которая перевесит мой проступок. Из-за того, что я был близоруким дураком, я не видел, что чем лучше преуспевал норманн, тем хуже становился обман саксонца. Мое мнение изменилось, когда твои собственные уста сказали мне, какова будет судьба человека, который обманет тебя.

Лицо вождя было бесстрастным, как камень, но он слегка кивнул.

"Мужчине моего возраста не нравится, когда его дурачат мальчишки", - сказал он. "Это слабый комплимент его интеллекту, когда у них сложилось мнение, что они могут вылепить его своими пальцами. Хотя он оказал мне величайшую услугу в мире, человек, который обманет меня, должен умереть".

Тишина, словно саван, опустилась на разрозненные группы. Со странной улыбкой на вытянутых губах Хельга мягко вынула кинжал из ножен и провела пальцами по его лезвию. Олвин, сын эрла, глубоко вздохнул, и мускулы на его белом лице слегка дрогнули; затем он решительно взял себя в руки. Одной рукой он сорвал с пояса нож и бросил его на колени вождя; другой он разорвал свою тунику от шеи до пояса.

"Я не просил пощады", - гордо сказал он.

Лейф не сделал ни малейшего движения, чтобы поднять оружие. Вместо этого в его пронизательных глазах мелькнуло что-то вроде сухого юмора.

- Нет, - тихо сказал он. - Ты не спросила ничего из того, что должна была спросить. Вы даже не спросили, обманули вы меня или нет".

Наполовину обнажив кинжал, Хельга остановилась и уставилась на него.

— Ты... знал?... — выдохнула она.

Лейф улыбнулся сухой тонкой улыбкой. "Я знал это с того дня, как пропал Тайкер", - сказал он. - И я подозревал правду с ночи того дня, когда мы отплыли из Гренландии.

Он сделал жест в сторону воительницы, который был наполовину насмешливым, наполовину суровым. - Ты не считалась с моими суждениями, родственница, когда считала это само собой разумеющимся, я не должен был знать, что только любовь может заставить женщину вести себя так, как ты. Или ты думал, я не слышал, кому было отдано твое сердце? Что мои уши были глухи только к любовным историям, которые каждая служанка в Браттахлиде перекатывала, как мед, на своем языке? Или ты вообразила, что я так мало тебя знаю, что считаю тебя способной любить одного мужчину зимой, а другого весной? Даже если бы нормандец не был похож на англичанина, я бы все равно...

"Но..." Хельга запнулась: "Но... я думала, ты думал... Рольф сказал, что Сигурд..."

Возможно, впервые в жизни щеки Рольфа вспыхнули от стыда, когда шеф насмешливо щелкнул пальцами над его ухом.

- Сигурд! Твой товарищ по играм! С которым ты ссорился и мирился с тех пор, как у тебя в голове появились зубы! Клянусь Питером, если бы шутка, похоже, не была полностью на моей стороне, я нашел бы в себе силы безжалостно наказать вас четверых ни за что иное, как за ваше мнение о моем интеллекте!

Элвин нерешительно шагнул вперед. Он стоял там, где его оставил первый вызов, на его лице загорелся свет понимания, а также искра негодования вспыхнула в его глазах.

Теперь он медленно произнес: "Нам кажется странным не твой гнев, вождь. А медлительность твоего правосудия. Что, зная все это время о нашем обмане, ты все же хранил молчание. Что ты позволил нам жить мечтами и заставил нас вести себя как дураков! Мы вели себя не лучше мышей в кошачьих лапах. - Он взглянул на худые щеки Хельги и морщинки боли вокруг ее рта, и вся сила его негодования прозвучала в его голосе. "Для нас это означало жизнь или смерть, рай или ад, — достойно ли было такого человека, как вы, находить удовольствие в наших страданиях?"

Хотя звук был таким же слабым, как шелест листьев, вокруг раздались безошибочные аплодисменты. Рольф осмелился тихонько хлопнуть в ладоши.

Вождь ответил прямым вопросом, прислонившись спиной к клену и пронзительно глядя на своего молодого мятежника. "Напитки, которые вы приготовили для меня, были дурацкими; разве это не было просто для того, чтобы вы узнали на собственном опыте, какой кислый привкус они оставляют во рту?"

Хотя мгновение тянулось за мгновением, Элвин ничего не ответил на это. Его глаза опустились в землю, и он стоял, опустив голову и стиснув руки.

Шеф продолжил. - Вам, кто смог так легко понять работу моего разума, не нужно спрашивать о моих мотивах. Может быть, я находил развлечение в том, чтобы играть тобой, как рыбкой на удочке. Или, может быть, я не был полностью уверен в своей позиции и ждал, чтобы убедиться наверняка, прежде чем ступить. Или, возможно, мне было любопытно посмотреть, что ты будешь делать дальше, и я почувствовал, что могу удовлетворить свое любопытство, поскольку знал, что, несмотря на все твои выходки, я надежно держал тебя в своей ладони. Или,

возможно, — Лейф на мгновение заколебался, и в его голосе прозвучали столь необычные нотки, что все уставились на него, — или, возможно, убедившись в своей правоте, я усомнился в чести человека, которого я хотел поставить превыше всего в своей дружбе, и поэтому счел разумнее оставаться в тени, пока он не раскроет все скрытые стороны своей натуры. Возможно, это было по любой из этих причин. У вас, кто подошел ко мне ближе, чем кто-либо из ныне живущих, не должно возникнуть трудностей с выбором истинной.

Возможно ли, что в этих последних словах прозвучал упрек? Это прозвучало так странно, что Тайкер непроизвольно приложил руку к уху, чтобы исправить какой-то недостаток в своем слухе.

Лицо Элвина сильно изменилось. Внезапно он развел руки в стороны в жесте полной капитуляции.

"Я больше не буду бороться с тобой!" - воскликнул он страстно. - Ты настолько же выше меня, насколько король выше своего мальчика-связного. Делай со мной, что хочешь. Я подчиняюсь тебе во всем. Он упал на колени и закрыл лицо руками.

Затем тон голоса Лейфа стал таким откровенно дружелюбным, что красивая головка Хельги приподнялась, как поникший цветок под ласковым весенним дождем.

- Ты уже выслушал свой приговор. Те прекрасные слова, которые я сказал Роберту Норманну, я сказал также Элвину Английскому. Когда я обещал богатство, дружбу и почести Роберту Бессеру, я обещал их и тебе. Пользуйся свободой и достоинством, подобающими человеку с твоими достижениями, и — за одним исключением — проси у меня все, что захочешь".

За одним исключением! Хельга бросилась вперед и умоляюще схватила Лейфа за руку. И Элвин, все еще стоя на коленях, протянул руку и схватил вождя за мантию.

"Господи, - воскликнул он, - ты был лучше ко мне, во сто крат лучше, чем я заслуживаю! Но не мог бы ты быть еще добрее?.. Господи, даруй мне это единственное благо и забери обратно все остальное, что ты обещал".

Мускулистая рука вождя ласково коснулась лица Хельги.

- Вы все еще верите, что я посыпал бы ваши раны солью, если бы в моей власти было помочь вам? он упрекнул их. "Но один мужчина в мире имеет право сказать, за кого Хельга выйдет замуж; это ее отец, Джилли из Трондхьема. Я уже причинил ему зло, позволив, по своей беспечности, чтобы человек из рабского сословия украл любовь его дочери. По чести, я могу лишь надежно охранять девушку до того времени, когда он сможет распорядиться ею так, как ему заблагорассудится. Я не говорю, что не воспользуюсь с ним тем влиянием, которым обладаю, но я не советую вам ожидать чего-либо благоприятного от результата. Я думаю, вы оба знаете его милосердие".

ГЛАВА XXX

ИЗ - ЗА МОРЯ

Ночью радостен
Тот, кто уверен в развлечениях путешествия;
Верфи корабля коротки;
Осенняя ночь переменчива;
За пять дней погода меняется часто
,
Но чаще за месяц.
Хавама'л

Однако оказалось, что шансы влюбленных на счастье не висели на такой хрупкой ниточке, как милосердие Джилли из Трондхьема. Пока исследовательское судно все еще находилось в море, а ледяные мысы Гренландии только начинали отчетливо вырисовываться перед его носом, неожиданные новости достигли тех, кто находился на борту.

Наблюдая за вождем, который стоял у рулевого весла, прямой, как мачта, и вглядывался вдаль впереди, Сигурд задал праздный вопрос.

- Ты можешь сказать что-нибудь еще о дрейфующих льдах, приемный отец? И почему ты ведешь корабль так близко к ветру?

Не поворачивая головы, Лейф коротко ответил: "Я занимаюсь управлением, приемный сын".

Но когда сын ярла отвернулся, пожав плечами в знак отказа, вождь добавил быстрым, отрывистым тоном, который выдавал непривычный для него интерес: "И я смотрю на кое-что другое. Где твои глаза, что ты не видишь ничего примечательного? Это скала или корабль, который я вижу прямо перед собой?"

Бесцельное любопытство Сигурда быстро нашло объект; и все же, после того как он вытянул шею и прищурился, он был вынужден признаться, что не увидел ничего более примечательного, чем скала.

Лейф издал короткий резкий смешок.

"Посмотри, что значит иметь молодые глаза", - сказал он. "Я не только вижу, что это скала, но и вижу, что по ней передвигаются люди".

- Люди! - крикнул Сигурд.

Волнение, словно пожар, распространилось от кормы к носу, пока даже Хельга с "Разбитого сердца" не поднялась со своих подушек на носовой палубе и не замерла, безучастно наблюдая за приближением.

Исландец Эйвинд пробормотал, что существа в человеческом обличье, обитающие на этих скалах, должны быть либо другой расой карликов, либо такими же исчадиями ада, какие населяют ледяные пустоши, которыми проклята Гренландия; но старый гренландский моряк презрительно заставил его замолчать.

"Сухопутный житель! Неужели тебе никогда не доводилось слышать о кораблекрушениях? Когда Эрик Рыжий прибыл в Гренландию с тридцатью пятью кораблями, следовавшими за ним, не менее четырех из них разбились вдребезги об эту скалу. Именно везение Лейфа привело к кораблекрушению, так что вождь может добиться еще большей чести, спасая потерпевших бедствие".

Исландец хмыкнул. - Тогда удача Лейфа очень похожа на меч, который становится проклятием одного человека, становясь гордостью другого, - парировал он.

Налегая изо всех сил на большое весло, вождь сделал знак Вальбранду кивком головы.

"Бросайте якорь и готовьте шлюпку к спуску", - приказал он. "Я хочу держаться ближе к ветру, чтобы мы могли добраться до них. Мы должны оказать им помощь, если она им понадобится. Если они не настроены мирно, они в нашей власти, но мы не в их власти".

Когда лодка отчалила, выполняя свое милосердное поручение, все оставшиеся мужчины и мальчишки столпились на носу, чтобы проследить за ее курсом. Каким-то образом случилось так, что Элвина Английского отбросило так далеко вперед, что он оказался на самом носу лодки и сбоку от "девы-воительницы".

Солнце осветило ее мрачное лицо, когда она обернулась и увидела его рядом с собой.

- Я весь день надеялась, что ты придешь, - прошептала она, - чтобы я могла подсказать тебе способ, который сама придумала. Дорогая, по тому, как ты просидела весь день, подперев подбородок рукой и устремив взгляд на море, я поняла, что ты нуждалась в утешении даже больше, чем я; и мое сердце болело за тебя до тех пор, пока однажды слезы не выступили у меня на глазах".

Ее возлюбленный жадно смотрел на нее. "Я бы с радостью отдала все подарки, которыми Лейф осыпал меня, если бы могла обнять тебя и смахнуть поцелуями аромат этих капель".

Яростный блеск сузил сияющие глаза Хельги. — Прежде чем мы расстанемся, - процедила она сквозь зубы, - ты поцелуешь мои глаза по разу за каждую пролитую ими слезу; и ты трижды поцелуешь меня в губы на прощание, хотя каждый мужчина в Гренландии хотел бы предотвратить это.

Внезапно она уткнулась лицом ему в плечо с тихим криком отчаяния.

- Но ты никогда не должен приближаться ко мне после того, как я выйду замуж! - выдохнула она. "В тот момент, когда мой взгляд упал на твое лицо, я должна была повернуться к своему мужу и убить его".

- Если бы не случилось так, что я уже убил его, - пробормотал Элвин. Затем он сказал более твердо: - Это бесполезный разговор, милая. Скажи мне, какая мысль тебя утешила. По крайней мере, мне будет приятно хранить в своем сердце то, что ты хранил в своем уме".

Хельга смотрела на бурлящую воду широко раскрытыми и задумчивыми глазами.

"Я пока не буду настолько обнадежена, чтобы назвать это утешением, - сказала она, - слишком расплывчаты его очертания для этого. Это слабый план, который я построил на своем знании характера Джилли. Вы так же, как и я, знаете, что его не волнует ничего, кроме того, что выгодно для него. Теперь, если бы мне удалось сделать себя таким уродом, что ни один вождь не захотел бы делать за меня предложения ... Не кажется ли вам, что мой отец перестал бы ценить меня и был бы даже рад избавиться от меня? Я бы не стала уродовать себя таким образом, чтобы это уродство длилось долго, - поспешно заверила она его. "Но если я буду плакать, мои глаза покраснеют, а щеки побледнеют, и я отрежу себе волосы... Все это придет вовремя; ты не будешь возражать против ожидания?"

Элвин посмотрел на нее с легким удивлением.

- И ты стала бы уродливой ради меня? - спросил он. - Спрятать свою красоту и стать посмешищем там, где ты всегда была королевой, только для того, чтобы пасть так низко, чтобы я мог протянуть руку и сорвать тебя? Как ты думаешь, стоит ли сделать это для меня?

Но смысл его слов ускользнул от простоты Хельги. Она поняла только, что он считает этот план возможным, и надежда расцвела на ее щеках, как розы.

"О, товарищ, ты действительно благосклонно относишься к этому плану?" она нетерпеливо прошептала. "У меня не хватило духу на многое надеяться; все нас так подвело. Если ты считаешь, что это имеет наименьшие шансы на успех, я сию же минуту отрежу себе волосы".

Несмотря на свое несчастье, Элвин негромко рассмеялся.

"Значит, ты воображаешь, что золото твоих волос и румянец твоих щек - это все, что делает тебя красивой?" - спросил он. - Нет, дорогая, я думаю, было бы легче сделать Джилли великодушной, чем тебя уродливой. Ни один мужчина, у которого были глаза, чтобы смотреть в твои глаза, и уши, чтобы слышать твой голос, не мог не стремиться отдать свою жизнь, чтобы обладать тобой. Не доверяй таким деревьям без корней, товарищ. И не поднимай ко мне так лица, потому что, по чести говоря, я не могу поцеловать тебя, а ты еще не уродина, милая.

Крики окружающих привели влюбленных в чувство. Возвращающаяся лодка была почти поравнялась с ними, и из числа ее дородной команды на них смотрели бледные лица нескольких незнакомцев, в то время как на носу была замечена лежащая в обмороке женщина. Ее лицо, хотя и осунувшееся и бледное, было в то же время светлым и привлекательным, и Хельга на мгновение забыла о разочаровании из-за жалости.

"Принесите ее сюда и положите на мои подушки", - сказала она мужчинам, которые несли женщину на борт. Завернув обмякшее тело в свой собственный плащ, дева-воительница стянула с него всю промокшую одежду, какую смогла, влила вино в горло незнакомца и энергично попыталась согреть онемевшие конечности.

В то время как лодка поспешила обратно, чтобы забрать остальных несчастных, те из первого груза, кого вино и надежда в достаточной степени оживили, объяснили причину катастрофы.

Потерпевший крушение корабль принадлежал Ториру из Трондхьема, и этот купец, его жена Гудрид и четырнадцать матросов составляли ей компанию. Во время плавания из Нидароса в Гренландию с грузом древесины их судно разбилось вдребезги о затопленный риф, и они едва смогли добраться до этой самой негостеприимной скалы и прилепиться там, как мухи, замерзшие, потрепанные ветром и промокшие. Волны в минуту раскаяния вернули им немного древесины, и это было их единственным убежищем, а единственной пищей - грубые лишайники и несколько яиц морских птиц.

Неудивительно, что, когда Лейф погрузил на борт последний груз и утопил их прошлые горести в теперешнем комфорте, изголодавшиеся существа были почти готовы с благодарностью обнять его колени.

- Мне кажется, нас следует называть "Счастливыми", а вас "Добрыми", - сказал Торир, когда оба вождя стояли на баке, с радостным рвением наблюдая, как поднимаются якорь и парус. "Без вашей помощи мы не смогли бы прожить ни дня дольше".

И Гудрид, открыв глаза и увидев прекрасное лицо Хельги, склонившейся над ней, чтобы поднести к ее губам кубок с вином, еле слышно прошептала: "Валькирия не могла бы показаться мне более прекрасной, чем ты. Скажи мне, как тебя зовут, чтобы я мог знать, под каким именем тебя любить".

"Меня зовут Хельга, дочь Джилли", - ответила воительница с легкой горечью в последних словах.

Кроткие глаза Гудрид широко раскрылись от удивления и тревоги.

- Не Хельга Прекрасная из Трондхьема, - выдохнула она, - которая сбежала от Джилли к своим родственникам в Гренландию? Увы, мое несчастное дитя!"

От нетерпения, с которым она всплеснула руками, кубок с вином со звоном выпал из рук Хельги. - Он мертв? - умоляюще воскликнула она. - Только скажи мне это, и я буду служить тебе всю оставшуюся жизнь! Джилли мертва?

Но Гудрид снова потеряла сознание. Она лежала с закрытыми глазами, постанывая и что-то бормоча себе под нос.

Лейф, резко прикусив свои густые усы, как он обычно делал, когда был взволнован, резко повернулся к Ториру.

"В чем причина этого?" - спросил он. "Что это за новости о моей родственнице, о которых ваша жена не решается рассказать?" Джилли из Трондхьема мертва?

Торир ответил с большой поспешностью и вежливостью: "Нет, нет, все не так плохо. Ничего, кроме того, что я ожидаю, можно легко исправить. Но, похоже, что когда прошлой осенью Джилли попытался последовать за своей дочерью в Гренландию, он потерпел кораблекрушение и потерял много ценного имущества, едва спасшись. Из этого он сделал опрометчивый вывод, что его дочь стала для него несчастьем, как однажды предсказала какая-

то предвидящая женщина. И он заявил, что, поскольку девушка предпочитает своих более бедных родственников в Гренландии, она может остаться с ними; и...

Слова восторженно сорвались с губ Хельги: "И он отрекся от меня?"

Торир изумленно уставился на нее. - Да, - сказал он с жалостью.

Хорошо, что он не пытался отвечать длиннее, потому что никогда бы не закончил. Казалось, безумие внезапно охватило корабль. Узнав о лишении ее наследства, дева-воительница сияла. Внизу, в трюме корабля, двое юношей, расслышавших эти слова, радостно вскинули шляпы. Сам Лейф Эрикссон громко рассмеялся и насмешливо щелкнул пальцами.

- Великая месть! - сказал он. - Моя родственница не могла бы получить большей милости от этого мужлана. Если бы она добилась этого ударом кинжала, я не сомневаюсь, что она позволила бы его низменной крови течь из ее вен задолго до этого.

Он повернулся туда, где стояла Хельга, наблюдавшая за ним с сердцем в глазах, притянул ее к себе и поцеловал.

"Ты выбирала между честью и богатством, родственница, - сказал он, - но пока в моем кошельке есть кольцо, у тебя никогда не будет недостатка в имуществе; ты вела себя как истинная норвежская девушка, и теперь я могу сказать, что уважаю тебя за это. Иди так, как желает твое сердце, без дальнейших препятствий".

Хельга задержалась, чтобы прижать его руку к своей щеке; затем на глазах у всех, без малейшего стыда, она прошла путь, который закончился в объятиях ее возлюбленного.

Они стояли бок о бок на позолоченном носу, и он дважды поцеловал ее в глаза за каждую пролитую ими слезу; и он трижды поцеловал ее в губы, и ни один мужчина в целом мире не поднялся, чтобы помешать ему. Бок о бок они стояли на летящем носу, божественно вылепленная голова-фигура, позолоченная светом любви.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда последние лучи солнца гасли на вершинах гор, исследовательское судно бросило якорь перед корабельными ангарами Эрика и нетерпеливыми группами, собравшимися на берегу по первому сигналу. Толпу составляли не только зеваки, но и сам Рыжий, и Торвальд, и все жители Браттахлида; и с ними половина высокородных мужчин Гренландии, которые последний месяц

жили в гостях у Эрика, чтобы быть под рукой по этому случаю. Они толкали друг друга, как школьники, когда толпились внизу, чтобы встретить первую лодку с грузом.

Десять моряков, сошедших на берег, выглядели преуспевающей группой. Их руки были полны странных домашних животных; их сумки были набиты образцами древесины и образцами пшеницы, а также орехами и изюмом. Все были холеными и упитанными после года хорошей жизни, и все ликовали от счастья и чувства собственной значимости. Даже когда их руки обнимали шеи своих возлюбленных, они начали намекать на свои отважные приключения и хвастаться зерном, лесом и вином. Хранители дома услышали ровно столько, чтобы их любопытство разыграло и затанцевало от нетерпения узнать больше. И с каждой следующей лодкой, набитой дюжими героями, их энтузиазм возрастал.

Затем, постепенно, песня перешла в минорную тональность, когда жалкая команда Торира приземлилась на песок. Изможденные, измученные и почти неспособные ходить, они цеплялись за мускулистые руки своих спасительниц, и ужасы их лишений были написаны безжалостными буквами на прекрасном белом лице Гудрид. Ликование и смех сменились недоумевающими вопросами и жалобным бормотанием.

Пока Торир вкратце рассказывал Красному об их страданиях, толпа слушала их, как любимую балладу, содрогалась и страдала вместе с ним. Затем словами, в которых все еще звучали радость и благодарность, Торир рассказал об их спасении Лейфом Эрикссоном.

Стрелам, летящим с огромной скоростью, нужно было только прицелиться, чтобы они достигли своей цели. Со всех сторон раздавались полеты с необузданным энтузиазмом. Теперь Торир указал им цель. Любопытство и триумф, жалость и ликование - все слилось в один великий порыв и переросло в страсть поклонения герою. К лодке, доставлявшей Счастливого на сушу, они повернулись лицом и сердцем и выразили свое почтение к его ногам. Никогда еще ледники Гренландии не слышали такого шума приветствий, как тогда, когда толпа ликовала, топала ногами и бряцала оружием.

Это был величайший момент. Бронзовое лицо Листа было белым, когда он стоял, ожидая, когда утихнет шум, чтобы он мог ответить им. И все же никогда его осанка не была более величественной, чем тогда, когда он наконец выступил вперед и встретился с ними лицом к лицу.

"Я очень благодарен вам за вашу услугу, друзья", - вежливо сказал он. "Это больше, чем я мог ожидать, и я очень благодарен вам за это. Но я считаю правильным напомнить вам, что я не из тех людей, которые полагаются только на свои силы. То, что я сделал, я смог сделать с помощью моего Бога, которого вы отвергаете. Ему я воздаю благодарность и славу".

В том смирении, которое выше гордыни, он снял с груди серебряное распятие и склонил перед ним голову. В наступившей тишине отчетливо прозвучал мужской голос — голос одного из выдающихся вождей Гренландии.

"Слава Богу Лейфа Эрикссона! Бог, который помог ему, должно быть, всемогущ. Отныне я буду верить, что Он и никто другой - единственный Бог. Слава Кресту!"

Прежде чем он закончил, другой голос подхватил этот крик - и еще один, и еще; пока не осталось десяти человек, которые не выкрикивали его снова и снова, в бреду возбуждения.

Эрик отвернулся и изобразил на груди знак молота Тора, но когда он повернулся обратно, в его взгляде была только гордость.

Лист неподвижно стоял посреди суматохи; он смотрел вверх своим странным отсутствующим взглядом, как будто его глаза могли проникнуть сквозь облака, окутавшие стены Валгаллы, и найти одно любимое лицо среди воинов на скамьях.

Вполголоса он сказал своему английскому оруженосцу: "Я молю Бога, чтобы Олаф Трюгвассон услышал это сейчас и понял, что я был так же верен ему в его смерти, как и при его жизни".

Он не почувствовал, когда Элвин наклонился и коснулся губами подола алого плаща, и не услышал страстного шепота: "Таким верным я буду тебе отныне".

КОНЕЦ